АКАДЕМИЯ НАУК СССР ✓ ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

Проф. З. В. АТЛАС
доктор экономических наук

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В СССР

(1917—1925)

Государственное финансовое издательство
1940

ПРЕДИСЛОВИЕ

25 октября 1917 г. крейсер «Аврора» громом своих пушек, направленных на Зимний дворец, возвестил начало новой эры — эры Великой Октябрьской социалистической революции.

С наступлением новой эры в истории человечества закономерности денежного обращения, которые много столетий действовали в буржуазном и добуржуазном обществах, изменились в нашей стране принципиально, коренным образом. Это произошло не автоматически и не в порядке мирного эволюционного развития, но в процессе ожесточенной борьбы диктатуры рабочего класса против эксилоататореких классов, за овладение кредитно-денежным механизмом.

Требование исторического подхода к общественным явлениям («Все зависит от условий, места и времени») означает необходимость изучения явлений денежного обращения в развитии, в движении. Формы и методы руководства денежной системой СССР изменялись в процессе исторического развития экономики СССР.

Плодотворная разработка вопросов теории советских денег возможна лишь на основе обобщения практики социалистического строительства. А это требует серьезного изучения исторической действительности во всем ее многообразии — анализа закономерностей советского денежного обращения на фактическом материале, характеризующем конкретные исторические условия, ,в которых эти закономерности осуществлялись.

В советском обществе диктатура рабочего класса планомерным путем направляет развитие экономики к коммунизму. Это значит, что в советском обществе базисом является организованная государством экономика, основанная на общественной собственности на средства производства. А отсюда вытекает совершенно иное значение экономических рычагов, а следовательно, и денежной политики в условиях советского общества в отличие от общества капитали-

[1] *И. Сталин,* Вопросы ленинизма, 11-е изд., стр. 540.

стического. Сознательное, плановое руководство развитием экономики — важнейшая задача Советского государства.

Если при исследовании основных экономических законов капиталистического общества необходимо отвлечься от государства как «надстройки» над экономикой, то при изучении закономерностей советской экономики такой метод, в частности, в применении к денежному обращению, означал бы абстрагирование от самого существенного, самого основного.

Однако руководящая роль политики в условиях советского общества не означает того, что государство может ставить себе любые задачи и посредством мер экономической политики их разрешать. Товарищ Сталин указывал на вредную болезнь «революцион-ного» планотворчества, имеющую своим источником «веру в силу декрета, могущего все устроить и все переделать» Товарищ Сталин учит нас: «...чтобы не ошибиться в политике, партия пролетариата должна исходить как в построении своей программы, так и в своей практической деятельности, прежде всего, из законов развития производства, из законов экономического развития общества» [2]. Экономическая, а следовательно, и денежная политика может ставить себе лишь разрешимые задачи. Правильная политическая линия должна исходить из глубокого научного понимания потребностей и законов экономического развития, из законов и потребностей развития производства.

Такую глубокую научную основу имеет, конечно, и политика партии в области финансовой. На практике «...политика и хозяйство неотделимы. Они существуют Вместе и действуют вместе.»[3] «Политика есть самое концентрированное выражение экономики и ее обобщение й завершение» [4]. А это значит, что *научное исследование экономической политики вообще и денежной политики в частности обязательно включает в себя изучение тех экономических процессов, обобщением и завершением которых она является и которые изменяются под ее воздействием.*

Исследователь прежде всего должен точно установить исторические факты. Однако задача историко-зкономическо'го исследования не ограничивается описанием, регистрацией фактов развития

[1] *И. Сталин,* Вопросы ленинизма, 11-е изд., стр. 76.
[2] *Там же,* стр. 552.
[3] *И. Сталин,* О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троц кистских и иных двурушников, М., 1937 г., стр. 32.
[4] Из резолюции IX съезда РКП(б) о профессиональных союзах. См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», М., 1936 г., ч. I, стр. 346.

экономики и политики: чтобы объяснить причины тех или иных явлений, необходимо дать анализ сложного процесса взаимодействия экономических и политических факторов при ведущей, конечно, роли политики.

* * *

Наша работа посвящена изучению ряда проблем истории денежного обращения СССР и денежной политики советской власти с момента Октябрьской социалистической революции до периода борьбы за социалистическую индустриализацию нашей страны **(1917—** 1925 годы). В эти годы была проведена денежная реформа, которая является не только важнейшей исторической вехой развития денежной системы СССР. Ее успех открыл «...новую страницу в области хозяйственного строительства СССР, создавая прочную базу для дальнейшего экономического прогресса»

Идея денежной реформы принадлежит Ленину: еще в 1918 г. Ленин и партия ставили задачу проведения денежной реформы и создания устойчивой валюты. Реформа была осуществлена по плану и под руководство ленинско-сталинского ЦК партии в 1922— 1924 гг.

Денежная реформа открыла новую страницу истории денежной системы СССР.

В наших «Очерках» изучается определенный, четко исторически очерченный период развития денежной системы СССР. Если в этом смысле работу можно считать законченной, то не случайно мы назвали ее «Очерками»: ив учение этого важнейшего периода истории денежного обращения GGGP и денежной политики советской власти далеко не исчерпано нашей работой. Не все вопросы освещаются в «Очерках» с одинаковой полнотой и конкретностью, и далеко не весь фактический материал привлечен нами: для других исследователей остается огромное количество пока никем не тронутых источников (архивы, (местная печать и пр.). В особенности это относится к денежному обращению в национальных республиках и областях, а также к некоторым общим вопросам денежного обращения СССР. Кроме того, мы были ограничены размерами издаваемой книги.

Исследование проблем денежного обращения и денежной политики советской власти 1917—1925 гг. представляет серьезные трудности, связанные со сложностью анализируемых явлений, с засо-

[1] Из резолюции XIV конференции ВКЩб). См. «ВКЩб) в резолюциях в решениях», ч. И, М., 1936 г., стр. 14.

ренностыо литературных источников работами буржуазных экономистов и оппортунистов, с невозможностью вообще в документах и архивных источниках найти ответы на некоторые специальные вопросы денежной политики и т. д.

Книга разделена на две части: первая относится к периоду от Октябрьской социалистической революции до перехода к нэпу и вторая — к периоду после перехода к новой экономической политике. Предпосылки и проведение денежной реформы излагаются во второй части книги.

Цифровые данные по денежному обращению СССР в тех случаях, когда источники не указаны, взяты из официальных материалов Наркомфина и Госбанка.

Автор приносит благодарность научному сотруднику Научно-исследовательского института Наркомфина СССР тов. Розенталь Е. И. за оказанную ею помощь в работе над архивными источниками.

была свобода разнузданной эксплоатации рабочего класса и крестьянства, которая поощрялась политикой цен Временного правительства.

К моменту (Великой Октябрьской социалистической революции покупательная сила рубля равнялась не более 10 довоенным копейкам.

Однако валютный курс рубля, благодаря поддержке стран Антанты, удержался на уровне 25—30 коп. 13 октября 1917 г. «а лондонской бирже фунт стерлингов котировался в 31 руб. 20 коп. при паритете 9 руб. 45 коп.

Поддержание при содействии «союзников» валютного курса рубля на относительно высоком уровне было выгодно крупному капиталу. Создавался такой разрыв между уровнями внутренних и мировых цен, при котором импортируемые товары на русские деньги стоили много дешевле цены этих товаров внутри страны (потери же капиталистов на экспорте товаров не имели значения, ибо экспорт сошел на-нет). Трудящиеся платили за товары по внутренним, а не по мировым ценам, так что вся разница между внутренними и мировыми ценами попадала в карманы капиталистов. Таким образом, инфляция и валютная политика Керенского дали возможность буржуазии использовать денежный механизм для получения сверхприбылей за счет трудящихся в связи с тем, что реальная зарплата продолжала снижаться.

Денежный и финансовый механизм находился в состоянии крайнего расстройства, острейший финансовый кризис был в полном разгаре. «Финансовый кризис ускорял темпы развала хозяйства. Правительство вело страну к катастрофе»1.

§ 2. Требование национализации банков и вопросы денежной политики в экономической платформе партии большевиков на путях к Октябрю

Ленин в своих «Апрельских тезисах» дал партии и пролетариату «ясную революционную линию перехода от буржуазной революции к социалистической»[2], наметив также первые шаги к разрешению этой задачи.

Выдвинутые большевиками лозунги — немедленного прекращения империалистической войны, национализации земли, национализации банков и 'Синдикатов, рабочего контроля над производством и распределением продуктов — были понятны трудящимся массам. Они сплачивали пролетариат и трудящееся крестьянство вокруг большевистской партии, они показывали массам, что только партия

[1] «История гражданской войны в СССР», т. I, 2-е над., стр. 194.
[2] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 177.

большевиков является подлинно революционной пролетарской партией, способной вывести страну из нищеты и разрухи, спасти трудящихся от голода, прекратить 'империалистическую бойню, дать хлеб рабочим и землю крестьянам.

Тщетны были попытки лакеев буржуазии — меньшевиков и эсеров — путем клеветы на большевиков, а также лживых демагогических лозунгов отколоть массы от большевиков и остановить победоносный ход пролетарской революции. Ленин и Сталин на каждом шагу разоблачали предательские маневры меньшевиков. Они разъясняли рабочим, что брошенная министром Скобелевым! фраза об изъятии 100 проц. прибылей капиталистов есть демагогический прием, имеющий целью отвлечь «...внимание народа *от главного;* именно: от перехода действительного контроля IB руки действительно рабочих»1 Разоблачая подобные маневры, Ленин и Сталин показывали рабочим, что меньшевики на деле готовы ради интересов буржуазии пойти на гибель России, на ее полное закабаление иностранным капиталом.

Денежные и финансовые вопросы в экономической платформе партии большевиков в этот период занимали весьма важное место. Экономическая разруха со всей силой проявлялась в сфере денежного обращения и в кредитно-финансовой системе; эта система была в то же время одним из важнейших орудий в руках буржуазии для осуществления ее контрреволюционных целей, для усиления разрухи, чтобы «костлявой рукой голода» задушить революцию.

Банки — орудие финансового капитала — были центрами спекуляции и финансирования контрреволюции. Ленин обосновал требование национализации банков (высокой ступенью развития капитализма, уже достигнутой в банковом' деле, и необходимостью,. в связи с созданной империалистической войной разрухой, государ-стенного и общественного контроля над производством и распределением важнейших продуктов. Требование национализации банков выдвигалось Лениным и партией наряду с другими экономическими и политическими мероприятиями, (необходимыми для перехода от буржуазной революции к социалистической.

В своем историческом докладе на VI съезде партии товарищ Сталин «поставил вопросы, решение которых определяло ход и исход пролетарской революции в нашей стране»[2].! VI съезд партии по докладу товарища Сталина постановил, что «Необходимо вмешательство в область, производства в целях планомерного урегулирования производства и распределения, а также необходима национализация и централизация банкового дела, национализация ряда синдицированных предприятий (например, нефтяных, каменноугольных, сахарных, металлургических, а также транспорта)» [3],

1В.И. *Ленин,* Соч., -т. XX, стр. 379.
[2] «История гражданской войны в СССР», т. I, изд. 1938 г., стр. 160. 3«ВКП(б) в резолюциях и решениях», ч. I, стр. 262.

Национализация банков являлась одним из основных экономических программных требований партии большевиков: без осуществления этого требования нельзя было бы овладеть денежным и финансовым механизмом и использовать его для осуществления ленинского плана—перехода к социалистической революции.

Требование национализации банков выдвигалось в «Коммунистическом манифесте» основоположниками научного коммунизма — Марксом и Энгельсом —.....в числе десяти мероприятий коммунистической революции. Пятое из "этих ' мероприятий: "Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и исключительной монополией» 1.

Маркс и Энгельс считали, что банки должны быть национализированы с целью создания *единого государственного банка,* «...Вместо «всех частных банков выступает государственный банк, бумаги которого имеют узаконенный курс»[2].

Проведение этой меры «...делает возможным регулирование всего кредитного дела в интересах *всего* народа и таким образом подрывает господство крупных собственников денег» [3]. Таким образом, Маркс и Энгельс гениально предвидели значение этой меры для подрыва денежной власти буржуазии, для использования диктатурой пролетариата кредитно-денежной системы в интересах трудящихся масс, в ущерб буржуазии.

Вместе с тем они также гениально предвидели, что пролетарское государство сможет так регулировать денежное обращение, чтобы *полностью заместить золото и серебро бумажными знаками и сконцентрировать золото и серебро в руках государства для того,* (чтобы использовать их во 'внешних сношениях [4].

Требования национализации банков, создания единого государственного банка и коренной перестройки денежной системы диктатурой пролетариата имеют глубокое научное обоснование в теории капиталистического кредита Маркса, в его положениях о двойственном характере кредитной (а следовательно, и денежной) системы капитализма, о роли кредитной системы, которая служит «...мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда» [5].

Ленин обогатил учение Маркса о двойственном характере кредитной системы капитализма, разработав теорию *о новой роли бан-ков в* эпоху империализма. Ленин доказал, что в условиях империа-лизма банки превратились в центральные нервные узлы капиталистической экономики, в фокус всей хозяйственной жизни. Финансовый капитал через банки подчиняет себе все стороны хозяйствеи-

1 К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 502. 2 *Там же,* стр. 586.
3 Там же. 4 Там же. К. Маркс, Капитал, т. III, изд. 1938 г., стр. 537.

ной жизни, и поэтому, завладев банками, пролетариат получает мощное средство контроля над капиталистами и всем хозяйством 1 страны.

Овладение (банками является по учению Ленина одной из *пер- вых и необходимых мер,* которую может и должна осуществить диктатура пролетариата, одним из первых и необходимых *шагов к социализму.* Банки являются одной из наиболее важных команд-ных высот капиталистического хозяйства, которой необходимо овла- деть (В *первую очередь* для осуществления великих исторических задач диктатуры пролетариата.

В брошюре «Удержат ли большевики государственную власть?» Ленин, теоретически обосновывая необходимость уничтожения по- литического аппарата буржуазного государства, в то же время до- казал необходимость овладения и использования экономических an-паратов буржуазии, важнейшими из которых являются банки.

«Этого аппарата разбивать нельзя и не надо. Его надо вырвать из подчинения капиталистам, от него надо *отрезать, отсечь, отру -бить* капиталистов с их нитями влияния, его надо *подчинить* проле-тарским Советам, его надо сделать более широким, более всеобъем- лющим, более всенародным... *Без крупных банков социализм был бы неосуществим»*

Ленин дал ясную перспективу действий пролетариата в отноше- нии кредитно-денежной системы, перспективу революционного пре- вращения частных капиталистических банков в *единый* социалиста- ческий государственный банк, который будет представлять собой аппарат общегосударственного учета производства и распределения продуктов—«...нечто вроде *скелета* социалистического общества» .

Учение Маркса и Ленина о роли кредитной системы в переход- иый период в полной мере относится и к деньгам, и к денежной системе.[1] Для выполнения банками их новой роли в условиях дикта- туры пролетариата, для организации через банки пролетарского учета и контроля над производством и распределением продуктов необходимы были твердые деньги. Необходимо было ликвидировать. инфляцию и стабилизировать рубль. VI съезд партии требовал немедленного прекращения дальнейшего выпуска бумажных денег. Это диктовалось задачами хозяйственного восстановления и социа- диетического строительства, искоренения спекуляции и т. д. Но для прекращения эмиссии бумажных денег сначала было необходимо. оздоровить государственный бюджет. Каким же образом в корот-, кий срок этого можно было достигнуть? Тот путь, который, напри- мер, предлагали для этой цели некоторые представители буржуа-зии — получение пятимиллиардного займа у Америки,— вел к пол-ному закабалению России иностранным капиталом, которая и без того уже находилась в полуколониальной зависимости от послед-него. Большевики же предлагали пролетарский революционный путь

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXI, стр. 260.
[2] *Там же. Г*

выхода из финансового кризиса: наряду с другими мерами большевики требовали отказа от уплаты всех государственных долгов как внутренних, так и внешних. Эти займы были заключены правительством буржуазии и помещиков *за счет* народа и вопреки его интересам для финансирования империалистической бойни, для подавления революционного движения.

Если к началу империалистической войны государственный долг России составлял 9 млрд. руб., то к моменту Великой Октябрьской социалистической революции государственный долг составлял 60 млрд. руб., в том числе внутренний долг — 44 млрд. руб. (из них 25 млрд. руб. — по долгосрочным займам и 19 млрд. руб. — по краткосрочным обязательствам казначейства) и внешний госдолг— 16 млрд. руб.

Аннулирование внешних займов означало требование полностью я навсегда порвать с той политикой закабаления России иностранным капиталом, которую проводили царское правительство и его преемник — Временное правительство. Эта мера должна была уничтожить те цепи, которые связывали Россию с (рядом крупнейших, империалистических государств и их внешней политикой.

В то же время аннулирование государственного долга должно было сбросить с плеч народа тяжкое бремя и облегчить государственный бюджет от огромных расходов по погашению займов и выплате процентов.

Наряду с этой мерой большевики требовали такой реформы налогов, которая дала бы возможность переложить тяжесть налогового обложения с плеч трудящихся на плечи буржуазии и поднять таким путем доходы госбюджета.

Анализируя классовую природу бумажных денег в условиях капитализма, Ленин доказал, что эмиссия бумажных денег есть худший вид принудительного займа, который всей своей тяжестью падает на пролетариат и все беднейшее население. В то же время он доказал, что прогрессивный налог на буржуазию как средство против бумажно-денежной инфляции в условиях обесценения денег и утайки доходов при соблюдении коммерческой тайны «...остается в значительной степени фикцией...» 2 Чтобы прогрессивный налог на буржуазию сделать реальным, эффективным, необходимы были национализация банков, рабочий контроль, отмена коммерческой тайны. Таким образом, указанные выше требования в финансовой области были органически связаны со всей экономической платформой иартии большевиков.

Позиция партии большевиков в вопросах денежного обращения была пролетарской, последовательно-революционной, она являлась

[1] О строении внутреннего госдолга и распределении внешнего госдолга но странам см. *Б. Ривкин,* Финансы и кредит в период подготовки и прове дения Великой Октябрьской социалистической (революции, М., 1939 г., стр. 75—76.

[2] *В. И. Ленин,* Грозящая катастрофа И как с ней бороться, Соч., т. XXI,, стр. 183.

органической частью всей политики революционного выхода из экономического и финансового кризиса, подрыва: [экономической власти буржуазии. Партия могла осуществить на практике эту политику потому, что она была вооружена ленинской теорией *о* возможности победы социализма в одной стране.

Требования партии большевиков в экономической и финансовой области являлись «шагами к социализму». Они вели к национализации промышленности и к уничтожению денежной власти буржуазии, к превращению всей кредитно-денежной системы в орудие диктатуры (рабочего класса, к коренному изменению функций и назначения этого' инструмента буржуазии в пользу социализма, в ущерб капитализму. Это (доказано всей практикой революционной «борьбы' и социалистического строительства в СССР.

§ 3. Национализация банков '

«25 октября (7 ноября) Красной гвардией и революционными войсками были заняты вокзалы, почта, телеграф, министерства, государственный банк». Государственный банк, будучи частью государственного аппарата, должен был бы безоговорочно выполнять распоряжения новой, советской государственной власти. Однако высшие чиновники Государственного банка отказались выполнять распоряжения советского правительства, не желая выдать большевикам ни одного рубля из кассы банка.

Часть членов бывш. Временного правительства, ускользнувшая от ареста и продолжавшая считать себя «правительством», на своих подпольных заседаниях утвердила ряд выдач из Госбанка на контрреволюционные махинации этого «правительства», всего в сумме 42 900 тыс. руб. Эти выдачи, замаскированные разного рода фиктивными статьями, в действительности шли на контрреволюционные заговоры, саботаж и т. п.[3]. Неудивительно поэтому, что скрывавшиеся в подполье остатки бывш. Временного правительства со страхом следили за тем, как большевики овладевают Госбанком, добиваясь его полного подчинения советскому правительству.

[1] История национализация банков является самостоятельной, большой темой доследования. В нашей работе мы лишь кратко затрагиваем эту проблему исключительно под углом зрения вопросов денежного обращения.

[2] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 198, 199.

[3] Протоколы заседаний бывш. Временного правительства с 19 по 29 ноября (н. ст.) 1917 г. опубликованы в журнале «Красный архив» № 6 за 1924 г., стр. 203—213. Распоряжения о выдаче средств из Госбанка давались под такими предлогама, как «закупка дров», «заготовка продовольствия», «расходы мини стерства путей сообщения» и т. п. Но а в протоколах можно найти сведения об 'истинных целях этого финансирования: так, на одном заседания обсуждался вопрос о выдаче жалованья *бастующим служащим Госбанка.* После захвата Гос банка 'советской властью бывшие министры были лишены возможности воровать народные средства: «исполняющий обязанность министра-председателя» Проко-

После того как длительные переговоры с руководством Государственного банка ни к чему не привели, советская власть применила вооруженную силу для овладения аппаратом и ценностями Государственного банка. Госбанк был захвачен 20 (по ст. стилю 7) ноября 1917 г.

Овладев Государственным банком, советская власть получила в свое распоряжение золотой запас, который составлял к моменту Октябрьской революции 1 260 млн. руб. Половина золотого запаса, около 600 млн. руб., хранилась в Москве, другая половина, находившаяся в Казани, была впоследствии захвачена чехословацкими контрреволюционными бандами.

Госбанк был эмиссионным банком, и, следовательно, после его захвата эмиссионными ресурсами страны могла распоряжаться советская власть.

Овладение Государственным банком дало в распоряжение пролетарского государства средства для содержания аппарата советской власти в центре и на местах, для финансирования революционных мероприятий.

Эмиссионный аппарат находился *в* Петрограде, а места (в том числе и Москва) должны были финансироваться центром. Правительству необходимо было немедленно наладить пересылку денег на места,. Советская власть в Москве, быстро исчерпав наличные запасы денег, срочно требовала подкреплений из Петрограда. Задержка в получении денег создавала в Москве в декабре 1917 г. весьма тревожную обстановку; еще более напряженным было положение в провинции, откуда пачками поступали телеграммы с требованием денег. Так, из Барнаула 21 декабри 1917 г. телеграфировали в центр: «Отсутствие денежных знаков в губерния создало критическое положение. Остановились крупные закупки для армии, для голодных губерний, остановились выплаты пособий семьям призванных, эвакуированным солдатам, переселяемым бежевцам, оплата чеков, переводов, вкладов сберегательных касс, железнодорожным рабо- чам, население волнуется»[1]. Из центра необходимо было отправлять денеж- яые подкрепления создавшимся на местах 'органам советской власти.

Приходилось прибегать к эмиссии в значительных размерах, ибо деньги только *извлекались* из банков, но в банки не поступали. В буржуазных и мелкобуржуазных кругах, в связи с опасением конфискации вкладов, усилилось стремление к тезаврированию денег. Ввиду недостатка денежных знаков и вследствие саботажа Экспедиции заготовления государственных бумаг правительство» в качестве временной меры выпустило в обращение мелкие купюры «Займа свободы»[2]. Эти облигации были проштемпелеваны, что исключало возможность использования в качестве денежных знаков всей массы имевшихся на руках у населения облигаций прежних займов.

пович на заседании бывш. Временного правительства 28 (15) ноября заявил: «в связи с занятием Госбанка хозяйственна-административная (?!) деятельность (временного правительства.— *З. А.)* прекращается». *(Там же,* стр. 213).'

[1] Центральный архив Октябрьской революции (ЦАОР), ф. № 2324, оп. 37, д № 1, л. 9. См. также телеграмму из Омска (ЦАОР, ф. 2324, оп. 37, д. № 1, 54) в др.

D2 С У. и Р от 1 апреля 1917 г., № 24, ст. 331. см. также "Пролетарская революция», 1925 г. № 4, стр. 161—162.

Естественно, что в условиях транспортной разрухи, развала финансовой системы и технических трудностей увеличения эмиссии органы советской власти на местах не могли рассчитывать только на финансирование из центра и стремились революционными методами изыскивать средства, необходимые для покрытия неотложных местных нужд, для чего на буржуазию накладывались *денежные контрибуции.* Отбираемые при обысках деньги поступали в кассы исполкомов для покрытия их нужд.

Овладев Госбанком и сломив саботаж его чиновников, советская власть использовала Госбанк для установления контроля над частными банками.

Госбанк, будучи «банком банков», предоставлял крупные кредиты частным банкам. Так, сумма переучета коммерческих банков в Госбанке на 23 октября 1917 г. составляла по балансу Госбанка 500 млн. руб., а ссуды Госбанка коммерческим банкам под залог ценных бумаг—1 601,3 млн. руб. Кроме того, частные банки держали в Госбанке свои денежные резервы и получали наличность почти исключительно от Госбанка. Таким образом, частные банки находились в финансовой зависимости от Госбанка.

Контроль над частными банками был необходим для осуществления рабочего контроля «над производством, куплей-продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятий» Декрет о рабочем контроле был издан **27** ноября **1917** г.

Государственный банк заключил с частными банками соглашение, на основании которого эти банки обязаны были представлять ежедневно Государственному банку сведения о том, кому, с какого счета и на какой предмет произведена выдача.

Однако как администрация частных банков, так и меньшевистский союз «Банкотруд» противились контролю, затеяли саботаж и стремились этот контроль сорвать. *Саботаж и контрреволюционная кредитная политика частных банков угрожали срывом рабочего контроля над производством.*

У частных банков было соглашение с фабрикантами, на основании которого банки обязались не давать денег с текущих счетов тем фабрикам, где вводится рабочий контроль.

Частные банки лишь 'формально приняли условия соглашения с Госбанком на деле же они стремились уклониться от их выполнения и использовали получаемые из Государственного банка денежные подкрепления в контрреволюционных целях, давая возможность капиталистам извлекать из банков и денежные накопления.

Часть банков вообще не давала требуемых сведений, а другая часть банков давала заведомо ложные сведения,/ скрывая действи-

[1] С. У. и Р. от 9 декабря. 1917 г., № 3, ст. 35.

тельный характер своих финансовых операций, на что впоследствии указывал Ленин;

«Для проведения контроля мы их, банковских дельцов, 'призывали и с ними вместе выработали меры, на которые они согласились, чтобы при полном контроле и отчетности получать ссуды. Но нашлись среди банковских служащих люди, которым близки интересы пароде, и сказали: «они вас обманывают, спешите пресечь их преступную деятельность, направленную прямо во вред вам». И мы поспешили...» 1.

Московский совет неоднократно сталкивался с антисоветскими операциями частных банков. Так, например, обсудив заявление заводского комитета предприятия «Людвиг и Смит», Московский совет 28 ноября 1917 г. постановил, чтобы деньги с текущего счета «Людвиг и Смит» не выдавались без согласия заводского комитета этого завода.

29 ноября Московский совет обсуждает положение на Ликинской мануфактуре и выносит постановлсиле:

«Полупить срочно санкцию Совета 'народных комиссаров на то, что все личные капиталы владельцев Ликииской мануфактуры Смирновых переходят Б собственность государства; для разрешения этого вопроса делегируется в Петроград один член правления Ликинской мануфактуры;

обратиться к Торгово-промышленному, Московскому государственному банкам, казначейству и интендантству с приказом не выдавать денег прежнему Ликинекой ману фактуры.

указать вышеуказанным банкам, что в случае неподчинения их приказу президиума о невыдаче денег прежнему правлению Ликинской мануфактуры они не получат подкрепления из Государственного банка и их текущие счета будут закрыты; ввиду попытки директоров правления Ликинской мануфактуры В. А-и А. В. Смирновых и М. С Смирновой путем подлога получить средства, принадлежащие государству, дать распоряжение о розыске и аресте названных лиц и предании их суду?> -.

Это постановление, как и многие другие аналогичные, характеризует борьбу рабочего класса против попыток буржуазии использовать кредитно-денежный механизм в контрреволюционных целях. Директора предприятий пытались освободиться от «опеки» над ними рабочего контроля, удушить последний «не дубьем, так рублем»: они стремились завладеть финансами предприятия, присвоить себе все денежные накопления предприятия, находящиеся в банке. Здесь преследовалась цель — сразу убить двух зайцев: с одной стороны, обескровить в финансовом отношении предприятия, парализовать их деятельность, вызвать волнения рабочих, с другой— получить в свое распоряжение денежные ресурсы, которые можно было бы использовать для борьбы с советской властью.

Так развертывалась борьба за овладение банковой системой и денежным механизмом в Петрограде, Москве и провинции, причем в целом ряде городов (Екатеринбург, Воронеж, Вятка, Астрахань, Ростов на Дону, Харьков, Одесса и др.) были выдвинуты проекты выпуска ввиду денежного голода местной, так сказать, *банковской валюты* — денежных суррогатов в виде акцептованных чеков, бон и т. д. При осуществлении этих проектов местные

[1] *В. //. Ленин,* Соч., т. XXII, 3-е изд., стр. 143. 2 ЦАОР, ф. 641, оп. 369, д. 12, л. 13.

советы стремились либо брать лод свой контроль эту эмиссионную операцию, либо проводить ее самостоятельно помимо банков. Капиталисты же, конечно, боролись за «автономию» в этом деле, стремясь использовать право эмиссии денежных суррогатов в контрреволюционных целях. В Петрограде и в Москве, где советская власть держала крепко в своих руках эмиссионный аппарат, возможность таких махинаций была исключена.

30 ноября 1917 г. совещание представителей частных банков выносит решение о необходимости образования союза российских банков. Предполагалось, что этот союз будет выпускать акцептованные чеки на предъявителя IB круглых суммах, которые беспрепятственно будут приниматься! всеми банками по их операциям. 27 петроградских банков, образовали консорциум! для организаций этого эмиссионного института, Банкиры полным ходом (развернули организационно-техническую работу по учреждению собственного эмиссионного центра: они успели даже напечатать денежных знаков (чеков в круглых суммах) на 1 миллиард рублей! Национализация банков расстроила эти контрреволюционные планы банкиров, подорвав в корне всякую возможность создания независимого от Советского (государства частного эмиссионного банка 1

В столице и на местах банки сплошь и рядом не только не признавали рабочего контроля, но также и правительственных актов о национализации отдельных предприятий, продолжая вести дела (эти «дела» имели лишь односторонний характер выдачи денег) с прежними их собственниками. Приведенное выше постановление Моссовета о Ликинской мануфактуре имело большое принципиальное значение в развертывании борьбы за овладение денежным механизмом, указывая на ту меру воздействия, которую советская власть применяла к банкам в случае неподчинения последних ее распоряжениям, — лишение' их права на получение денежных подкреплений из Государственного банка и закрытие в Государственном банке их текущих счетов.

Ленин и Сталин уделяли большое внимание проблеме организации и осуществлению контроля над частными банками.

12 декабря 1917 г. СНК был принят декрет, подписанный Лениным и Сталиным [2], о введении представителей советов в состав учетно-ссудных комитетов контор и отделений Государственного банка. Эта мера имела большое значение, ибо учетно-ссудные комитеты определяли размеры кредитов частным банкам и предприятиям, которые усиленно питались за счет эмиссионных ресурсов Государственного банка. Использование эмиссии клиентурой Государственного банка, в том числе частными банками, было поставлено тем самым под контроль советов, что было особенно

[1] Подробнее об этих проектах банкиров см. в книге *Б. Ривкина* «Финансы и кредит в период (Подготовки и проведения Великой Октябрьской социали стической революции», М., 1939 г., стр. 61—63.

[2] С У. и R 1917 г., *N*° 8, ст. 109.

важно в провинции, где администрация филиалов Государственного банка в основном сохранилась прежняя.

Но принятия одной этой меры было недостаточно. Необходимо было ускорить осуществление программного требования партии — национализации банков, чтобы подчинить кредитно-денежный механизм диктатуре пролетариата, чтобы превратить этот механизм из орудия капитала в орудие освобождения трудящихся от власти капитала, в орудие построения социализма.

Активный и упорный саботаж банков (показал, что до тех пор, пока банки остаются в частных руках, они будут всячески уклоняться от рабочего контроля и использовать в скрытой форме кредитно-денежный механизм в интересах капиталистов для борьбы с пролетариатом. 27 (14) декабря были национализированы все крупные банки:

«Одной из первых мер, направленных к тому, чтобы не только исчезли с лица земли русской помещики, но и для подрыва в корне господства буржуазии и возможности гнета капитала над миллионами и десятками миллионов трудящихся,— был переход к национализации банков» *Национализация банков лишила контрреволюционную буржуазию ее финансовых центров и передала в руки пролетариата могучее средство контроля над производством и обращением* [2].

Однако собственники предприятий и после национализации банков ухитрялись иногда получать деньги из Государственного (Народного) банка обманным путем, без ведома органов рабочего контроля. Приведем следующий характерный эпизод борьбы капиталистов за денежную власть. 20 апреля 1918 г. правление «Треугольника» обратилось к главному комиссару Народного банка с протестом по поводу ареста денежных средств в его "провинциальных отделениях; протест мотивировался тем, что отделения «Треугольника» якобы лишены возможности переводить деньги в Петроград в .погашение полученной товариществам ссуды[3]. Это был лишь предлог, чтобы добиться бесконтрольного распоряжения отделениями «Треугольника» своими денежными накоплениями на местах, чтобы повсюду из филиалов банков извлечь свои капиталы и подорвать финансы завода.

Капиталистам удавалось получать значительные суммы из банков вопреки декретам и распоряжениям советской власти. В этом зим помогали «свои люди» в Государственном, позднее Народном банке.

[1] *В, И. Ленин,* Соч., т. XXII, стр. 214. Декрет опубликован в С. У. и Р. от 28 декабря 1917 .г., № 10, ст. 150.

[2] Одновременно с декретом о национализации банков- был издан декрет «О ревизий стальных ящиков в банках» (сейфов). Только в Москве в результате обрезования 22 000 сейфов было найдено золота на 300 000 руб., серебра — на 150 000 руб. и на 450 млн. руб. ценных бумаг,

[3] ЦАОР, ф. 2324, от. 37, д. № 17, л. 62.

Для иллюстрация приведем следующий запрос рабочего комитета товарищества «Бр. Нобель» в Центральное контрольное бюро от 15 марта 1918г.: «Комитет рабочих Петроградского склада т-ва «Бр. Нобель» (Волково поле) просит вас расследовать и выяснить, кто да имя рабочих названного склада получает деньги из Государственного банка, ибо наши удостоверения при представлении их 30 января с. г. к вам признаны были недействительными и даже поддельными, между (тем с 31 января с г. по настоящий день было вынуто по чекам более полутора миллиона»[1].

Бывший председатель правления Русско-Азиатского банка Путилов финансировал белогвардейского генерала Алексеева для создания военной организации против советской власти; после разоблачения этик «операций» Путилова СНК вынес постановление о конфискации всего движимого и недвижимого имущества Путилова (постановление от: 27/ХИ 1917 г.)[2]. В Государственном (Народном) банке служащие допускали злоупотребления, давая возможность бывшим собственникам вопреки закону извлекать из банка свои денежные накопления.

Это была *классовая борьба* буржуазии против экономической политики пролетарского государства и прямое продолжение, лишь в иных формах и иными методами, той борьбы, которую вели банки до их национализации. Несмотря на все трудности и острый недостаток квалифицированных большевистских кадров, пролетариат вышел победителем и на этом фронте классовой борьбы: национализация банков дала возможность централизовать все дело кредитования, финансирования и расчетов и *поставить использование эмиссии под контроль правительства и партии.*

При Государственном банке па основании декрета СБК, опубликованного 16 февраля 1918 г., был создан Центральный учетно-ссудный комитет. «Всякое финансирование «предприятий,—говорится в этом декрете,— может производиться только через Центральный учетно-ссудный комитет, и никакое другое учреждение и ведомство не имеют права выдавать авансы и ссуды помимо Центрального учетно-ссудного комитета»[3]. Национализация банков, их объединение, создание Центрального учетно-ссудного комитета и другие аналогичные меры создали необходимые организационные предпосылки для использования кредитно-денежной системы в целях укрепления диктатуры рабочего класса и разрешения всех ее задач. Уже в этот период деньги, кредит и банки были использованы не только для финансирования государственных расходов, связанных с осуществлением задач подавления свергнутых классов внутри страны и обороны страны от нападения извне, но и для строительства нового, социалистического хозяйства и, следовательно, для осуществления хозяйственно-организаторской функции Советского государства. Необходимо было правильно организовать работу единого кредитно-денежного механизма, овладеть техникой эмиссии, кредитования и расчетов, ввести строгую дисциплину в аппарате банка.

[1] ЦАОР, ф. 2324, оп. 37, д. № 17, л. 21.

[2] Декрет от 27 декабря 1917 г. опубликован в С. У. и Р. от 4 января 1918 г., № 13, ст. 1.91.

[8] С. У. и Р. 1918 г., № 24, ст. 332.

Советская власть, опираясь на национализацию банков и рабочий контроль над производством, могла взять под контроль денежные обороты буржуазии, движение денежных капиталов, а следовательно, и весь в целом процесс производства на предприятиях, пока еще остававшихся в руках капиталистов. В этом—важнейшее значение национализации банков. как меры, укрепившей рабочий контроль над производством, организационно и экономически подготовившей переход к национализации промышленности, к созданию советской социалистической промышленности.

Хотя вклады капиталистов и не были конфискованы, но использование этих вкладов советская власть поставила под жесткий контроль, ограничив выдачу денег с текущих счетов на личные нужды прожиточным минимумом, на производительные же цели деньги могли выдаваться с текущих счетов только при наличии на требовании визы органов рабочего контроля на предприятиях. Кроме вкладов, буржуазия имела в своем распоряжении массу всевозможных денежных ценностей; металлических и бумажных денег, акций, облигаций и закладных листов, отличавшихся большой подвижностью, мобильностью. Как можно было контролировать использование буржуазией ее денежных ценностей, поскольку эти ценности не находились в банках, но хранились на руках?

Чтобы довести до конца контроль над производством и подготовить национализацию промышленности, необходимо было подорзать денежную власть буржуазии ве только в форме банковского капитала, но и во всех других формах.

При колоссальном обнищании всей страны, катастрофическом падении реальной заработной платы и спекуляции на голоде деньги представляли собой могучую силу, которую городская буржуазия и деревенское кулачество использовали против пролетариата и трудящихся.

В «Проекте программы Р.К-П-(б)» Ленин писал, что «...буржуазные элементы населения продолжают использовать остающиеся в частной собственности денежные знаки, эти свидетельства на право получения эксплуататорами общественного богатства, в целях спекуляции, наживы и ограбления трудящихся. *Одной национализации банков для борьбы с этим пережитком буржуазного грабежа недостаточно»*[1]. (Подчеркнуто мною. — *З. А.).*

Вслед за национализацией банков, ревизией банковских сейфов[2] и монополизацией в руках государства торговли золотом[3] сокрушительные удары денежной власти буржуазии были нанесены декретами, направленными на ликвидацию титулов собственности на капитал (фиктивный капитал):

1) от 29 декабря 1917 г.— о прекращении оплаты купонов по облигациям и выплаты дивидендов по акциям, о воспрещении сделок с ценными бумагами;

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXIV, стр. 103.
[2] Пост. ЦИК от 27 (14) декабря 1917 г. (С. У. 1917 г., № 10. ст. 151).
[3] Пост. ВСНХ от 1'2 янтаря 1918 г. (С. У. и Р. 1918 г., № 16, ст. 232).

2) от 28 января 1918 т.— об аннулировании всех займов, внешних и внутренних, заключенных царским и Временным правительствами, и всех государственных гарантий по частным займам;

3) от 26 января 1918 г.—об аннулировании банковских акций и конфискации акционерных капиталов частных банков;

4) от 18 апреля 1918 г.— об обязательной регистрации всех акций и облигаций и прочих процентных бумаг.

Этот последний декрет по существу лишал права распоряжения в качестве денежного капитала всеми еще не аннулированными фондовыми ценностями.

Национализация банков, контроль над выдачей денег с текущих счетов и другие перечисленные выше мероприятия нанесли чувствительные удары не только по внутренней буржуазии, но и по международному капиталу.

Как известно, иностранный капитал имел большие вложения в русских банках и владел огромной массой фондовых ценностей. Аннулирование их имело громадное значение для освобождения нашего народного хозяйства и, в частности, кредитно-денежной системы от зависимости от иностранного капитала.

Для обеспечения полной независимости советской денежной системы от иностранного капитала (Необходимо также было вырвать из рук капиталистов внешнюю торговлю и все валютно-кредитяые операции с заграницей, что и было осуществлено Декретом о монополии внешней торговли в апреле 1918 г.[1]

В руках буржуазии все же оставалась масса денежных знаков — металлических и бумажных.

Борьба против использования этих денежных накоплений для наживы, для ограбления трудящихся в обстановке разрухи и голода шла в первую очередь по линии регулирования рынка, регулирования цен (см. § 6). Задачу же подрыва денежной власти буржуазии в этой форме чисто финансовыми мероприятиями предполагалось разрешить путем замены прежних денежных знаков новыми. Для осуществления контроля над денежными накоплениями буржуазии Ленин в своем проекте декрета о социализации народного хозяйства, внесенном в БСНХ в декабре 1917 г., предлагал следующую меру:

«Лица богатых классов обязаны держать в Государственном банке и его отделениях, а равно сберегательных кассах, все свои денежные суммы, получая не (более 100—125 руб. в неделю (по установлению местных советов) на потребительские нужды, а на производственные и торговые — лишь по письменным удостоверениям учреждений рабочего контроля.

Для надзора за действительным проведением в жизнь настоящего узаконения будут введены правила обмена ныне действующих денежных знаков на иные, и виновные в обмане государства и народа подвергаются конфискации всего имущества»[2].

[1] С У. и Р. 1918 г., № 33, ст. 432.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXII, стр. 140—141.

Осуществление этого мероприятия преследовало цель не только подрыва денежной власти буржуазии, но и укрепления денежной и финансовой системы, проведения советской денежной реформы.

§ 4. Политика стабилизации рубля и ленинский проект денежной реформы

Итак, уже в течение первых трех месяцев после Октябрьской социалистической революции были осуществлены такие важнейшие финансово-экономические требования, выдвинутые VI съездом РСДРП(б), как национализация банков и аннулирование займов царского и Временного правительств. На очереди стоило проведение и двух других требований в этой области, взаимно друг с Другом связанных,— прекращения эмиссии бумажных денег и реформы налоговото обложения. Уже в декабре 1917 г.-—январе 1918 г намечаются и проводятся меры для правильной организации финансовой системы и для прекращения, в конечном счете, ЭМИССИИ бумажных денег.

В начале января 1918 г. Ленин в качестве темы для разработки намечал следующую проблему: «...36. Деньги. Их роль. Их втягивание в «казну» Следовательно, имелся в виду бездефицитный государственный бюджет, отказ от эмиссии бумажных денег.

Вопрос о политическом значении финансового кризиса и необходимости оздоровления денежной и финансовой системы был поднят в январе 1918 г. «Правдой» в статье на тему «Дела денежные и финансовые» [2].

Совнарком, стремясь к увеличению доходных источников государства, в то же время принимал меры к сокращению государственных расходов и требований денег для наличных платежей. Ленин лично интересовался организацией строгой финансовой дисциплины. 3 декабря (20 ноября) 1917 г. Ленин написал проект постановления СНК о том, что «СНК признает невозможным, без предъявления ЦИК ом подробной сметы и указания источника расхода, ассигновать просимые деньги из 5.000.000 фонда .СНК и просит ЦИК представить ему смету и эти указания»[3]. Был создан СНК «Особый комитет по сокращению госрасходов»[4]. «Особый комитет» добивался укрепления бюджетной дисциплины: он требовал финансовой дисциплины как от отдельных ведомств, так и от аппарата ВЦИК [5]-

Однако и международная и внутренняя обстановка в этот момент не позволяли во всей широте осуществить программу финансо-

[1] *В. И. Ленин,* Из дневника публициста, Соч., т. XXX, стр. 368. [2] «Правда» от 22 января 1918 г.

[3] «XXI Ленинский сборник», 1933 г., стр. 153. См. также написанный Лени ным проект постановления СНК о контроле над расходованием средств ВСНХ.. *Там же,* стр. 159—160.

[4] Декрет СНК от 20 февраля 1918 г. (С. У. и Р., *№.* 27, ст. 349),

[6] Письмо Наркомфида председателю ЦИК от 25 февраля 1918 г. (ЦАОР, ф. 1235, оп. 52, д. № 32, ч. П., л. 127).

вого строительства и добиться «прочных успехов в оздоровлении денежной системы.

В первые (месяцы после установления советской власти в банки только лишь предъявлялись требования о выдаче денег с вкладов и текущих счетов, приток же поступлений был ничтожный. Моссо- вет, испытывая большие стеснения в денежной наличности, 21 фе- «враля 1918 г. (выносит постановление о бронировке денежной наличности только за экономически наиболее важными организациями

Однако всего через шесть дней после этого постановления Моссовет вновь обсуждает денежную проблему и на этот раз выносит следующее решение: «В виду задержки в получении денежных знаков из Питера, признать необходимым закрыть все банки, производить лишь сверхочередные выдачи»

Таким образом, перебои в снабжении деньгами имели место не только в первые дни после Октябрьской революции, но и спустя 3—4 месяца. Ввиду этого Моссовет должен был принимать особые меры для мобилизации денежных знаков у населения, например, в связи с посевной кампанией и продовольственным кризисом, усилившимся весной 1918 г.

По Московской области был объявлен добровольный сбор пятирублевых взносов с каждого едока в продовольственный фонд. Сбор этих взносов развернулся весьма интенсивно.

Потребляющие районы и голодающие губернии для закупок хлеба мобилизуют денежные средства среди населения как в добровольном, так и в принудительном порядке (в отношении буржуазии).

После национализации и объединения банков в единый Народный банк правительство приняло меры к развитию пассивных и активных операций банков. В марте—апреле 1918 г. Лениным были составлены «Тезисы банковой политики», в которых предлагались «Экстренные меры для открытия возможно большего числа отделений Народного Банка по всей стране.

Наиболее целесообразное размещение этих отделений внутри городов и по деревням в интересах больших удобств для публики»... «Объявление неприкосновенности вкладов»... «Свободный чековый оборот»... «Принятие мер к тому, чтобы население держало все деньги, не безусловно необходимые на потребительские цели, в банках» [3]. Народный банк по мере расширения обобществления .промышленности и торговли становился единым кредитным, расчетным *и* кассовым центром обобществленного хозяйства. Были отменены всякие ограничения выдачи: денег с текущих счетов и вкладов, внесенных в банк после 1 января 1918 г.

[1] ЦАОР, ф. 64!, оп. 369, д. № 14, л. 32.
[2] *Там же, л.* 69.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXX, стр. 379—380.

Весной **1918** г., когда .наступил кратковременный период «брестской передышки», *важное место в осуществлении программы мероприятий ленинского плана приступа к социалистическому строительству заняли проблемы финансов и денежного обращения.*

В марте—апреле **1918** г. Ленин указывал, что работа по организации всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов сильно отстала от работы по непосредственной экспроприации экспроприаторов:

«Центр тяжести в борьбе против буржуазии 'передвигается на организацию такого учета и контроля. Только исходя из этого, можно правильно определить очередные задачи экономической и финансовой политики в области национализации банков, монополизации внешней торговли, государственного контроля за денежным обращением, введения удовлетворительного, с пролетарской точки зрения, поимущественного и подоходного налога, введения трудовой повинности»[3]. Ленин предлагал перейти к нормальным методам организации финансового хозяйства, «...заменить контрибуцию с буржуазии постоянно и правильно взимаемым поимущественным и подоходным налогом...»[2]

18 апреля 1918 г. Ленин в своем выступлении во ВЦИК по финансовому вопросу в связи с докладом наркомфина тов. Гуковского подчеркнул необходимость организации финансового аппарата для проведения в жизнь плана оздоровления финансов и укрепления денежной системы,[3]. В параграфе 10-м тезисов Гуковского требовалось принятие в экстренном порядке мер «к восстановлению в стране кредитного аппарата, к оздоровлению и укреплению денежного обращения и к возвращению в кассы банка денежных знаков» [4].

В «XXI Ленинском сборнике» опубликовано письмо Ленина, написанное в апреле 1918 г., в котором Ленин настаивал на немедленном упорядочении финансов и банков [5]

23 апреля 1918 г. (ВЦИК образовал комиссию по рассмотрению основных положений финансовой политики. В комиссию были представлены и обсуждались проекты денежных реформ, в частности проект стабилизации рубля на основе обеспечения валюты хлебом Ленин добивался того, чтобы дело оздоровления финансов и стабилизации валюты было поставлено на практические рельсы:

«...Не надо забывать, что всякие радикальные реформы наши обречены на неудачу, если мы не будем иметь успеха в финансовой политике. От этой последней задачи зависит успех задуманного нами огромного дела социалистического преобразования общества.

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXII, стр. 449.
[2] *Там же,* стр. 450.
[3] *Там же,* стр. 428.
[4] «Пролетарская революция», 1925 г., № 4, стр. 174.
[5] «XXI Ленинский сборник», 1933 .г., стр. 162.
[8] «Пролетарская революция», 1925 г., № 4, стр. 175.

Основные финансовые задачи, которые 'наметала Советская власть, требуют немедленного приложения к практической жизни...» Ленин подчеркивая: «Мы дошжны во что бы то ни стало добиться прочных финансовых преобразований» Он указывал, что необходимо отказаться от эмиссии бумажных денег и стабилизировать валюту: «Подоходный налог должен быть взимаем со всех без исключения, ибо хозяйничание при помощи типографского станка, как это практиковалось до настоящего времени, может лишь быть-оправдано, как временная мера»[2].

В мае 1918 г. финансовое напряжение удалось заметно ослабить. Так, например, по Петроградской конторе Госбанка превышение выдачи денежной наличности над ее (Поступлением в банк в марте 1918 г. составляло 3 948 млн. руб., а в апреле это превышение резко сократилось, а именно — до 1 032 млн. руб.; в мае же наступил перелом в соотношении между приходом и расходом денег: впервые после Октябрьской революции приход денег оказался больше расхода на 37,1 млн. руб.[s] Также и в провинции заметно было значительное улучшение баланса прихода—расхода денежной наличности, в кассы банков. В этом большую роль сыграли органы рабочего контроля, которые требовали от директоров предприятий сдачи ими выручки на текущие счета в банке. Народный банк как *советский* банк стал развивать свои операции по привлечению вкладов, приобретая опору В своей деятельности в национализированных предприятиях. По указаниям Ленина в апреле 1918 г. Народный банк ввел *свободный чековый оборот*.

Платежи между хозяйственными организациями стали совершаться, по преимуществу, посредством чеков, т. е. без участия наличных денег, что привело к уменьшению требований наличных денег государственными учреждениями и предприятиями.

В усилении притока денежной наличности' в кассы банка важную роль сыграло (издание декрета от 2 мая 1918 г. «О соблюдении единства кассы». Согласно этому декрету «все денежные средства (наличные деньги, процентные бумаги и ценности), находящиеся в заведывании и на хранении Советских учреждений или должностных лиц, должны вноситься в кассы Народного Банка или Государственного Казначейства» [4].

Эти (Мероприятия в области кредита и банков имели своей конечной целью проведение денежной реформы, введение устойчивой валюты, о чем свидетельствует, например, следующий циркуляр Народного банка:

«...Основной задачей Народного банка является в настоящее время создание правильного денежного обращения в интересах народного хозяйства... Народный банк крайне заинтересован в привлечении вкладов, почему выполнение упомянутых требований (о при-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXIII, стр. 18.
[2] *Там же,* стр. 19.
[3] «Торгово-промышленная газета» от 11 июня 1918 г., № 46.
* С. У. и Р. 1918 г., № 35, ст. 460.

нудительном описании средств с текущих счетов без согласия вкладчика. — *З. А.)* не может быть (допущено со стороны учреждений Народного банка...»[1].

В мае 1918 г. Ленин предложил на I съезде финотделов проект проведения денежной реформы. Этот проект принципиально отличался от всех известных из истории финансов и денежного обращения проектов денежной реформы, ибо это был *проект пролетарской классовой денежной реформы.* Он имел в виду не только оздоровление денежного обращения, но одновременно подрыв экономической власти буржуазии.

«Деньги, бумажки, — то, что называется сейчас деньгами, — действуют разлагающим образом и опасны тем, что буржуазия, храня запасы этих бумажек, остается при экономической власти. Чтобы ослабить это явление, мы должны немедленно принять меры» [2].

И после Октябрьской революции «...буржуазные элементы населения продолжают использовать остающиеся в частной собственности денежные знаки в целях спекуляции, наживы и ограбления трудящихся»[3]. Несмотря на падение ценности денежных знаков, они представляли собой все еще внушительную экономическую силу. Так, реальная ценность всей бумажно-денежной массы, исчисленная но бюджетному индексу, составляла на 1 ноября 1917 г. 1 919,4 млн. руб., а на 1 января 1918 г.— 1 331,9 млн. руб., кроме того, были тезаврированы значительные суммы металлических монет.

Обосновывая в своем выступлении на I Всероссийском съезде финотделов план замены всех находящихся в обращении денег новыми, советскими деньгами, Ленин сказал:

«Мы назначим самый краткий срок, в течение которого каждый должен сделать декларацию о количестве имеющихся у него денег и получить взамен новые. Если сумма эта окажется небольшой — он получит рубль за рубль. Если же она превысит норму — он получит лишь часть. Мера эта несомненно встретит сильнейшее противодействие не только со стороны буржуазии, но и со стороны нашего крестьянства, разбогатевше-го на войне и зарывшего в земле бутылки, наполненные бумажными деньгами. Мы встретимся грудь с грудью с классовым врагом. Борьба будет тяжелая, но благодарная борьба. Среди нас нет сомнений, что нам необходимо взять на себя все тягости этой борьбы, ибо она необходима и неизбежна» 4.

Готовясь к проведению денежной реформы, советское правительство стремилось сдержать эмиссию, приостановить рост цен. Организация товарообмена также имела целью 'извлечение из деревни денежных знаков {см. § 6). В следующей таблице показано движение эмиссии и цен за (рассматриваемый период [5]

[1] ЦАОР, ф. 2324, оп. 37. д. № 54, л. 29, циркуляр Народного банка от 16 июля 1918 г.

[2] *В. И. Ленин, Соч.,* т. XXIII, стр. 20.

[3] Программа и устав ВКП(б), Партиздат, М., 1932 г., стр. 63.

[4] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXIII, стр. 20—21.

[6] «Наше денежное обращение», М., 1926 г., стр. 152, 204, 249.

Годы и месяцы	Эмиссия всех видов денежных знаков, в млн. руб.	Уровень цен в % к предыдущему месяцу	Темп эмиссии в % к денежной массе на 1-е число каждого месяца
Ноябрь 1917 г.	5 717,6	151	29,2
Декабрь 1917 „	2 355,2	134	9,3
Январь 1918 „	1 913,3	129	6,9
Февраль 1918 „	1 455,8	122	4,9
Март 1918 „	2 956,3	131	9,5
Апрель 1918 „	4 290,6	132	12,6
Май 1918 „	2 477,2	122	6,5
Июнь 1918 „	2 968,5	125	7,3
Июль 1918 „	2 683,0	114	6,1
Август 1918 „	2 279,1	92	4,9
Сентябрь 1918 „	2 851,5	100	5,9
Октябрь 1918 „	2 770,2	114	5,4
Ноябрь 1918 „	3 074,9	125	5,7
Декабрь 1918 „	3 955,6	121	6,9

Мы видим, что с мая произошло резкое снижение абсолютной массы и темпа эмиссии и одновременно резко снизился темп роста цен. Если эмиссию апреля 1918 г. принять за 100, то снижение абсолютной суммы эмиссии составит: в мае —42,3 проц., в июне — 30,8 проц., в июле — 37,5 проц. и в августе — 46,9 проц. *С* сентября вновь начинается рост эмиссии, причем даже в декабре 1918 г. эмиссия еще не достигла апрельской суммы, максимальной в [течение всего 1918 (г. Снижение темпа обесценения денег с мая ни в коем случае нельзя объяснить сезонным фактором, влияние которого сказалось позднее: *это снижение, очевидно, было связано с сокращением эмиссии.*

СНК издал декрет, в котором категорически указывалось, что места не должны рассчитывать на покрытие их расходов из общегосударственного бюджета: местные органы власти «обладают также налоговыми правами, вследствие чего все обращения к центральной власти «за субсидия-ми будут оставаться без удовлетворения»

Правительство в середине 1918 г. проектировало осуществить в течение второй половины 1918 т. решительные меры по оздоровлению финансовой системы и укреплению рубля. Как видно из заключения народного комиссара финансов по смете общегосударственных доходов и расходов на период июль — декабрь 1918 г.[2], намечалось проведение ряда мер для увеличения доходов государства, в частности перевод *на* самоокупаемость (хозрасчет) предприятий, сокращение расходов на управленческий аппарат резкое ум|ень-шёние бюджетного дефицита, покрываемого эмиссей бумажных денег. В этот период часть эмиссии использовалась также для финансирования восстановления народного хозяйства.

[1] Примечания к XXIII тому соч. Ленина, 3-е изд., стр. 538. з ЦАОР, ф. 1235, оп. 52, д. № 32. ч. II, лл. 199—202.

Учетно-ссудный комитет в Ленинграде вводит практику беспроцентных ссуд, по существу дотации, для целей восстановления и реконструкции промышленности:

«...Впервые путем финансирования того или иного предприятия имелось в виду не только снабдить последнее необходимыми ему оборотными средствами, но дать возможность произвести то или иное переоборудование, улучшить технические процессы, вообще способствовать поднятию уровня данного предприятия» . Эмиссия для финансирования промышленности рассматривалась как временная и переходная мера, которой можно было бы ускорить восстановление хозяйства и в дальнейшем отказаться от эмиссии и добиться стабилизации денежной системы.

Однако с первой половине 1918 г. произошло объединение иностранных и внутренних антисоветских сил, «...кончилась передышка и началась .гражданская война в России, то-есть война рабочих и крестьян народов России против внешних и внутренних, врагов Советской власти.

Империалисты Англии, Франции, Японии, Америки начали военную интервенцию»[2]. Советская Россия оказалась отрезанной от своих основных продовольственных, сырьевых и топливных ресурсов. Гражданская война и интервенция сорвали хозяйственное восстановление страны, нельзя было провести и предложенную Лениным денежную реформу. Заготовленные запасы денежных зна-ков пришлось использовать не для обмена их на прежние денежные знаки, согласно ленинскому проекту, но для покрытия неотложных больших финансовых расходов, связанных с обороной Советского государства. Денежная политика с этого момента была подчинена требованиям обороны.

§ 5. Борьба партии против контрреволюционных попыток подрыва денежной политики советской власти

При осуществлении своих мероприятий в области финансов и денежного обращения советская власть встретилась, как указывал Ленин, грудь с грудью с классовым врагом.

Сокольников, ставший впоследствии одним из главарей контрреволюционной троцкистской банды, в противовес ленинско-му плану денежной реформы предложил на I съезде совнархозов в :мае 1918г провести денежную реформу *путем конверсии бумажных денег в процентные облигации.* Превращение накопленных буржуазией бумажных денег в процентные облигации означало бы сохранение за ней ее экономической власти и возможности использования этой власти для эксплоатации трудящихся. *Проведение денежной реформы таким методом означало бы срыв той классовой политики* в *денежном обращении, которую проводила партия.* Таким образом.

[1] «Торгово-промышщениая газета» от 14 июля 1918 г., № 67. 2 «История ВК'Щб). Краткий курс», 1938 г., стр. 216—217.

Сокольников еще в 1918 г. выступал по центральному вопросу денежной и финансовой политики *в интересах буржуазии.* А предатели — «левые коммунисты»— в этот период выдвигали провокационные требования о немедленном уничтожении денежной и финансовой системы, пытались провести финансовое разоружение диктатуры пролетариата, сорвать ее мероприятия по оздоровлению и укреплению финансовой системы.

Классовый враг скрывался также и под маской «объективной» и так называемой '«беспартийной» науке: центром псевдонаучной «критики» денежной политики пролетарского государства был Центральный народно-промышленный комитет. Этот комитет в течение первого полугодия **1918** г. занимался «изучением» денежного обращения, заслушав и обсудив семь докладов, посвященных состоянию и перспективам денежного обращения страны

Контрреволюционер' Ломеиер предлагая создать устойчивую денежную единицу путем предоставления консорциуму частных банков права выпуска банковых билетов, ничем не связанных с нынешним кредитным рублем и выписанных либо в золотых (рублях, либо в какой-нибудь совершенно новой денежной единице, равной, например, золотому франку или марке, или кроне. Ломейер имел *в* виду двоякую задачу: изолировать денежную систему от государства, т. е. фактически лишить пролетарское государство эмиссионного права и создать источник для самофинансирования капиталистов.

В других докладах, обсуждение которых развернулось в дальнейшем, краевой нитью проходила та же контрреволюционная политическая установка. Укажем, например, ни доклад махрового реакционера ,М. В. Бериацкого «К вопросу об оздоровлении денежного обращения», который предложил.. провести, девальвацию рубля на золотой основе, но для осуществления этого, как считали и докладчик и участвующие в прениях, нужно была свергнуть советское правительство и заменить его другим, правительством, которое признало бы принцип частной собственности, отменило бы вое монополии, мешающие «частной инициативе», «свободе действий» капиталистов.

Контрреволюционные экономисты пытались навязать советской власти такие мероприятия в области денежного обращения, которые привели бы к подрыву финансовой базы диктатуры рабочего класса. Эту (задачу преследовал и .доклад Ф. А. Минькова на тему «Допущение для частного оборота сделок на золотую валюту».

Он предложил добиваться допущения для частного оборота сделок на золотую валюту, свободного внедрения золотых монет в обращение. Но разве это могло в какой-либо мере остановить обесценение бумажного рубля? Равве могло это привести к стабилизации валюты, о чем на словак так пеклись эти экономисты? Конечно, нет. Внедрение в обращение золотого рубля и иностранной валюты могло лишь ускорить процесс обесценения бумажного рубля. Минь-дав это понимал, но такая перспектива его не только не пугала, а, напротив, вполне устраивала'. Он рассчитывал, что в то время, как требование Ломейера о передаче монополии на выпуск денег частному капиталу будет, несомненно, отвергнуто советской властью, его проект, который юридически не лишал государство права выпуска бумажных денег, а фактически эту возможность подрывал, мог бы быть осуществлен.

Вместо лобовой атаки на денежную систему — обходный маневр и удар *с* тыла. Такова тактика, предложенная Миньковым, в отличие от того, более прямолинейного и откровенного контрреволюционного плана, который предло-жил Бернацкий.

В комитете обсуждались контрреволюционные проекты в области денежного обращения...- А в это время большевики последова-

[1] Эти материалы были опубликованы в сборнике Народно-промышленного комитета «Вопросы денежного обращения», изд. 1918 г.

тельно и твердо проводили революционную политику в этой области. Чем дальше, тем больше идеологи буржуазии теряли -надежду на возможность осуществления своих контрреволюционных планов путем политического давления на государственную власть и ее финансовый аппарат. Буржуазные экономисты ставят свою последнюю ставку на *международный капитал.*

Эти «патриоты» готовы были пойти на установление протектората над Россией, на превращение ее в колонию мирового капитала, лишь бы уничтожить советскую власть и восстановить капитализм. Этому требованию контрреволюционных буржуазных экономистов вторила «социалистическая» газета «Новая жизнь». На страницах этой газеты цинично рекомендовалось сдать финансы и экономику России в «концессию» американцам.

Будучи отъявленными контрреволюционерами, эти экономисты не собирались, конечно, лойяльно работать с советской властью по регулированию денежного обращения. Их работа преследовала цель сознательного вредительства для подрыва денежного обращения и финансовой системы (Советского государства.

Но их попытки оказались тщетными. Одновременно с выдвижением своих проектов денежных реформ, направленных к подрыву советской власти, контрреволюционные экономисты становятся на путь саботажа и вредительства в советском аппарате.

Характерны в этом отношения протоколы совещания специалистов банковского дела \ теоретиков и практиков, на котором обсуждался доклад А. Н. Гурьева о проведения принудительных мер к извлечению тезаврированных в деревне бумажных денег и значении этих мер дли оздоровления денежного обращения.

От практиков ждали предложений по поводу техники проведения этих мер, предполагая бесспорным самый вопрос о целесообразности оздоровления денежного обращения путем сокращения денежной массы и извлечения избыточных денег. Вопрос был поставлен конкретно: как извлечь деньги — принудительным займом или принудительными вкладами — и как провести 'то или иное мероприятие. Но «специалисты» не желали обсуждать практические и технические меры и выступили с общей критикой этих мер. Одни говорили, что вообще тезаврированные деньги «не опасны» (конечно, для буржуазии. — *З. А.),* что внимание должно быть направлено в другую сторону: нужно, мол, (заняться оздоровлением финансовой системы, восстановлением «нормальной» налоговой системы. Лейтмотив всех выступлений — не трогать денег, находящихся в руках буржуазии и кулачества. Естественно, что укрепление денежной системы *при сохранении полностью денежных накоплений в руках городской буржуазии и деревенского кулачества было бы весьма выгодно для буржуазии.* На этом совещании советская власть действительно встретилась, в лице буржуазных экономистов, как говорил Ленин, *«грудь с грудью с классовым врагом»:* они требовали проведения дефляции для повышения реальной ценности тех денежных накоплений, которыми владела городская буржуазия и, главным образом, кулачество Был также предложен проект извлечения тезаврированных денег путем оплаты крестьянами той земли, которую они получали в результате декрета о национализации земли. Автор этого проекта считал, что крестьянство сможет упла-тить за землю 40 млрд. руб. царскими и керенками. Цель этого проекта заключалась в том, чтобы под флагом денежной реформы восстановить *частную собственность на землю,* а следовательно, закрыть для деревни путь к социализму.

[1] Материалы этого совещания были опубликованы в «Торгово-промышленной газете» от 30 апреля 1918 г.

Землю же получили бы те, у кого было накоплено достаточно много денег, т. е. в первую очередь получило бы кулачество.

Буржуазная печать развернула широкую кампанию против ленинского плана денежной реформы. Газетные писаки пытались опорочить меры Советского государства по оздоровлению финансов и денежного обращения и добиться возврата к буржуазной экономике. Они обрекали на провал все осуществляемые и проюстируемые мероприятия советской власти в области денежного обращения. Буржуазная газета «Свобода России» доказывала, что в вопросах денежной по- дитики советское правительство должно следовать за буржуазными государст- вами.

Партия отбила все эти бешеные атаки предателей — «левых коммунистов», меньшевиков и буржуазных экономистов. Партия, борясь за осуществление ленинского плана оздоровления финансо- вой системы и стабилизации рубля, добилась реальных успехов -в этой области.

§ 6. Твердые цены, борьба за хлеб и стабилизация рубля

Введение рабочего контроля иад производством и распределением продуктов дало в. руки пролетариата сильнейшее орудие борьбы против разнузданной спекуляции кулаков и торговцев на голоде и обнищании страны.

К моменту Октябрьской революции денежная зарплата уже не обеспечивала самого скромного прожиточного минимума рабочего. Новые крупные эмиссии бумажных денег в первые месяцы после Октябрьской революции при сокращении производства и массы товаров на рынке еще более усилили рост цен. Продовольственное положение страны было весьма тяжелым: агенты меньшевиков, эсеров и других контрреволюционных партий развили на этой почве агитацию против советской власти. Советская власть стремилась обеспечить прожиточный минимум снабжением рабочих продуктами по твердым ценам, а это вело к натурализации заработной платы.

В первом полугодии 1917 г. вся зарплата была денежной, во втором полугодии 1917 г. 6,2 проц. зарплаты (по России в целом) уже выплачивалась продуктами по твердым ценам, а во втором полугодии 1918 г. «натуральная зарплата» составляла уже 20,3 проц. Необходимо было удержать уровень реальной зарплаты и обеспечить удовлетворение насущных нужд рабочих путем *регулирования цен* и усиления заготовок и реализации продуктов по *твердым ценим.*

В Петрограде, Москве и на местах развертывается борьба против спекуляции хлебом и другими продуктами, для чего широко применяются обыски, конфискации и аресты капиталистов-спекулянтов

[1] Моссовет 20 февраля 1918 г. вынес постановление по вопросу о борьбе со спекуляцией. Этим постановлением борьба со спекуляцией должна быть централязовма при городском продовольственном комитете. Коллегии по борьбе со спекуляцией дается право обыска складов и ареста товаров, а также ареста лиц, виновных в спекуляции, которые должны быть направляемы в Комиссию революционного трибунала. Товары, предназначенные для спекуляции, конфискуются, спекулянты подвергаются штрафу вплоть до конфискации всего их имущества. Средства, вырученные от продажи ковфисковацных товаров, поступают в фонд безработных.

30 января 1918 г. ВСНХ было принято постановление об образовании комитетов цен во всех городах с населением свыше 10 тыс. человек . Эти комитеты цен должны были определять нормальную среднюю цену каждого продукта для данного города и средний размер прибыли.

19 мая 1918 г. ВСНХ созвал совещание по вопросу о регулировании цен.

Буржуазные экономисты выступали против установленных твердых цен. Злорадствуя по поводу трудностей, возникших при проведений этой политики, они требовали полного отказа пролетарского государства от регулирования народного хозяйства, толкая его на яуть восстановления капитализма. Но пролетарское государство энергично работало над созданием собственной системы планомерного снабжения населения продуктами по твердым ценам.

Во весь рост встала *проблема взаимоотношений города и деревни.* Рабочий контроль над производством и национализация крупных предприятий в ряде отраслей промышленности дали возмож-ность государству либо непосредственно распоряжаться продукцией этих предприятий, либо контролировать сбыт этой продукции. Сельскохозяйственная же продукция целиком находилась в руках многомиллионного распыленного крестьянства.

Ленин еще в мае 1917 г. в своем проекте резолюции об экономических мерах борьбы с разрухой, выдвигал задачу организации товарообмена: «Целью общегосударственной организации должна быть в виду полного расстройства всей финансовой системы и всего, денежного дела, в виду невозможности оздоровить его, пока длится война, организация в широком, областном, а затем и общегосударственном масштабе обмена сельскохозяйственных орудий, одежды, обуви и т. и. продуктов на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты» [3].

Таким образом, Ленин мотивировал необходимость организации товарообмена полным расстройством финансовой и денежной системы. После Октябрьской социалистической революции это требование было осуществлено. 2 апреля 1918 г. был издан декрет об организации товарообмена. Следует подчеркнуть, что этот декрет имел целью не только обеспечить население городов с.-х. продуктами, но также содействовать укреплению денежной системы путем извлечения денежных знаков из деревни в распоряжение государства.

В связи с этим.Наркомпроду и кооперации разрешалось 25 проц. товарообменных фондов реализовать за наличные деньги. В § 4 декрета прямо указывалось на то, что Наркомпрод должен не только гарантировать возврат всех затрачиваемых на товарообмен средств, но и принять меры, «способствующие извлечению возможно боль-

[1] С. У. и Р. 1918 г., № 23, ст. 326. . [2] Протоколы этого совещания были опубликованы в журнале «Народное хозяйство» за 1918 г., № 4, сто. 28.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. XX, 3-е изд., стр. 423.

К лету 1918 т. Советская Россия была лишена ряда богатейших хлебных районов: Украина и Крым были оккупированы. Важнейшими источниками снабжения промышленных центров хлебом становятся юго-восточные районы, в особенности Донская и Кубанская области. Посланный партией в июне 1918 г. на юг России — в Царицын — товарищ Сталин возглавляет «крестовый поход» за хлебом. Он проводит в невероятно тяжелых условиях огромную работу по укреплению хлебной (монополии, организации заготовок и транспортированию хлеба в центр.

В Царицыне, Астрахани, Саратове хлебная монополия и твердые цены были отменены местными советами, расцвела спекуляция, цены поднялись. Товарищ Сталин проводит запрещение свободной торговли хлебом, организует карточную систему распределения продуктов среди трудящегося населения. Товарищ Сталин добивается неуклонного проведения на местах политики твердых цен. В связи с нарушением Саратовским губпродкомом твердых цен товарищ Сталин телеграфирует Ленину: «Требую примерного немедленного наказания Губпродкома. Я здесь ограничился тем, что агенту Саратовского Губпродкома в Камышине запретил закупку по таким варварским ценам, приостановил действие соответствующего аппарата...» [1]

В тот период централизованный советский аппарат еще не был налажен — местные продорганы сплошь и рядом срывали наряды центра на заготовку хлеба, не считались с общегосударственными планами снабжения, противопоставляли интересы «своих» губерний интересам центра. Саратовский губпродком создал даже свою систему «уездно-волостных» и «автономных» цен, значительно превышающих общегосударственные цены[2]. Товарищ Сталин развертывает энергичную борьбу с этими местническими, анархическими действиями продорганов, подавляет саботаж государственной хлебной монополии со стороны некоторых продовольственных работников, перестраивает и укрепляет продовольственный аппарат. В те же время товарищ Сталин принимает энергичные меры для снабжения трудящегося крестьянства промтоварами по твердым ценам. Он уделяет большое внимание правильной организации товарообмена, принимая суровые меры против попыток некоторых агентов продорганов использовать товарообмен в целях спекуляции. Товарищ (Сталин в своей работе сочетал методы принудительных изъятий хлеба с товарообменом — снабжением трудового крестьянства промтоварами.

Б Царицыне сосредоточиваются все товарообменные фонды, предназначенные для юга, и отсюда они специальными маршрутами направляются в различные районы.

Для организации товарообмена нужны были не только товары,

[1] «XVIII Ленинский сборник», М., 1931 г., сир. 196.
[2] *М. Фейгельсон,* Борьба за хлеб в Царицыне, «Проблемы экономике», № 1 ва 1940 г., стр. 155.

по и *деньги,* так как самая организация товарообменных операций требовала значительных (денежных расходов. 9 июня 1918 г. товарищ Сталин посылает следующую телеграмму Ленину, Свердлову, Цюрупе, Реввоенсовету я НКПС:

«На немедленную заготовку и отправку в Москву десяти миллионов пудов хлеба и тысяч десяти РОЛОВ скота необходимо прислать в распоряжение Чек-прода 75 миллионов деньгами, по возможности мелкими купюрами, и разных; товаров миллионов на 36: вилы,' топоры, гвозди, болты, гайки, стекла оконные, чайная и столовая посуда, косилки и части к ним, заклепки, железо шинное круглое, лобогрейки, катки, спички, части конной упряжи, обувь, ситец, трико, коленкор, бязь, модеполам, нансук, грисбон, ластик, сатин, шевьет, марин сукно, дамское и гвардейское, разные кожи, заготовки, чай, косы, сеялки, подойники, плуги, мешки, брезенты, галоши, краски, лаки, кузнечные, столярные инструменты, напильники, карболовая кислота, скипидар, сода»[1].

Стараясь всемерно усилить снабжение сельского населения промтоварами, советская власть в этот момент, ввиду исключительной напряженности продовольственного положения страны, требует от? крестьянства *обязательной продажи хлебных излишков государству по твердым ценам.* А это означало изменение характера товарообмена, который с этого момента становится *обязательным:* сдавая государству хлеб по твердым ценам, крестьянство получает от государства промтовары, выделенные для товарообмена, также по твердым ценам!.

Декрет о добровольном товарообмене не отвечал уже требованиям момента. Продерганы, соблюдая принцип добровольности товарообмена, не могли на рынке конкурировать со спекулянтами-мешочниками и организациями, которые вели сепаратные заготовки по спекулятивным рыночным ценам в нарушение закона о хлебной монополии.

Более инициативные и решительные работники местных продорганов перешли к мерам прямой борьбы с рыночной спекуляцией. Другие все еще продолжали держаться требований закона от 2 апреля 1918 г. Они посылали тревожные телеграммы в центр, запрашивая «что делать?»; Из Вятки 30 мая сообщали, что «добровольный обмен хлеба по ценам (твердым.— *З. А.)* немыслим»[s]. Из Елабуги 19 мая телеграфировали: «нельзя надеяться на товарообмен... необходимо повышение цен на хлеб или понижение цен на товары»[3] и т. д. и т. в. В других телеграммах указывалось, что Наркомпрод завозит совершенно недостаточное количество товаров для товарообмена, в то время как другие организации самостоятельно завозят и обменивают значительные партии товаров, срывая этим заготовки Наркомнрода. В мае — июне 1918 г. на местах после приведенной выше телеграммы Ленина и декрета о «диктатуре Наркомпрода» стала широко применяться практика изъятий хлеба по . твердым ценам, о первую очередь у кулаков. Наркомпрод в июне 1918 г. фактически санкционировал эту практику.

В период май—август 1918 г. усиление централизованных заготовок достигается при содействии *продотрядов. В* связи с этим. та практике существенно изменяются принципы товарообменных операций, установленные декретом от 2 апреля 1918 г.

[1] *М. Калинин,* К шестидесятилетию со дня рождения товарища Сталина, Госполитиздат, 1939 г., стр. 51.

[8] ЦАОР, ф. 1946, ап. 590, д. № 464, л. 307.

[3] *Там же,* л. 247.

Требование обязательной сдачи излишков хлеба крестьянством и организация продотрядов встретили активную поддержку дере-j венской бедноты, которая страдала не менее, чем городской пролетариат, от высоких рыночных цен на хлеб и не могла участво-вать в товарообмене

'В июле 1918 г. Ленин говорил: «Здесь (в деревне —*З.А.)* классовая борьба подошла к самой глубине источника. Не осталось ни одной деревни, где бы классовая борьба между деревенской бед-нотой и частью среднего крестьянства, у которого нет излишков хлеба, которое давно их проело, которое в спекуляции не участвовало,— классовая борьба между этим громадным большинством трудящихся и ничтожной кучкой кулаков, классовая борьба эта проникла в каждую деревню» [2].

В условиях голода и обнищания страны «свобода торговли», «свобода обмена» означали свободу наживы городской буржуазии и деревенского кулачества, неограниченную и разнузданную спекуляцию:

«Буржуазия и ее приспешники социал-соглашатели ратуют за свободную торговлю и за уничтожение твердых цен. Но свободная торговля уже показала свои результаты в целом ряде городов. Сейчас же после своего водворения цены на хлеб повысились во много раз, а потому самый продукт исчез с рынка: его спрятали кулаки в надежде на дальнейшее повышение цен» [s].

Позиции Наркомпрода в борьбе за твердые цены на монополизированные государством продукты усиливаются декретом о спекуляции от 22 июля 1918 г., согласно которому «виновный в сбыте, 'скупке или хранении, с целью сбыта, продуктов питания, монополизированных республикой, подвергается наказанию не ниже лишения свободы на срок не менее 10 лет, соединенного с тягчайшими принудительными работами и конфискацией всего имущества», причем пособники и подстрекатели спекулянтов подвергаются наказанию наравне с главным виновником.

Декретом от 7 августа 1918 г. «О привлечении к заготовке хлеба рабочих организаций» была регламентирована организация продовольственных отрядов из рабочих и беднейших крестьян для поездок в хлебные губернии в целях *приобретения по твердым ценам или реквизиции хлеба у кулаков.* Половина хлеба, заготовленного продотрядами, передавалась пославшей данный отряд губернии, ■а другая половина заготовленного хлеба передавалась в распоряжение Нарком-ирода «для распределения между всеми голодающими рабочими и беднейшими крестьянами Республики» (§ 5). Продотрядам предлагалось строжайшим образом соблюдать установленные центром твердые цены.

После издания этого декрета развернулось 'начатое еще до этого энергич -

[1] Один да уполномоченных Наркомпрода в своей докладной записке от 31 июня 1918 г. сообщал: «По личным моим наблюдениям и судя по множеству телеграмм и другим сообщениям ив сельских местностей, в районе которых оперируют продовольственные отряды, *бедное население радостно встречает отряды, объединяется вокруг них.* Лишь только злобно шипят кулаки, обливая грязью руководителей» (ЦАОР, ф. 1966, д. № 139/534, оп. 241, лл. 288, 289).

[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXIII, стр. 15».

* *Там же,* етр. 148.

ное формирование продотрядов в промышленных центрах страны и активная их борьба за заготовку хлеба по твердым ценам

Вслед за декретом о продотрядах 8 августа 1918 г. был издан декрет об обязательном обмене промтоваров исключительно на сельскохозяйственные продукты. Этим декретом продажа на деньги товарообменных фондов разрешалась лишь деревенской бедноте, причем каждый уезд должен был дать, в порядке товарообмена сельскохозяйственных продуктов не менее чем на 85 проц. стоимости отпущенных данному уезду товаров[2].

Так, уже с мая 1918 г. начался переход к военно-коммунистической продовольственной политике; этот переход завершился в конце 1918 г.

Установив законом, что крестьянство обязано сдавать Наркомироду излишки сельскохозяйственных продуктов, и нанеся летом 1918 г. серьезный удар по кулаку, государство в то же время пересмотрело в августе 1918 г. твердые цены на заготавливаемый хлеб, повысив их в три раза по сравнению с существовавшими до этого твердыми ценами. Это необходимо было-в целях соглашения с средним крестьянством: «... мы вполне признаем,— писал Ленин,— что заработок среднего крестьянина часто не соответствует теперешним ценам на промышленные продукты и *должен* быть повышаем» [8].

Пересмотр цен на хлеб сделал необходимым пересмотр также и продажных цен тех промтоваров, которыми государство снабжало население. Капиталисты же обязаны были продавать государству товары по прежним ценам. В этом также выражалась классовая линия диктатуры пролетариата в политике цен.

*

Проведение политики организованного товарообмена по твердым ценам в первой половине 1918 г. было тесно связано с политикой стабилизации рубля. Советская власть, проводя политику твердых цен, боролась против капиталистических элементов и мелкобуржуазной стихии за твердый рубль, за устойчивость его покупательной силы, за сохранение реальной заработной платы рабочих. Стабилизация рубля отвечала интересам рабочего класса и бедноты и била по капиталистическим элементам.

Несомненно, что *проведение этой политики явилось одним из важных факторов стабилизации рубля — замедления и приостановки роста цен в течение июля—сентября 1918 г.* Однако регулирование

[1] В районах заготовок деятельность продотрядов регулировалась и контролировалась губернскими продкомиссарами. Согласно «Инструкции для продотрядов организаций рабочих и беднейших крестьян, прибывающих в Курскую губернию для заготовки хлеба» *отряды, заготовляют хлеб по твердым ценам и реквизируют излишки, скрываемые со спекулятивными целями в указанных-районах.* За хлеб, отпускаемый со станционных пунктов организациям-, пославшим отряды, взимаются губпродкомом *деньги* согласно установленным девам 412 августа 1918 г., ЦАОР, ф. 1966, оп. 241, д. № 121, Я, 335).

[a] С. У. 1918 г., № 58, ст. 638, стр. 697—699.

[8] *В. И. Ленин, Соч.,* т. XXIII, стр. 207.

цен не может обеспечить стабилизацию и снижение цен в том случае, если эмиссия бумажных денег быстро растет, в то время как масса товарных фондов в стране не только не растет, но уменьшается. По окончании «брестской передышки» интервенция и гражданская война привели к значительному увеличению объема расходов государства, с одной стороны, и использованию значительной части наличных товарных фондов для снабжения армии —с другой. В этих условиях неизбежен был рост эмиссии бумажных денег при сокращении товарооборота, и поэтому проведение политики твердых цен не могло обеспечить стабилизацию общего уровня цен.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Учение Ленина о национализации банков и едином банке пролетарского государства, являющееся гениальным развитием учения Маркса — Энгельса о роли кредитной системы в переходный период, дало пролетариату в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции ясную революционную перспективу и руководство к действию в этой области. Ленин и Сталин, партия большевиков с первых же дней Октябрьской (революции последовательно и твердо проводили мероприятия по овладению кредитно-денежной системой (захват Госбанка, рабочий контроль, национализация акционерных банков и ликвидация ипотечных банков).

2. Национализация банков, рабочий контроль над производством и распределением продуктов, национализация ряда крупнейших предприятий (еще до декрета о национализации промышленности) наряду с такими мероприятиями, как аннулирование займов, конфискация акционерных капиталов банков, ликвидация котировки всех фондовых ценностей, строгий пролетарский контроль за выдачей денег с текущих счетов, ревизия сейфов и пр., дали возможность пролетарскому государству использовать деньги для разрешения основных задач диктатуры пролетариата. 3. Деньги были использованы в этот период пролетарским государством: а) для подрыва экономической силы буржуазии, б) для финансирования расходов, связанных с созданием советского аппарата управления страной, в) для формирования сначала Красной Гвардии, а затем Красной Армии, г) для финансирования национализированной промышленности и создания нового, советского хозяйства и прежде всего — советской государственной промышленности, д) финансирования заготовок продуктов для борьбы с разрухой и спекуляцией, для спасения трудящихся от голода. Таким образом, советские деньги были использованы для выполнения Советским государством всех его функций: 1) подавления свергнутых классов внутри страны, 2) обороны страны от нападения извне, 3) хозяйственно-организаторской ж культурно-воспитательной работы в целях развития ростков нового, социалистического хозяйства и перевоспитания людей в духе социализма.

4. Ленин ставил задачей пролетарской политики денежного об ращения стабилизацию рубля, считая, что «...хозяйничание при по мощи типографского станка... может лишь быть оправдано, как вре менная мера»

С этой целью Ленин предложил весной 1918 г. проект денежной реформы путем обмена прежних денежных знаков на новые, советские денежные знаки. Реформа должна была привести, к значительному повышению ценности рубля и нанести сокрушительный удар по буржуазным элементам. Классовый пролетарский принцип проведения денежной реформы составлял основную особенность ленинского проекта.

5. Ленинская денежная политика встретила ожесточенное сопротивление классового врага: «теоретики» и практики буржуазии вместе с предателями — «левыми коммунистами» — стремились подорвать денежную политику большевиков, саботировать мероприятия советской власти в финансовой области, добиться финансового разоружения диктатуры рабочего класса. Несмотря на острый недостаток преданных советской власти кадров финансово-банковских работников (в особенности руководящих), на саботаж и вредительство классовых врагов,— советской власти все же удалось достигнуть известных успехов в укреплении финансовой и денежной системы, с чем, несомненно, связан факт стабилизации рубля в июле—сентябре 1918 г.

6. Связанная с расстройством денежной системы организация товарообмена промтоваров на сельскохозяйственные продукты, борьба с кулачеством за хлеб, регулирование цен, организация снабжения хлебом и другими продуктами трудящегося населения по твердым ценам, являясь необходимыми революционными мерами для спасения трудящихся от голода и борьбы против спекуляции, в то же время были специфическими, в условиях диктатуры рабочего класса, методами борьбы за стабилизацию рубля путем стабилизации цен.

7. Возможность превращения денег из орудия буржуазии в орудие диктатуры пролетариата, используемое против буржуазии «в пользу социализма в ущерб капитализму» (Сталин), существовала и для Парижской Коммуны. Однако эта возможность не была использована, в нем заключалась одна из роковых ошибок Коммуны 1871 г.

В нашей стране в течение рассматриваемого периода впервые в мировой истории была создана финансовая система пролетарского государства, организован Народный банк РСФСР, осуществлена монополия внешней торговли и валютная монополия (обеспечивающая независимость советской денежной системы от капиталистического (мира), и в результате овладения командными экономическими высотами возникли новые, принципиально отличные от капиталистического общества закономерности денежного обращения. Все

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXIII, стр. 19.

это означало, что впервые в истории возникли новые по своей природе деньги — советские деньги, которые на всех этапах социалистического строительства являлись важным и необходимым инструментом диктатуры рабочего класса в борьбе трудящихся масс против белогвардейцев, интервентов и предателей, в борьбе против капитализма, за построение коммунистического общества.

8. Советские деньги стали выполнять уже в тот период качественно иные функции по сравнению с деньгами капиталистического общества, а именно: орудия государственного учета труда и продуктов труда и средства оплаты труда на социалистических предприятиях; орудия организации обращения продуктов через механизм товарообмена и торговли; средства организации платежного оборота между социалистическими предприятиями, а также между обобществленным) хозяйством!, с одной стороны, и необобществленным) хозяйством — с другой; орудия социалистического накопления и сбережения доходов трудящихся. Эта последняя функция не получила в рассматриваемый период значительного развития.

Глава вторая

ДЕНЕЖНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ПЕРИОД ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

(Общая характеристика)

§ 1. Военный коммунизм

В чем заключалась сущность экономической политики партии большевиков в период гражданской войны, в чем своеобразие «военного коммунизма»?

«Своеобразный «военный коммунизм» состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги. Иначе [победить помещиков и капиталистов в разоренной мелко-крестьянской стране мы ее могли»

В «Кратком курсе истории ВКПб)» в следующих словах дана характеристика военного коммунизма:

"«Советское правительство ввело *военный коммунизм.* Советская власть поставила под свой контроль кроме Крупной промышленности — среднюю и мелкую промышленность, чтобы накопить товары массового потребления и снабжать ими армию и деревню. Она ввела монополию хлебной торговли, запретила частную торговлю хлебом и установила продразверстку, чтобы взять на учет все излишки продовольствия у крестьян, накопить запасы хлеба и снабжать продовольствием армию, рабочих. Наконец, она ввела всеобщую трудовую повинность для всех классов. Привлекая буржуазию к обязательному физическому труду и освобождая, таким образом, рабочих для другой, более важной для фронта, работы, партия осуществляла принцип: «кто не работает, тот не ест» [2].

Декретами ВЦИК от 2 сентября и 30 ноября 1918 г. Советская республика (была объявлена *военным лагерем:* «не только в армии,

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXVI, 3-е изд., стр. 332.

[2] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 219.

во флоте, но и в продовольственном и транспортном деле, а также в области военной промышленности должен быть установлен воен- ный режим, т. е. режим суровой трудовой дисциплины, отвечающий положению страны, которую бандиты империализма вынудили превратить в 'Военный лагерь»

Уже в предшествующий период на основе закона от 28 июня 1918 г. была национализирована вся крупная промышленность. Значительная часть государственной промышленности в период военного коммунизма выполняла военные заказы. Организация управления промышленностью и транспортом!, организация распределения сельскохозяйственных и промышленных товаров были перестроены в соответствии с потребностями войны [2]. Военной организацией хозяйства, в основном, обусловливалась система «главкизма» в промышленности. «Главкизм» заключался в сугубой централизации управления промышленностью, снабжения ее материальными и денежными ресурсами и распределения производимой ею продукции. Работа всех промышленных предприятий, продовольственных и транспортных организаций, где бы они ни находились, подчинялась одной общей, генеральной задаче —обеспечить победу над интервентами и белобандитами.

Неслыханно тяжелая война требовала жертв также и от трудящихся, остававшихся в тылу: необходимо было обеспечить снабжение миллионов бойцов Красной Армии. Большая доля государственных фондов шла на питание Красной Армии: по некоторым важнейшим продуктам Красная Армия потребляла более половины всех запасов продуктов, находившихся в руках государства.

Система добровольного товарооблена, которую советская власть стремилась организовать до середины 1918 г., не могла дать тех огромных материальных ..ресурсов, которые были' необходимы для Красной Армии в связи с развертыванием внешних и внутренних фронтов гражданской войны. Снабжение Красной Армии не могло быть обеспечено финансированием за счет эмиссии закупок продуктов по рыночным ценам: эмиссия могла давать, во-первых,. лишь *неопределенный* в материальном выражении доход (в зависилости от соотношение в каждый данный момент темпов роста цен и темпов эмиссии) и, во-вторых, этот доход падал по (мере усиления работы печатного станка: уже к моменту Октябрьской революции темп обесценения денег большей частью обгонял темп эмиссии, государство не в состоянии было угнаться за ростом рыночных цен, чтобы хотя бы удержать реальный эмиссионный доход на неизменной уровне.

После стабилизации цен, осенью 1918 г., с октября вновь возобновился рост цен; ежемесячный темп прироста цен достиг к концу 1918 г.21—25 проц., в то время как темп прироста эмиссии в этот период составлял всего 5—7 проц. Таким образом, ценность

[1] С. У. 1918 г., №№ 91—92, ст. 924, стр. 1143—1144. [a]
«История ВКП(б). Краткий курс», стр. 218, 219.

эмиссии, исчисленная по рыночным ценам, стала резко падать. Приходилось иными средствами обеспечивать мобилизацию необходимых для государства ресурсов в условиях войны и голода.

Снабжение Красной Армии было вопросом жизни или смерти для пролетарского государства, и отсюда подлинно революционное и единственно правильное решение этого вопроса состояло в том, чтобы получить продукты в необходимом для государства количе-стве по *твёрдым ценам.* Трудовое крестьянство должно было ока- зать ссуду пролетарскому государству. Для снабжения городов и Красной Армии продовольствием необходимо было: а) твердо опре-делить диктуемый насущными потребностями страны минимально необходимый размер хлебо-фуражных заготовок в натуре и развер-стать их между областями и районами; б) подчинить снабжение сельского населения промышленными изделиями задаче выполнения заготовительного плана, поставив это снабжение в зависимость от выполнения хлебной разверстки. На этих принципах основывалась *продразверстка,* введенная декретом от 11 января 1919 г. По этому декрету, который в дальнейшем был распространен не только на хлеб и фураж, но также и на другие сельскохозяйственные продукты, была создана четкая организация всего дела продовольственного снабжения в условиях военного времени.

Военно-политический союз рабочего класса и крестьянства был в то же время и известным экономическим союзом этих классов, о чем говорил Ленин в своем докладе на III конгрессе Коммунистического интернационала в 1921 г.: «...если военный союз между пролетариатом и крестьянством явился — и не мог не явиться — первой формой их прочного союза, то он не мог бы держаться и несколько недель без известного экономического союза названных , классов. Крестьянин получил от рабочего государства всю землю и защиту от помещика, от кулака; рабочие получали от крестьян продовольствие в ссуду до восстановления крупной промышленности» [1].

Система централизованного государственного распределения продуктов была-установлена декретом СНК о «государственной монополии торговли» от 21 ноября 1918 г., т.. е. за 2 месяца" до декрета 'о продразверстке. «В целях замены частно-торгового аппарата, — говорится в этом декрете, — и для планомерного-снабжения населения всеми продуктами из Советских и Кооперативных Распределительных пунктов на Народный Комиссариат Продовольствия (Компрод) возлагается заготовка всех продуктов, служащих для личного потребления и домашнего хозяйства» [2].

Этим же декретом Наркомпроду было предоставлено исключительное право «реквизиции и конфискации оптовых торговых окладов и национализации соответственных торговых фирм».

Характерна терминология этого декрета: «советские и кооперативные *распределительные* пункты» должны были заменить «частно-торговый аппарат», заготовки Наркомпрода и централизованное распределение «продуктов, служащих для личного потребления и домашнего хозяйства», должны были заменить товарное обращение.

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXVI, 3-е яэд., стр. 430.

[2] Сборник декретов 1917—1918 гг., М., 1920 г., стр. 186.

С введением продразверстки не только ликвидировался частно-торговый аппарат, но теряла почву под ногами также самостоятельная торговая деятельность *потребительской кооперации,* которая была превращена в аппарат Нарком-.. ирода но распределению продуктов (декрет от 20 марта 1919 г.)

Наконец, декретом от 5 августа 1919 г. «в развитие и объединение декретов **СНК** от 2 апреля и 8 августа 1918 г. и в целях сбора сырья и топлива» было установлено, что «все снабжение... сельского населения РСФСР предметами добывающей и обрабатывающей промышленности... *производится лишь при условии обязательной* сдачи населением продуктов сельского хозяйства и промысл ов».

Эти декреты означали обобществление сферы обращения. Вместе с тем расширялась и сфера обобществления производства. Декретом от 29 ноября 1919 г. были национализированы мелкие кустарные предприятия, и, таким образом, советская власть «...поставила под свой контроль кроме крупной промышленности — среднюю и мелкую промышленность, чтобы накопить товары массового потребления и снабжать ими армию и деревню» [2]. Мелкое крестьянское хозяйство оставалось частным хозяйством. Однако частное хозяйство было подчинено *задачам* государственного плана: VIII съезд советов в декабре 1920 г. объявил «[государственной повинностью обсеменение площади земли, установленной государственным планом посева» [3].

Ленин указывал, что «Мы зашли в эпоху политическую и военную гораздо дальше вперед, чем нам позволял непосредственно Экономический союз рабочих и крестьян. Мы должны были это сделать, чтобы победить врага, и мы имели право это сделать»

Национализация мелких предприятий не могла дать значительного эффекта: государство не было в состоянии экономически освоить всю массу национализированных мелких предприятий, организовать снабжение этих предприятий и контроль за сдачей ими своей продукции органам распределения. На деле значительная часть продукции мелкой промышленности, в особенности кустарного производства, не попадала в систему государственного распределения, но шла на, «подпольный рынок», для частного товарообмена с крестьянством.

В качестве центрального органа планирования распределения продуктов была создана «Комиссия использования», учрежденная на основании декрета •от 21 ноября 1918 г. Эта комиссия практически приступила к работе с весны 1919 г. Комиссия занималась рассмотрением и утверждением плаиов использования различных продуктов; таких планов было утверждено: в 1918 г.—19, в 1919 г.—44, в 1920 г. (10 мес.) — 55 [5].

Однако наряду с Комиссией использования процесс распределения планировался рядом других параллельных организаций, а именно промышленными главками и органами снабжения, что затрудняло и осложняло планирование. Главтоп, например, распределял колесную мазь, которую производили заводы Главнефти, а деготь распределялся самостоятельно Химдревправлением (заводы

[1] См. об этом в «Народном хозяйстве» за 1919 г. № 11—12, стр. 17.
[2] «История ВКЩб). Краткий курс», стр. **219.**
[3] VIII Всероссийский съезд советов, стенографический отчет, 1921 г., стр. 269.
[4] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXVII, стр. 126.
[5] «Народное хозяйство», декабрь, 1920 г., стр. 31.

сухой перегонки дерева). Далее, так как оперативно-распределительными функциями были наделены также и органы заготовок, то был период, когда, например, распределением жиров занимались пять самостоятельных организаций (Цен-трожир и Главрасмасло ВСНХ, Главрыба, Отдел мясных заготовок и Отдел заготовок яиц и коровьего масла Наркомпрода).

Судя по архивным и печатным материалам, *финансовые соображения не играли никакой роли в деятельности Комиссии использования и снабженческих органов.* «Обмен веществ» совершался in natura, и хотя денежная оценка продуктов сохранялась, однако она не имела более или менее серьезного значения, не оказывала влияния на ход производства и распределения продуктов в обобществленном хозяйстве.

«В условиях старой экономической политики экономические ресурсы Советского государства были в то же время непосредственно и его финансовыми ресурсами; как снабжение рабочих, служащих и армии, так и обеспечение государственной промышленности сырьем, полуфабрикатами и прочими материалами происходило в натуральной форме; соответственно этому финансовая политика исчерпывалась вопросами распределения денежных знаков, совершенно второстепенное значение которых определялось крайне узкими пределами рыночного оборота»

§ 2. Необходимость увеличения эмиссии, невозможность стабилизации валюты

Денежная политика советской власти в этот период определялась военной обстановкой, военными задачами.

Советская власть делала попытки оздоровить финансовую систему—укрепить валюту — не только в середине 1918 -г., но и во второй половине 1918 г. и в течение 1919 г., т. е. уже после перехода к военному коммунизму. Вопрос о необходимости укрепления рубля неоднократно ставился в советской печати и на съездах.

Эмиссия денежных знаков правительства РСФСР в I квартале 1918 г. составила 6 325,4 млн. руб., во II квартале—9 736,3 млн. руб. (рост на 53,9 проц.), в III квартале — 7 813,6 млн. руб. (сокращение против II квартала на 19,7 проц.). Однако в IV квартале 1918 г. эмиссия вновь значительно была увеличена: в течение этого квартала было эмитировано денежных знаков на 9 800,7 млн. руб., т. е. на 25,4 проц. больше, чем в III квартале.

Несомненно, что в 1918 г. наряду с другими факторами эмиссия IV квартала сыграла крупную роль в ускорении обесценения денег и роста цен: после фактической стабилизации рубля в III квартале 1918 г. с октября вновь начинается быстрый рост цен — индекс I цен в октябре возрос на 14 проц., в ноябре — на 25 проц. В связи с этим «Экономическая жизнь» в ноябре 1918 г. ставит в передо-

[1] Сборник «ВКП(б) в резолюциях», XI съезд РКП(б), стр. 434.

вой статье вопрос об обесценении денег и борьбе с ним. «Прежде всего,— писала газета,— необходимо принять меры к сокращению образовавшейся в стране покупательской силы»[1].

Для этого необходимо было "приостановить рост эмиссии денежных знаков. Но так как сократить расходы на армию и флот нельзя было, то проект оздоровления денежного обращения не мог
быть осуществлен

Эмиссия в 1919г. непрерывно из месяца в месяц шла на уровне значительно более высоком по сравнению с 1918 г., причем в отличие от 1918 г. и в III квартале она сильно возросла, что видно из следующей таблицы:

Эмиссия бумажных денег (в млн. руб.)

Кварталы	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.
I	6 325,4	13 859,3	115 647,1	518 086,6
II	9 736,3	25 845,2	171 153,5	
III	7 813,6	47 170,8	233 341,7	
IV	9 800,7	76 813,7	423 439,4	
И т о г о .	33 676,0	163 689,0	943 581,7	—

Всего в 1918 г. было эмитировано бумажных денег на сумму 33 676,0 млн. руб., в 1919 г.—на сумму 163 689,0 млн. руб., т. е. в 5 раз больше, а в 1920 г.—на сумму 943 581,7 млн. руб., или в 28 раз больше, чем в 1918 г., и в 6 раз больше, чем в 1919 г.

Выпуск в обращение 163,7 млрд. руб. в течение 1919 г. (не считая местных эмиссий) происходил в условиях прогрессирующего падения производительных сил, сокращения выпуска промышленной и сельскохозяйственной продукции и еще более сильного сокращения товарной (рыночной) продукции в связи с введением продразверстки и системы прямого, внерыночного распределения промышленной продукции. В этих условиях столь значительная эмиссия привела к дальнейшему падению ценности денег — росту цен в январе 1919 г. 23 проц., в феврале;—;на 27 проц., в марте на 30 проц., в апреле —на 23 проц., в мае — на 24 проц. и т. д.

Однако вопрос о стабилизации рубля не был снят.

В мае 1919 г. был созван Второй всероссийский съезд финотделов. На съезде и в статьях, опубликованных в связи с съездом в «Экономической" жизни», ставился вопрос об оздоровлении денежного обращения и прекращении эмиссии бумажных денег. В частности указывалось, что выпуск кредитных билетов образца 1919 г. при сохранении в обращении дензнаков прежних образцов не знаменует собой отказа от предложения Ленина об обмене денег ста-

[1] «Экономическая жизнь», от 22 ноября 1918 г., № 13.

рого образца на новые, соединенном с аннулированием значительной части старых дензнаков. На съезде также отмечалось, что советское *правительство ставит перед собой задачу прекратить непрерывно растущую эмиссию, порождающую обесценение денег.* В связи с этим на съезде был поднят возрос о (расширении и укрепле-нии Доходной базы госбюджета, и в первую очередь об *«усилении налоговой системы»*'.

Однако «усиление налоговой системы» могло бы быть достиг- нуто только при условии отмены продразверстки, допущения известной свободы оборота и перевода предприятий на хозрасчет.

Поскольку осуществить эти мероприятия было невозможно в условиях военного коммунизма, постольку выдвинутое в указан-ных тезисах требование немедленного отказа, от эмиссии также не могло быть осуществлено. Напротив, непрекращающийся рост цен и огромные размеры связанных с войной финансовых нужд государства диктовали необходимость увеличения эмиссии.

Ленин и партия считали эмиссию бумажных денег временной и вынужденной мерой.. Ленин говорил, что надо «...вознаграждадь крестьян не цветными бумажками, на которых долго держаться нельзя, а правильно организовав товарообмен[2]". В то же время Ленин "указывал на "необходимость денег: «Привычку не передела ешь, деньги уничтожить сразу нельзя. Чтобы их уничтожить, нуж но наладить организацию распределения продуктов для сотен мил лионов люде— дело долгих лет» [3].

Предатели — троцкисты, бухаринцы, стремясь дезориентировать партию и советских работников, выдвигали проекты немедленного уничтожения денег. Они хотели создать впечатление, что партия стоит на позиции немедленного уничтожения денег. «Проблема» аннулирования денег обсуждалась на страницах печати во второй половине 1918 г.: на эту тему были помещены статьи в «Известиях ВСНХ» и «Экономической жизни». Предлагался детальный план под названием[1] «Проект новой системы обмена взамен денежной», согласно которому деньги аннулируются и вместо них вводятся трудовые боны. При этом предлагалось немедленно же осуществить' насильственную операцию уничтожения денег.

Предатель Бухаря» выдвинул провокационное утверждение, будто бы деньги автоматически уничтожаются в той мере, в какой делает успехи социалистическое строительство. Теоретический оруженосец контрреволюционного троцкизма Преображенский пел хвалу печатному станку, который, мол, подрывая устойчивость денег, ускоряет тем самым якобы необходимое для социализма уничтожение денег. Наконец, антиленинскими и троцкистскими по своему существу были вое выступления по этому вопросу Ю. Ларина, который, начиная еще с 1918 г., пытался провести через законодательные органы декрет об уничтожении денежной системы. Еще 28 декабря 1918 г. на заседании Комиссии по финансированию промышленности Ларин заявил, что эта комиссия ведет подготовительные работы по упразднению денежной системы и предлагает отменить всякого рода платежи промышленности[4]. Из опубликованных в «XXIV Ленинском сборнике» документов[5] известно, что Ларин в декабре 1919 г.

[1] «Экономическая жизнь» от 18, 20 и 23 мая 1919 г.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXV, стр. 80.
[3] *Там же,* т. XXIV, стр. **301.**
[4] ЦАОР, 1919 г. ф. 2324, он. 37, д. № 185, л. 94.
[5] «XXIV Ленинский сборник», **М-, 1933 г.,. стр. 95.**

вновь подготовил резолюцию об уничтожении денег, которую он хотел предложить на съезде советов. Ленин не допустил, чтобы подобная резолюция, была вынесена на обсуждение съезда.

Натурализация хозяйственных отношений и обесценение денег ограничивали возможности использования функций денег внутри обобществленного хозяйства: деньги выталкивались из последнего на частный рынок, сфера обращения денег суживалась. Поскольку предложенную Лениным в 1918 г. денежную реформу не удалось провести, а с натурализацией хозяйства ограничивалась роль денег, постольку не было накоплено достаточно опыта по использованию функций денег для организации социалистического хозяйства. Но в то же время практика военного коммунизма показала недостаточность натурального учета и необходимость денег для правильной организации учета и. контроля чем будет речь в главе У.

В течение 1920 г. и в начале 1921 г. правительство издало ряд декретов о бесплатном отпуске государством продуктов, бесплатном пользовании транспортом, почтово-телеграфной связью, коммунальными услугами и т. д.

Отмена платности так же, как и ликвидация банковой системы, госкредита, местного бюджета, и фактическое свертывание налоговой системы являлись временными мерами, вытекавшими из процесса натурализации хозяйства, резкого ослабления функций денег как орудия учета и контроля, обесценения денег, полного разрыва между твердыми государственными ценами и рыночными ценами. Но все эти меры вовсе не означали курса на ликвидацию денег.

В «Известиях ВЦИК» 26 февраля 1921 г. был опубликован проект декрета об отмене всех денежных налогов.

Проект этого декрета должен был быть рассмотрен мартовской сессией ВЦИК 1921 г., но не был рассмотрен. Ленин предупреждал против «левых» заскоков в этой области и категорически указывал: *«Нужно очень много технических и, что гораздо труднее и гораздо важнее, организационных завоеваний, чтобы уничтожить деньги...»*[1] (Курсив мой.—*З. А.).*

«Военный коммунизм» не создал и не мог создать этих предпосылок. Они будут созданы лишь в результате завершения первой стадии коммунизма.

§ 3. Природа и роль эмиссии в период гражданской войны

Подавление свергнутых и экспроприированных революцией эксплоататорских классов, организация армии революции для борьбы с белогвардейцами и иностранными интервентами являлись главнейшими задачами диктатуры рабочего класса в период гражданской войны.

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXIV, 3-е изд., стр. 293.

Функции Советского государства, соответствующие этим задачам, были в период гражданской войны важнейшими и основными его функциями. Функция же хозяйственно-организаторской работы в этот период была тесно связана с двумя первыми функциями: «...строительство в этот период в общем хромает, так как основная строительная энергия — девять десятых этой энергии — уходит на создание Красной армии...»

Для успешного разрешения двух указанных выше задач диктатуры рабочего класса необходимо было чрезмерное напряжение денежной и финансовой системы. Проблемы денежного обращения этого периода должны изучаться главным образом под углом зрения двух указанных выше задач Советского государства...

Эмиссия бумажных денег в СССР в период гражданской войны; принципиально отличалась от бумано-денежной инфляции в капиталистических странах.

На эмитируемые бумажные деньги пролетарское государство приобретало материальные ценности и оплачивало труд.

Поскольку наше государство получало определенную массу материальных ценностей от крестьянства по твердым ценам, без пол-ной компенсации, постольку крестьянство оказывало хлебную ссуду государству.

Ленин говорил: «Мы знаем, что когда советская власть берет хлеб у крестьян по твердой цене, то она вознаграждает их лишь бумажками. Какая цена этим бумажкам? Это не есть цена за хлеб, а мы можем давать только бумажные деньги. Но мы говорим, что это необходимо, что крестьяне должны давать хлеб в ссуду. Как нам быть, чтобы восстановить промышленность, когда мы не можем дать за хлеб товары, потому что их нет? И разве хотя бы один сытый крестьянин откажет дать хлеб голодному рабочему, если знает, что этот рабочий, когда подкормится, вернет ему продукты? Ни один честный, сознательный крестьянин не откажется дать хлеба в ссуду. Крестьяне, имеющие излишек хлеба, должны дать хлеб государству за бумажные деньги,— это и значит ссуда» [2].

Ленин говорил: «Но мы обязаны вернуть эту ссуду, и поэтому надо удесятерить производотво и пустить в ход все фа-брики»[3].

Тракторы, комбайны, многомиллиардные капитальные вложения в сельское хозяйство, коллективизация сельского хозяйства и зажиточная культурная жизнь колхозников — вот та компенсация, которую получило трудящееся крестьянство за ссуду, оказанную в свое время пролетарскому государству. таким образом совет-ские бумажные деньги в период гражданской войны были «удосто-

[1] Из доклада товарища Сталина на торжественном заседании Бакинского совета 7 ноября 1920 г., Сборник «Ленин и Сталин» т. II, стр. 328.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXV, 3-е изд., стр. 62.
[3] *Там же,* стр. 136.

верениями в ссуде» (Ленин), которую крестьянство оказывало рабочему классу.

Рабочий класс на советские деньги мог получать лишь скудный продовольственный паек плюс коммунальные, транспортные, культурные и прочие услуги (последние государство предоставляло трудящимся сначала за низкую плату, а затем бесплатно). Вынужденная продажа или обмен трудящимися на рынке домашнего скарба, чтобы получить недостающее продовольствие, свидетельствовали о том., что, несмотря на рост номинальной зарплаты, введение карточ-ной системы распределения по твердым ценам и бесплатность мно-гих услуг, оказываемых государством населению, реальная зарплата была в тот период весьма низкой. Товарищ Сталин на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников рассказал о той нужде, которую рабочий класс испытывал в годы гражданской войны: «Я мог бы вам рассказать некоторые факты из жизни рабочих в 1918 году, когда целыми неделями не выдавали рабочим ни куска хлеба, не говоря уже о мясе и прочих продуктах питания. Лучшими временами считались тогда те дни, когда удавалось выдавать рабочим Ленинграда и Москвы по восьмушке фунта черного хлеба и то наполовину со жмыхами. И это продолжалось не месяц и не полгода, а целых два года. Но рабочие терпели и не унывали, ибо они знали, что придут лучшие времена и они добьются решаю- щих успехов. И что же, •—' вы видите, что рабочие не ошиблись» [1]. Эмиссия бумажных денег в нашей стране в противоположность) эмиссии в капиталистических странах не была методом перераспре-деления народного дохода в пользу эксплоататорской верхуш-ки общества: напротив, эмиссия, обесценивая бумажно-денежные накопления буржуазии, являлась методом мобилизации материаль- ных ценностей диктатурой пролетариата в ущерб буржуазии.

Совершенно неправильно было бы рассматривать эмиссию как универсальную форму мобилизации материальных и трудовых ре сурсов пролетарским государством и сводить всю сумму реальных доходов государства, за вычетом прямой конфискации материаль ных ценностей у буржуазии, к так называемому «эмиссионному доходу». Такое понятие «эмиссионного дохода» в широком смысле слова было бы чисто *формальным и не раскрывало бы существа и специфики пролетарских революционных методов мобилизации материальных ресурсов для покрытия издержек гражданской- войны.* Экспроприация экспроприаторов, обобществление производства, обязательность труда и обязательность отчуждения излишков продукта. крестьянского и кустарного труда государству — таковы спецические революционные методы мобилизации материальных ценностей пролетарским государством в период гражданской войны и покрытия материальных издержек, пролетарского государства в этот период в противоположность методам покрытия издержек буржуазных революций.

[1] Я. *Сталин,* Вопросы ленинизма, 11-е изд., стр. 414.

Буржуазная революция утверждает принцип частной собственности на средства производства и полную свободу рыночной реализации товаров, производимых частными предпринимателями-капиталистами. Социалистическая революция эти принципы отрицает. Призванная осуществить органический переворот в самом способе производства, она не только может, но и должна глубоко вторг-нуться в сферу производства и в сферу распределения общественного продукта. Пролетарская революционная власть для осуществления своих задач создает источники для покрытия своих материальных издержек путем экспроприации буржуазии и помещиков. Нельзя поэтому по аналогии с опытом буржуазной революции устанавливать значение эмиссии бумажных денег для пролетарской революции. Между тем, на этой аналогии основывались все троцкистские оценки якобы первенствующей роли эмиссионного рычага в обеспечении материальных условий победы пролетариата над, контрреволюцией в годы гражданской войны. Бумажные деньги в пролетарской революции отнюдь не играли той же роли, что и в буржуазнойной революции. Реальный доход, полученный от эмиссии бумажных денег, был много меньше реаль- *ных доходов, полученных от экспроприации экспроприаторов,обоб*-ществления производства и транспорта и заготовок сельскохозяйственных продуктов по продразверстке.

Если для 1920 г. принять всю массу полученных государством доходов в сумме 1 726 млн. золотых рублей, то доход от эмиссии, не считая продразверстки, по индексу розничных цен (бюджетный индекс статистики труда) за 1920 г. составил по оценке Голованова всего 7,3 проц. всех доходов государства. На оплату заго-тавливаемых по продразверстке продуктов было израсходовано не более 3—4 проц. всей эмиссии бумажных денег.

Для 1918 и 1919 гг. можно принять больший удельный вес эмиссии в связи с большей эффективностью эмиссии и наличием местных эмиссий бумажных денег. Но вряд ли для этих лет удельный. вес эмиссии можно оценивать более чем в 20—30 проц., ибо в эти годы в центре и на местах происходила массовая конфискация у буржуазии ценностей и запасов готовой продукции, являвшаяся серьезным источником доходов местных органов государственной власти.

При оценке роли эмиссии необходимо иметь в виду не только объем материальных ценностей, мобилизуемых посредством эмис- сии, но также *особое качество* этого финансового ресурса. Эмиссия давала Советскому государству денеждые ресурсы, ко-торые в условиях военного коммунизма не могли быть полечены налогами и займами. Эмиссия использовалась для приобретения раз- нообразных продуктов на рынке. Тем самым эмиссия не только увеличивала объем мобилизуемых государством ресурсов, но также отчасти корректировала некоторые дефекты снабжения государственных предприятий и организаций, связанные с системой централизованного изъятия и распределения продуктов в натуре.

Бывали случая, когда из-за какой-нибудь незначительной по своей ценности детали машины, которую нельзя было получить своевременно по наряду, могло быть сорвано выполнение важного воен-ного заказа. Эта опасность устранялась покупкой той или иной детали или материалов за советские деньги на частном рынке. Эмиссия в центре и на местах выполняла наряду с прямой мобилизацией ресурсов особую функцию.

На стыке обобществленного и необобществленного сектора эта роль денег была тем сильнее, чем больше давали себя знать недостатки безденежной, натуральной организации хозяйства.

§ 4. Финансовые нужды государства в период гражданской войны. Денежный голод

Для удовлетворения сильно возросших в связи с гражданской войной денежных расходов советское правительство всеми мерами стремилось усилить производительность печатного станка. Однако потребность в деньгах центральных и местных органов советской власти возрастала еще быстрее. В 1919 г. «денежный голод» усиливается.

Из большого количества архивных материалов, извлеченных нами по этому вопросу из Центрального Архива Октябрьской революции, приведем несколько типичных документов, характеризующих остроту потребности в деньгах важнейших областей народного хозяйства: хлебозаготовок, сырьевых заготовок, пищевой и тяжелой промышленности, транспорта, а также Красной Армии.

Из Наркомпрода 4 февраля 1919 г. сообщали в Наркомфин:

«Положение Воронежского губпродкома катастрофическое: заготовки сведены до минимума и грозят совершенно прекратиться, приостановлено снабжение деньгами освобожденных местностей Донской обл. и Харьковской губ. Для восстановления правильной работы необходимо экстренное подкрепление Воронежского Народного банка минимально пятьюдесятью миллионами» [2].

Из-за отсутствия денежных знаков весной 1919 г. во многих местах посевная кампания была под угрозой срыва: недосев 1919 г. частично, несомненно, был связан с перебоями в финансировании местных организаций:

«...На юге наступает время сева, а за приобретенные семена платить нечем. Возможно поля останутся незасеянными... Необходимы экстренные меры по доставке денежных знаков, иначе все погибнет. В настоящий момент необходимы денежные знаки на всю . ассигнованную сумму пятьсот миллионов и ассигновка еще пятисот миллионов рублей...»[2].

Не меньшие трудности возникали на местах и во время реализации уро-жая: обеспечение сырьем промышленности требовало усиленного финансирования.

Так, осенью 1919 г. Ленину сообщали, что"

«Сахарная промышленность из-за отсутствия денежных знаков рискует остаться без сырья и совершенно остановиться. Помимо потери сорока миллионов пудов сахара, это было бы огромной политической утерей ввиду настоящего обостренного положения в украинской деревне... Денежные знаки нужны немедленно, так как работа на плантациях свеклы в полном разгаре: требуются восемьсот миллионов»[3].

Промышленные районы Донбасс и Урал переходили *в* руки советской власти в состоянии полного развала. Для возобновления

[1] ЦАОР, 1919 г., ф. 130, оп. 9, д. № 63, л. 43.
[2] *Там же,* оп. 17, д. № 135, л. 12—13. (Телеграмма на имя Ленина из Украины).
[3] *Там же,* ол. 17, д. № 135, л. 38.

работы шахт и предприятий, продукция которых имела исключительно важное значение для Красной Армии и транспорта, требовались крупные денежные суммы. Из промышленных районов Донбасса и Урала посылались Ленину по телеграфу настойчивые требования присылки денег.

Страна переживала острейший топливный кризис, который подрывал работу транспорта: нередко маршрутные поезда останавливались в пути из-за отсутствия топлива и стояли без движения дни и недели. В одних районах каменный уголь заменился нефтью, в других — древесным топливом. Но заготовка древесины требовала огромных средств: Нарком-путь в одной из своих телеграмм от 17 марта 1919 г., адресованной Ленину, а также Главлескому, сообщал, что работа чрезвычайной комиссии по снабжению топливом железных дорог срывается из-за отсутствия «а местах денежных знаков. НКПС просит распоряжения о принятии экстренных мер к снабжению гублескомов и уездлескомов денежными средствами, ибо в противном случае железным дорогам грозит опасность остаться без топлива. ,

Даже Красная Армия получала не полностью полагавшиеся ей по сметам деньги: выплата незначительного по своей реальной величине жалованья красноармейцам и денежного пособия семьям красноармейцев подчас не производилась по нескольку месяцев.

В связи с успехами на фронтах и расширением советской территории к печатному станку предъявлялись новые требования. Тов. Орджоникидзе 19 марта 1920 г. телеграфировал Ленину из Ростова на Дону:

«События на Кавказском фронте развиваются довольно быстро, в ближайшие дни надеемся иметь Грозный, Владикавказ. Горское население ждет с нетерпением нашего прихода. Нужны большие суммы денег. Из ассигнованных миллиард четыреста миллионов послано только двести миллионов. Настоятельно прошу немедленно выслать миллиард.

19/111—1920 г. — Орджоникидзе» [1].

В «XXIV Ленинском сборнике» помещен целый ряд записок Ленина, в которых Ленин проявляет особое внимание вопросам снабжения мест денежными знаками, делая ряд напоминаний об этом ответственным лицам и интересуясь даже такими техническими вопросами, как обеспечение отправляемых дензнаков соответствующей упаковкой, охраной и т. д.[2]

Эти материалы показывают, какое большое значение придавал Ленин правильной организации дела снабжения мест дензнаками и проведению строжайшего государственного контроля в этом деле.

В телеграмме Ленина Украинскому СНК читаем: «...Отвечайте быстро, точно, ...сколько именно вам надо. Мы не скупимся, а вы гарантируйте порядок распределения» [3].

В 1918 и 1919 гг. отсутствие в отдельных районах денежных знаков сплошь и рядом объяснялось плохой организацией снабжения дензнаками, бюрократической неповоротливостью центрального аппарата ведомств. Так, Лени» 11 июня 1919 г. в связи с телеграммой председателя ВЦИК М. И. Калинина из Смоленска о необходимости «в самом срочном порядке перевести денежные знаки Минской и Смоленской губ. для рассылки по уездам», запрашивал Наркомфин: «Сколько? Когда послано? В чем причина того, что мы *имеем,* а дать *не умеем»*[4].

В течение 1919 и 1920 гг. был налажен аппарат для планомерного распределения дензнаков. Хотя бюрократизм в этом аппарате не был изжит, однако в 1920 г. главная причина денежного голода на местах уже не заключалась в этом «неумении дать» деньги, но в фактической невовможности ввиду

1 ЦАОР, ф. 130, он. 9, д, № 124, л. 99.
2 «XXIV Ленинский сборник», **М., 1935 г.„ стр. 8, 92, 93, 94.**
8 *Там* ***же,*** стр. **92.**
***** *Там же.* ;

недостаточной производительности Гознака покрыть потребности мест в дензнаках.

Это подтверждается следующей телеграммой СНК РСФСР, отправленной Украинскому СНК в июне 1920 г.: «В ближайшее время будем высылать по возможности в прежней норме. *Если удастся увеличить производительность Гознака, то Комиссией по распределению знаков предположено эту норму повысить»* . (Подчеркнуто мною.— *З. А.}.*

Каждая республика, область или край добивались от центра получения возможно большей суммы денежных знаков. Так, стараясь увеличить свою долю в эмиссии денежных знаков, Украина добивалась этого за счет сокращения доли в эмиссии других республик и областей.

Украина, получившая из центра по иашим расчетам за 1919 г. 8 проц, всей эмиссии, увеличила свою квоту в 1920 г. до 14 прод. (не считая отправок денег через военно-полевые кассы и непосредственного 'Снабжения дензнаками некоторыми центральными ведомствами своих местных органов на Украине), т. е. почти вдвое.

Острейший денежный голод, т. е. финансовую нужду в течение всего периода гражданской войны, испытывали все республики и районы Союза во всех сферах экономической жизни и культурного строительства, несмотря на то, что правительство всеми мерами старалось увеличить производительность печатного станка. Первоначально изготовление денежных знаков производилось только В Петрограде, в старой «Экспедиции заготовления государственных бумаг». Но военная угроза Петрограду побудила правительство создать денежные фабрики внутри страны, а именно в Москве, Пензе, а позднее — в Перми и Казани. В Пермь была постепенно эвакуирована большая часть оборудования Петроградской экспедиции. «Листаж» выпускаемых денежных знаков колоссально возрос:

Годы	Миллионов экземпляров денежных знаков	На сумму (в млрд. руб.)	За месяц в среднем (в млрд. руб.)
1918	932 2	36,5	3
1919.....	603 2	171,2	14,3
1920.....	512	931,7	77,6
1921 (4 мес.) .		753,9	188,5

Одной бумаги на изготовление денежных знаков в 1920 г. пошло около 3 тыс. тонн.

Специально созданному Управлению фабриками заготовления государственных знаков (Гознак), чтобы обеспечить выпуск 3 000 тонн денежных знаков., пришлось, кроме фабрик в Москве, Пензе, Перми и Казани, создать целый ряд вспомогательных предприятий: бумажную фабрику для изготовления специальных сортов бумаги 'в Петрограде, специальные мастерские для изготовления и ремонта машин и принадлежностей, формяо-художественную фабрику. На всех этих фабриках было занято на 1 января 1920 г. 11 260 человек, а на 1 января 1921 г. —13 616 человек. Фабрики Гознака должны были создать специальную организацию по заготовке сырья — тряпья. Специально организован-

[1] ЦАОР, 1920 г., ф. 414, ой, 19, д. № 125, *л.* 33.

ный особый отдел снабжения Гознака при Главном управлении производства красящих веществ все же не в состоянии был' полностью обеспечить фабрики необходимыми красками: краски и желатин приходилось покупать за границей. Таким образом, эмиссия совзнаков не только отнимала у страны значительную массу ценных материалов и рабочей силы, но частично эту эмиссию приходилось оплачивать 'золотом.

Все изложенное показывает, что издержки (денежного обращения в течение периода гражданской войны 'были исключительно высоки: они, несомненно, были много выше, чем три наличии стабильной валюты.

Лиистаж эмиссии в 1920 г. вырос почти в 3 раза, в то время как реальная ценность денежной массы в обращении на 1 января 1921 г. , по сравнению с 1 января 1918 г . уменьшилась в 5 раз. Народное богатство, промышленная продукция, товарооборот сокращались, а количесто бумажных знаков и издержки по их печатанью возрастали. Невозможно учесть действительный объем этих издержек, ибо для этого надо было бы оценить издержки по местным эмиссиям дензнаков, загрузку транспорта перевозками денег, наконец, содержание огромного местного и центрального счетно-кассового и складского аппарата.

Эти издержки обращения были весьма ощутительны в 1919—1920 гг. для разоренного войной и блокадой советского народного хозяйства.

Масштабы и темпы эмиссий не давали возможности обеспечить удовлетворительное качество денежных знаков, и — помимо, так сказать, «морального снашивания» (обесценения) ранее выпущенных денежных знаков — исключительно быстро происходило и физическое снашивание, особенно в городах, где сильно возросла скорость обращения денежных знаков. Потери дензнаков в обороте за период военного коммунизма и первые 1—2 года нэпа подсчитаны при проведении первой деноминации в 1922 г., когда вместо 7 235 млн. руб. поступило для обмена только 5 495 млн. руб. и, следовательно, 24 проц. всей денежной массы были уничтожены в обороте. Реакция рынка на новые эмиссии постоянно создавала ост,рей-ший денежный голод, который временами усиливался, временами ослабевал, но никогда не исчезал. Представители промышленности в центре подчас не меньше, чем представители мест, негодовали на Наркомфин за то, что он «срывал» им выполнение важных государственных заданий из-за... такой «пустяковой вещи», как деньги! Однако в действительности разрешение проблемы покрытия финансовых потребностей ведомств за счет эмиссии денежных знаков вовсе не было «мелочью». Для борьбы с денежным голодом правительство принимало энергичные меры, но денежный голод не удалось побороть.

Стремясь к максимальному удовлетворению неотложных требований мест, Наркомфин *пытался побороть денежный голод резким повышением купюр выпу скаемых дензнаков.*

В течение 1918—1921 гг. из квартала в квартал повышался номинал выпускаемых купюр дензнаков. С III квартала 1919 г. прекращается эмиссия дензна-

ков ниже рубля, с IV квартала того же года впервые выпускаются дензнаки достоинством в 5000 и 10 000 руб., причем эмиссия этих знаков сразу же заняла 16,4 проц. всей эмиссии, компенсировав с избытком прекращение эмиссия дензнаков ниже 1 руб. и сокращение удельного веса эмиссии других, уже ставших низкими к этому времени купюр от 1 до 40 руб. За весь 1920 г. эмиссия дензнаков купюрами до 5 000 и 10 000 руб. составила 35,9 проц., от 250 до 1000 руб. — 59,2 проц. и остальных — 4,9 проц., в то время как первые составляли в 1919 г. 7,6 проц., вторые—63,6 проц., третьи — 28,8 проц.; в 1918 г. первые не выпускались, вторые составляли 56,5 проц. и третьи — 43,5 проц. всей эмиссии.

Резкое повышение номинала купюр эмитируемых дензнаков при столь же резком росте общей суммы эмиссии вызвало коренные изменения в покупюрвом составе денежной массы в обращении. Если дензнаки достоинством ниже рубля на 1 января 1920 г. составляли уже настолько ничтожную величину, что не могли быть даже выражены в десятых долях одного процента, то дензнаки достоинством от 250 до 10 000 руб. составляли 64,6 проц. денежной массы, а на 1 января 1921 г. — 89,1 проц., причем на эту дату в денежной массе дензнаки достоинством в 5 000 и 10 000 руб. составляли 29,9 проц., т. е. были уже массовыми купюрами в рыночном обороте.

Изменения в купюрном строении эмиссии и денежной массы в обращении были закономерным выражением процесса обесценения денег: реальная ценность новых крупных купюр резко снизилась, несмотря на огромный рост номинала.

Оборот не воспринимал—крупных купюр реальной ценности и удовлетворялся исключительно *мелкими по реальной ценности купюрами*

Процесс измельчания покупюрного строения денежной массы в реально-ценностном выражении начался еще с 1917 г., но интенсивное развитие получил во время гражданской войны.- Если на 1 января 1918 г. в обращении находились купюры, реальная ценность которых по индексу составляла 50 руб., то *на 1 января 1921 г. в обращении остались только купюры, стоившие по индексу меньше 1 руб., причем до 70 проц. составляли купюры ниже 20 коп.* (причины, вследствие которых оборот не воспринимал купюр высокой реальной ценности, мы рассмотрим в главе IV).

Когда Наркомфин, вопреки требованиям рыночного оборота, пытался, в целях удовлетворения финансовых нужд государства, повышать номинал купюр дензнаков быстрее, чем происходило их обесценение на рынке, последний отказывался принимать эти купюры, ибо как средство обращения такие купюры ему не были нужны, а дензнаками как средством сбережений к этому времени уже не пользовались. В результате эти попытки резкого повышения номинала дензнаков наталкивались на непреодолимые препятствия: «денежный голод» принимал форму *«разменного кризиса».*

Так, председателю СТО сообщали из Самары о том, что «деятельность ссыпных пунктов можно упорядочить, если производить расплату с крестьянам ми купюрами 20, 25, 40-рублевого достоинства. Все ссыпные пункты расплачиваются тысячерублевыми кредитками, соединяя крестьян в группы, что вызывает недовольство, ропот, спекуляцию на размене. Необходимо вдвое увеличить отпуск мелких купюр для Самарского района»

* ЦАОР, 1920 г., ф. 130, оп. 17, д. № 210, л. 3.

Невозможность произвольного, без учета требований оборота, повышения номинала купюр вынуждала Наркомфин для повышения или сохранения финансовой эффективности эмиссии увеличивать листаж эмиссии .. дензнаков Но одновременно необходимо было постепенно повышать и номинал купюр более или менее пропорционально падению ценности денег. Если же Наркомфин длительно сохранял прежний номинал купюр, то происходило засорение оборота мелкими купюрами, поскольку ввиду роста цен купюры, бывшие месяц тому назад средними по своей ценности и поэтому ходовыми, становились теперь мелкими и мельчайшими.

Отсюда не редки были факты, когда на рынке «мешками» или во всяком случае очень толстыми пачками совзнаков расплачивались за покупки, весьма невысокие по своей реальной ценности. В этих условиях Наркомфин, в соответствии с потребностями оборота, повышал номинал купюр. Если же купорность повышалась слишком резко, то вновь возникал разменный кризис.

Вызывалось ли повышение номинала купюр требованиями оборота или производилось независимо от этого,— в обоих случаях оно само по себе не давало повышения эффективности эмиссии.

Что же касается увеличения листажа эмиссии, то оно действительно на время повышало эффективность эмиссии, но затем реакция рынка «съедала» весь этот прирост, и приходилось вновь расширять листаж эмиссии. Так как реальная ценность эмиссии, в общем и целом, снижалась, то естественно, что денежный голод принимал хроническую форму. Чем менее приходилось полагаться на удовлетворение материальных нужд финансовыми средствами, тем большим становилось стремление усилить натуральное, безденежное снабжение населения, предприятий и Красной Армии необходимыми продуктами.

Очень условны всякие попытки исчисления остроты денежного голода. По некоторым исчислениям степень удовлетворения потребности ведомств составляла в 1918 г. 62—66 проц., в 1919 г. колебалась от 43 до 73 проц., причем во второй половине 1919 г. насыщение дензнаками в сравнении с потребностями (заявками) повысилось до 71—73 проц. Однако при таких исчислениях имеются в виду уже «согласованные» заявки, которые отнюдь не отражали в полном объеме требований мест. Мы имеем возможность прокорректировать эти данные справкой по Украине за август—октябрь 1920 г. (но при этом надо иметь в виду, что места давали большей частью преувеличенные требования — «с запросом»).

Заявки Украины на дензнаки (в млрд. руб.)	Отпущено (в млн. руб.)	В % к заявкам
В августе 7,5 . . . . В сентябре 10,5 . . . . В октябре 12,5 . . .	1888 2 912 3 461	26 28 28

Следовательно, по этим данным отпуск дензнаков удовлетворял лишь 26—28 проц. требований мест .

Чем больше развивалось натуральное распределение и снабже-ние и суживалась роль денег в народном хозяйстве, тем более возрастала потребность в денежных знаках, тем острее чувствовалась финансовая нужда. Это объясняется тем, что по мере расширения сферы бесплатного отпуска продуктов и услуг населению в 1920 г. сводились на-нет поступления денег в бюджет и в то же время увеличивалась потребность в деньгах для оплаты той части этих продуктов и услуг, которые само государство не могло получить бесплатно или за низкую или твердую плату. Это отчетливо можно ; обнаружить доходно-расходяой смете Наркомпрода на 1920 г.[2] В записке к этой смете указывалось, что более быстрый рост прямых расходов по сравнению с ростом доходов бюджета объясняется преимущественно возрастанием бесплатных отпусков продуктов и прочих распределяемых ведомствами предметов на нужды общественного бесплатного литания детей и Красной Армии.

Рост безденежных отношений не уменьшал финансовой нужды, денежного голода. Последний вызывался в первую голову прогрессирующим падением денежных доходов бюджета, сокращением реальной ценности эмиссии для покрытия расходов государственного бюджета.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

1. В условиях значительного упадка производительных сил страны огромные материальные расходы, связанные с мобилизацией трудящихся в Красную Армию и развертыванием ожесточенной борьбы против иностранных интервентов и белогвардейцев, не могли быть покрыты финансовыми ресурсами государства. Не только нормальные источники финансовых доходов государства (налоги, займы), но и такой чрезвычайный источник этих доходов, как эмиссия бумажных денег, не могли обеспечить минимально необходимых материальных расходов государства: уже к моменту Великой Октябрьской социалистической революции темп обесценения денег на рынке опережал темп эмиссии, что привело к прогрессирующему сокращению эмиссионного дохода пролетарского государства. Равным образом и организованный государством добровольный товарообмен не мог разрешить проблемы снабжения Красной Армии и индустриальных центров. Ожесточенная война и голод в городах требовали чрезвычайных мер для обеспечения поставок сельскохозяйственных продуктов и прежде всего хлеба для Красной Армии и индустриальных центров. Поэтому необходим был переход о*т* добровольного товарообмена (декрет от 2 апреля 1918 г.) к обязательному товарообмену (декрет от 8 августа 1918 г.) и продразверстке (декрет от 11 января 1919 г.). Отдавая хлеб по продразверстке за совзнаки

[1] «Экономическое положение Украины в 1920 г.», «Народное хозяйство», 1921 г., № 1—2, стр. 93.

[8] «Известия НКФ», 1921 г., № 1—4, ст. «Смета Наркомлрода», стр. 9.

по твердым ценам, крестьянство оказывало ссуду рабочему классу. Военно-политический союз рабочего класса и крестьянства имел экономическую основу.

2. Расширение эмиссии и сокращение рынка вызывали рост цен, усиливавшийся в связи с детезаврацией денег крестьянством и уекоренем их обращения. Вопрос о необходимости стабилизации рубля и оздоровления финансовой системы неоднократно ставился и в период гражданской войны, но подобные проекты ввиду экономических и политических условий этого периода не могли быть осуществлены. Троцкистские же элементы пытались уничтожить деньги и финансовую систему, т. е. провести финансовое разоружение диктатуры рабочего класса. Ленин дал решительный отпор этим предательским требованиям троцкистов.

3. В условиях военного коммунизма деньги служили пролетарскому государству для осуществления главным образом задач обороны страны и борьбы с внутренней контрреволюцией, для чего потребовалось крайнее напряжение эмиссии, что и привело к ослаблению финансовой системы. По этой причине военный коммунизм не создавал почвы для широкого использования советских денег как орудия учета труда и продуктов труда, как средства контроля над мерой труда и мерой потребления. К концу этого периода деньги перестали выполнять в рамках обобществленного хозяйства функ- цию средства обращения. В< сфере же частного рынка эту функцию деньги сохранили. На этом базировалось использование эмиссии пролетарским! государством через функцию советских денег как средства оплаты социалистического труда. Совенаки использовались также для оплаты заготовок хлеба по продразверстке (орудие ссуды как специфическая функция этого периода), функции же средства сбережения трудового дохода к концу этого периода деньги выполнять перестали. Равным образом в связи с резким! падением роли денежных налогов, ликвидацией банковского кредита и госзаймов, переводом предприятий на сметное финансирование непре- рывно суживалась сфера применения функции платежного средства.

4. Классовая природа эмиссии советских бумажных денег в пе-риод гражданской войны противоположна природе бумажно-денежной эмиссии в капиталистических странах. Эмиссия совзнаков использовалась для выполнения задач военно-политического союза рабочего класса и крестьянства: она содействовала мобилизации материальных ценностей пролетарским государством) для снабжения Красной Армии, для отражения интервентов и разгрома белогвардейских банд. Отдавая хлеб за совзнаки по твердым ценам, крестьянство оказывало пролетарскому государству ссуду, которую в результате победы над классовыми врагами, социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства пролетариат возместил сторицей крестьянству, обеспечив последнему рост зажиточности и культуры. Эмиссия совзнаков своим острием была направлена против капиталистических элементов города и деревни.

5. Экспроприация экспроприаторов, обобществление производства, осуществление принципа обязательности труда и обязательности передачи продуктов труда государству (продразверстка), — вот специфические революционные источники покрытия расходов пролетарской революции в отличие от источников покрытия расходов буржуазной революции, которая утверждает принцип «священности и неприкосновенности» частной собственности на средства производства. Отсюда — иное значение и иной характер эмиссии бумажных денег пролетарской революции в отличие от эмиссии во время буржуазной революции.

6. В течение гражданской войны все отрасли хозяйства и государственного управления страны испытывали острый денежный голод; этот голод являлся особой, обусловленной огромным бюджетным дефицитом формой выражения требований хозяйства и государственных учреждений к эмиссии, как источнику удовлетворения насущных материальных нужд.

Издержки денежного обращения в течение всего периода гражданской войны были исключительно высоки, намного выше, чем в условиях стабильной валюты. Чем больше разорялась страна в результате исключительно тяжелой войны, тем более обременительными для хозяйства становились эти вынужденные гражданской войной издержки денежного обращения.

7. В течение 1918—1921 гг. из квартала в квартал повышался номинал выпускаемых купюр дензнаков, но покупательная способ ность («ценность») этих более высоких купюр неуклонно снижалась. Ни повышение номинала купюр при прежнем листаже эмиссии, ни увеличение листажа эмиссии при прежних купюрах, ни то и другое, вместе взятое, не могли разрешить проблемы ликвидации денежного голода. Этот голод обострялся потому, что темп обесценения денег на рынке обгонял темп эмиссии, а эффективность эмиссии по ры ночным ценам падала. Эмиссия не могла покрыть испытываемый страной дефицит в средствах потребления и средствах производства, ибо эмиссия не обладает «чудодейственной силой». Однако эмиссия давала дополнительную, сверх изъятий по продразверстке, мобили зацию материальных ценностей в распоряжение пролетарского госу дарства и поэтому была необходима для последнего.

Глава третья

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ

§ 1. Эмиссия совзнаков и денежных знаков старой формы. Аннулирование дензнаков белогвардейских правительств

Дореволюционная денежная система России после Великой Октябрьской революции распалась на части вследствие: а) создания контрреволюционными силами при поддержке международного империализма на окраинах бывш. Российской империи ряда буржуазных республик (Польша, прибалтийские государства), где со временем были созданы новые национальные валюты (польский злотый, латвийский лат и т. д.), находившиеся под контролем и в зависимости от империалистических государств; б) насильственного отрыва от Советской России вооруженными силами белогвардейцев и интервентов Украины, Закавказья, части Сибири и пр., где наспех создавались валюты марионеточных белогвардейских правительств (деникинские, колчаковские, врангелевские и т. п. деньги) и прививалось обращение валют стран-интервентов.

Считая экономически и политически необходимым' создание единой централизованной денежной системы, советское правительство после освобождения областей и республик от белогвардейцев и интервентов ставило своей задачей ликвидацию местных денежных систем и организацию единой денежной системы Советской России.

Хотя местные органы советской власти, как свидетельствует ряд архивных материалов, (нередко выражали недовольство системой и размерами финансирования их нужд советским правительством, однако правительство РСФСР не встречало серьезных препятствий и принципиальных возражений против проводимой им политики унификации денежного обращения на всей советской территории и централизации управления денежной (эмиссионной) системой. Это объясняется самой природой советской власти — единством всех советских организаций и мудрой ленинско-сталинской национальной политикой, обеспечившей военно-политический союз русского народа с другими национальностями бывшей России.

Правительство РСФСР, вследствие технических трудностей обеспечения финансирования оторванных от центра окраинных со-

ветских районов и национальных республик, специальными декретами санкционировало права мест в области эмиссии денежных знаков (Туркестан — декрет от 3 сентября 1918 г., Северный Кавказ — декрет от 1 октября 1918 г. и пр.). В течение 1919 г. была завершена унификация денежного обращения на всей советской территории, кроме Туркестана и Закавказья. Декретом СНК от 11 октября 1920 г. и декретом СНК Туркестанской ССР от 31 декабря 1920 г. была объявлена денежная реформа в Туркестане. Эта реформа, практически осуществленная в течение января — февраля 1921 г., заключалась в обязательном обмене туркестанских бон на общероссийские расчетные знаки образца 1919 г. по курсу 10 руб. туркбон за 1 руб., российских знаков, что соответствовало фактически сложившемуся курсу туркбон на бухарском и хивинском рынках. Таким путем было обменено туркбон на 100 млрд. руб.

Чрезвычайно интересно, что *при проведении этой реформы был применен тот классовый принцип обмена старых денежных знаков на новые, который лежал в основе предложенного В. И. Лениным проекта денежной реформы 1918 г.*

При обмене туркбон на совзнаки на руки выдавалось одному лицу не свыше 300 тыс. руб., остальная сумма в принудительном порядке записывалась на текущие счета. Ликвидация местных эмиссий Закавказья была завершена при нэпе.

Денежные знаки выпускались не только правительствами национальных республик, но также местными губернскими, уездными и городскими исполкомами, большей частью без санкций центра.

По данным на февраль 1919 г., местные деньги или денежные суррогаты были выпущены губернскими или городскими органами власти в следующих городах: Архангельске, Астрахани, Армавире, Баку, Верном, Владикавказе, Екатеринбурге, Екатеринодаре, Ижевске, Казани, Калуге, Кашине, Киеве, Одессе, Оренбурге, Пензе, Пятигорске, Ростове, Ташкенте, Тифлисе, Царицыне и Хабаровске.

Выпуск местных денег диктовался либо фактической невозможностью получать общегосударственные денежные знаки, либо недостаточностью их получения, т. е. так называемым «денежным голодом». В отчетных материалах Наркомфина читаем:

«...Советская власть предприняла меры к очищению денежного обращения от засорения его местными эмиссиями, самовольно возникшими на почве денежного голода».

Местные денежные знаки обращались наряду с общегосударственными и 'были, таким образом, добавлением к той эмиссии, которую производил центр[1].

[1] Дело обычно происходило так: «Архангельское отделение бывшего Государственного банка ввиду недостатка разменных знаков выпустило в обращение особые чеки, которые имеют хождение в пределах Архангельской губернии. Чеки выпущены 10 и 25-рублевого достоинства, снабжены подписями и номерами и с внешней стороны выполнены вполне удовлетворительно. Размен их на государственные кредитные билеты производится беспрепятственно. Население охотно принимает чеки. Всего чеков будет выпущено, по мере надобности, на 100 млн. руб. («Торгово-промышленная газета» от 21 июня 1918 г., № 1).

Советское правительство в 1917 и 1918 гг. выпускало в обращение денежные знаки *старых образцов* — царского и Временного правительств. В 1919 г. были выпущены в обращение новые денежные знаки—«государственные кредитные билеты 1918 г.». Эти кредитные билеты, как указывалось в декрете, были выпущены «в целях постепенной замены имеющихся в обращении кредитных билетов ныне существующего образца, как совершенно несоответствующего по своей форме началам нового государственного строя России, а также для извлечения из оборота разного рода денежных суррогатов, выпускавшихся в связи с недостатком кредитных билетов» Эмиссия 1919 г. в подавляющей своей массе (74,8 проц.) состояла из «государственных кредитных билетов 1918 г.». В этом/ же году стали выпускаться «расчетные знаки РСФСР 1919 г.», эмиссия которых в 1919 г. составляла всего 2 проц., а эмиссия дензнаков прежних правительств — 23,2 проц. Эмиссия «государственных кредитных билетов 1918 г.» и «расчетных знаков РСФСР 1919 г.» требовала гораздо меньших материальных издержек, чем эмиссия царских денег: в течение 1920 г. выпускались главным образом эти совзнаки, но частично также и старые денежные знаки. За 1920 г. эмиссия «расчетных знаков» составила 63,5 проц., «кредитных билетов 1918 г.» — 36 проц. и дензнаков прежних правительств — С,5 проц. К концу гражданской войны эмиссия расчетных знаков вытеснила эмиссию всех других видов денежных знаков, составив 96,6 проц. общей эмиссии, а эмиссия «кредитных билетов» только — 3,4 проц.

В результате такого изменения структуры эмиссии произошли следующие изменения в строении находящейся в обращении денежной массы:

Количество денег в обращении по видам дензнаков

	Государственные кредитные билеты дореволюционного образца		Государственные кредитные билеты 1917 г.		Казначейские знаки 1917 г.		Разменные марки	
	в млн. руб.	уд. вес	в млн. руб.	уд. вес	в млн. руб.	уд. вес	в млн. руб.	уд. вес
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1918 г. на 1 января . .	18 059,1	65,3	5 889,2	21,3	3 364,4	12,2	223,1	0,8
„ 1 июля . .	20 969,0	48,0	14 301,1	32,7	7 995,3	18,3	296,8	0,7
1919 „ „ 1 января . .	23 107,5	37,7	22 926,3	37,4	14 730,9	24 0	362,4	0,6
„ 1 июля . .	26 740,2	26,5	33 053,9	32,7	25 531,1	25 3	480,3	0,5
1920 „ „ 1 января . .	27 071,4	12,0	33 749,4	15,0	37 840,2	16 8	—	—
„ 1 июля . .	27 335,0	5,3	35 129,9	6,9	38 345,9	7,5	—	—
1921 „ „ 1 января . .	27 894,7	2,4	37 291,4	3,2	38 693,1	3,3	—	—

[1] Декрет от 15 мая 1919 г., «Известия ВЦИК» от 17 мая 1919 г., № 105.

	Разменные казначейские знаки		Государственные кредитные билеты 1918 г.		Расчетные знаки РСФСР 1919 г.		Всего денег	Колич. в обращен.
	в млн. руб.	уд. вес	в млн. руб.	уд. вес	в млн. руб.	уд. вес	в млн. руб.	уд. вес
	10	11	12	13	14	15	16	17
1918 г. на 1 января . .	114,4	0,4	—	—	—	—	27 650,2	100,0
„ 1 июля . .	149,7	0,3	—	—	—	—	43 711,9	100,0
1919 „ „ 1 января . .	199,1	0,3	—	—	—	—	61 326,2	100,0
„ 1 июля . .	231,6	0,2	14 341,0	14,2	652,6	0,6	101 030,7	100,0
1920 „ „ 1 января . .	—	—	123 065,6	54,7	3 288,6	1,5	225 015,2	100,0
„ 1 июля . .	—	—	335 242,4	65,6	75 762,6	14,8	511 815,8	100,0
1921 „ „ 1 января . .	—	—	162 503,6	39,0	602 214,1	51,5	1 168 596,9	100,0

Мы видим, что еще на 1 января 1920 г. половину денежной массы (43,8 проц.) составляли дензнаки старых образцов — царского и Временного правительств. Эмиссия 1920 г. в корне изменила строение находящейся в обращении денежной массы: выпуски расчетных знаков в один год перекрыли сумму выпущенных дензнаков за *несколько десятилетий* (включая период империалистической войны), заполнив подавляющую часть денежной массы. Удельный вес выпущенных за многие годы дензнаков старых образцов составлял на 1 января 1921 г. всего 8,9 проц. всей денежной массы. Эмиссия со'взнаков 1919 и 1920 гг. фактически экспроприировала все кулацкие «кубышки». Никакие, реквизиционные отрады не могли бы так тщательно провести изъятие этих накоплений, как это сделала эмиссия 1919 и 1920 гг., которая свела на-нет реальную ценность всех накоплений буржуазии в старых дензнаках.

Поскольку предполагавшийся в 1918 г. обмен прежних денежных знаков на новые не был осуществлен, постольку дензнаки прежних образцов в течение всего периода гражданской войны сохраняли платежную силу на всей советской территории. В то же время эти знаки имели платежную силу и на территориях, занятых белогвардейцами и интервентами. А дензнаки новых выпусков — сов-знаки — имели платежную силу только на советской территории. Вследствие этого, а также под влиянием кулацкой контрреволюционной агитации и в результате операций валютных спекулянтов в некоторых случаях на территориях, бывших театром военных действий и переходивших из рук в руки, и в окраинных и пограничных районах советские деньги либо расценивались ниже старых дензнаков, либо не имели вовсе платежной силы. Способность совзнаксв к обращению и их котировка на «черной бирже» находились в прямой зависимости от наших успехов и поражений на фронтах гражданской войны. Естественно, что 'в наиболее тяжелые моменты войны, когда в руках белогвардейцев и интервентов находилась значительная часть территории страны и враг приближался к центру Советской России — Москве, курс советских денег падал, а в некоторых случаях имели место факты отказа от приема в платежи советских дензнаков. Этим и объясняются, как показывает ряд архивных документов, в отдельных случаях настойчивые требования местных гражданских и военных со-

ветских организаций о высылке им дензнаков старых образцов. Так, в Туркестане в 1920 г. для платежей использовались царские деньги и звонкая монета[1].

Из Украины сообщали, что крестьяне «пока совершенно отказываются брать денежные знаки последнего образца»[2], и поэтому органы Наркомпрода предъявляли требования обмена совзнаков на знаки старых образцов.

Денежные знаки старых образцов советская власть частично могла использовать также и для *-заграничных операций,* экономя на этом металл. В этих целях Наркомвнешторг возбуждал ходатайства перед Наркомфином об обмене советских дензнаков на дензнаки старого образца.

В одной телеграмме из Ташкента от 10 ноября 1919 г. на имя В.И.Ленина указывалось, что для торговых сношений с Бухарой, Афганистаном необходима присылка думских, царских... В то же время сообщалось, что в Бухаре пятисотку царскую расценивают в тысячу пятьсот рублей Керенскими, сторублевку царскую — в четыреста кереяскими; в Китае рубль царский котировался в шестнадцать копеек, керенский — четырнадцать, туркестанский — в одну копейку[3]. Таким образом, в этот момент в Китае царские и керенские деньги имели различную котировку, прячем котировка царского рубля была в 16 раз выше котировки советских туркестанских бон.

В различии курсов главную роль играли политические моменты, но известное значение могло иметь и качество денежных знаков . Туркестанские боны были очень низкого качества: по сообщению из Ташкента в Наркомфин 23 января 1920 г., для печатания этих бон «краски употребляются, применяемые для окраски крыш... вид бон сейчас удручающий; в банке скопляются горы ветхих знаков» Боны, напечатанные на оберточной бумаге красками для крыш, не могли, конечно, конкурировать с царскими рублями; эти боны физически амортизировались через несколько оборотов, и население не желало нести убытков от физического снашивания их в дополнение к тому «моральному» (ценностному) снашиванию, которому подвергались все вообще виды бумажных дензнаков.

Решающее же влияние на котировку валют оказывала *политическая ситуация,* соотношение сил пролетарской революции и 'буржуазной контрреволюции.

В причудливой, сбивавшей с толку местное население, валютной пестроте, почти в молниеносном уничтожении одних и создании других валют, в калейдоскопично'сти курсовых колебаний различных видов и образцов денежных знаков (в особенности на окраинах) отражались сложность социального переплета борющихся классовых сил, исключительная напряженность и динамичность событий гражданской войны. В результате величайшей, всемирно исторического значения революционной борьбы, которую в 1918—1920 гг. под руководством партии Ленина — Сталина вел пролетариат в союзе с крестьянством всех национальностей, наголову были разбиты белогвардейцы и интервенты. Тем самым были уничтожены, превра-

[1] ЦАОР, 1920 г., ф. 2281, от. 114, д. № 8, л. 28,
[2] *Там же,* д. № 13, л. 7.
[3] *Там же,* д. № 8, л. 2,
[4] *Там же,* л. 10,

щены в ничего не стоящие клочки бумаги все денежные знаки белогвардейских марионеточных правительств, а также фактически аннулированы бумажные деньги царского и Временного правительств. К концу периода гражданской войны на всей территории совре-менного Союза ССР прочно утвердилась советская валюта. Если царские деньги и «керенки», выпускавшиеся советской властью в обращение, сохраняли платежную силу на территории советских республик в течение всего периода гражданской войны, то .в отношении денег 'белогвардейских правительств советская власть проводила политику их *аннулирования* после захвата терри тории белых.

Некоторые буржуазные экономисты, работавшие в Наркомфине, пытались эту политику сорвать, требуя легализации обращения белогвардейских денег. Этим они хотели оказать финансовую поддержку контрреволюционным белогвардейским правительствам, которые могли бы даже в эмиграции самофинансироваться эмиссией своих денег, если бы советская власть сохранила за ними законную платежную силу.

Частя Красной Армия при быстром продвижении на территорию, освобождаемую от белогвардейцев, не имели достаточных запасов советских денежных знаков, чтобы обеспечить товарное обращение и платежный оборот на местах.' Поэтому в качестве переходной меры иногда допускалось в течение известного срока обращение белогвардейских денег в частном обороте, но категорически воспрещался прием их в государственные платежи.

К, середине 1920 г. белогвардейские денежные знаки в массе своей были аннулированы. *Таким образом, не отменяя (временно) хождения дензнаков дореволюционных образцов, продолжая их выпуск, с одной стороны, и аннулируя белогвардейские деньги — с другой, советская власть подрывала финансовую базу белогвар-дейщины, что сыграло известную роль в уничтожении контрреволюционных банд.*

§ 2. Система распределения совзнаков

Декретом от 26 октября 1918 г. был установлен первый (и последний до денежной реформы при нэпе) контингент эмиссии Народного банка (к которому перешли все эмиссионно-кассовые функции Госбанка и казначейства). Этот контингент был определен в сумме 23 1/2 млрд. руб. Но этот контингент вскоре же оказался недостаточным, и декретом СНК от 15 мая 1919 г. было отменено вообще контингентирование эмиссии, которая допускалась «в пределах действительной потребности народного хозяйства в денеж-

[1] ВЦИК разрешал Совнаркому покрывать разрыв между доходами и расходами госбюджета выпуском денежных знаков, и, следовательно, формально на каждое полугодие устанавливался контингент эмиссии, равный этому разрыву. Так, ВЦИК рассмотрел бюджет на январь — июнь 1919 г., утвердил доходы в сумме 20 349 627 888 руб. я расходы—в сумме 50 702 627 888 руб.

Но, как мы знаем из главы II, эти потребности никогда не удовлетворялись полностью и поэтому необходимо было создать специальный орган для *планового распределения эмиссии между советскими учреждениями.* Нужно было учитывать степень важности финансирования той или иной организации, определять целевое назначение отпуска средств данной организации и удовлетворять эти потребности в меру наличных возможностей — текущей продукции дензнаков Наркомфина. Отдел денежных и расчетных знаков Наркомфина действовал аналогично главку: принимал заявки от учреждений и в пределах общей суммы наличности лимитировал их удовлетворение.

В практике планирования распределения эмитируемых дензнаков применялись два различных принципа, которые можно назвать *вертикальной и горизонтальной системами распределения дензнаков.*

Первая система заключалась в том, что эмиссия развёрстывалась между центральными ведомствами, которые сами распределяли эти суммы по местным подведомственным учреждениям и предприя-тиям. Вторая система - это разверстка эмиссии между местными финорганами, которые в свою очередь распределяли денежные знаки .по своему усмотрению между отдельными учреждениями и предприятиями.

Вертикальная система осуществлялась в форме так называемой «бронировки» денежных знаков на местах. Бронировки стали широко применяться еще в 1918 г., когда, отделения Народного банка из-за недостатка денежной наличности не могли оплачивать всех чеков и ассигновок учреждений и предприятий, самостоятельно регулируя выдачу наличности. В таких случаях ведомство, например, Наркомпрод, имея право на получение наличных денег или сдав их в банк, требовало гарантии обратной выдачи этих денег, что и означало бронировку данной суммы за этим ведомством.

Так, например, вятски губпродком «ввиду недостатка в местном банке денежных знаков и в целях обеспечения правильного хода продовольственных операций» требовал от Народного банка, чтобы «суммы Губпродкома были неприкосновенны и хранились в отдельном сундуке...»

Поскольку такие требования удовлетворялись, банк лишался всякой возможности использовать эти забронированные, но неиспользованные суммы как ресурс для кредитования. Это сыграло известную роль в свертывании кредитных операций банка и в превращении Народного банка в орган распределения денежных знаков.

Наряду с Наркомпродом бронировку денег еще в 1918 г. ввел в практику и Наркомвоенмор. При Наркомвоенморе в июле 1918 г. была создана комиссия для упорядочения снабжения армии денежными знаками, которая требовала, чтобы Наркомфин обеспечил «выплату денег по ассигновкам военного ведомства беспрепятственно, без контроля со стороны местных комиссаров финансов совдепов», что необходимо «особенно в отношении частей, находящихся на фронте, где часто требуются особые ассигнования»[2]. Ряд документов показывает, что не только в 1918 г., но и в 1919 и 1920 гг. Наркомвоенмору приходи-

Устанавливая контингент эмиссии на это полугодие в сумме 30,4 млрд. руб., ВЦИК вместе с тем предоставлял СНК право эмиссии «в размере действительной потребности народного, хозяйства в денежных знаках», т. е. и сверх этого контингента. (Декрет от 15 мая 1919 г., «Известия ВЦИК» от 17 мая 1919 г., N° 105).

[1] ЦАОР, ф, 1966, оп. 241, д. № 139/534, л. 483.

[2] ЦАОР, ф. 1235, оп. 52, д. № 32, ч. И, л. **159.**

лось энергично отстаивать бронировку ассигнуемых ему денежных сумм и бороться с разбронированием их местными советами.

Однако Наркомпрод, ВСНХ и Наркомлуть не менее настойчиво, чем Наркомвоенмор, также требовали исключения своих органов из практики перебро- нировок центральных ассигнований местными исполкомами, поскольку хлебные и фуражные заготовки или производство орудий войны и обмундирования на заводах ВСНХ также требовали бесперебойного финансирования, как и прямые расходы Наркомвоеямора. Такие требования, как, например, «самым срочным об- разом еще до наступления времени посевов не позднее 15 марта перевести сверх пересылаемых нормальных посылок в Ташкент обещанный миллиард рублей денежных знаков, забронировав его от каких бы то ни было других ко- миссариатов» (следовательно, также и от Наркомвоенмора) *, были обычным явлением. В результате этих требований бронировки поглощали большую часть всей эмиссии. С этим, конечно, не могли согласиться местные органы власти, в особенности такие республики, как Украина, которая финансировалась исклю- читальне за счет централизованной эмиссии и собственных дензнаков не выпускала.

Украинский СНК *в* одной из своих телеграмм, адресованных Ленину 14 ию-ня 1920 г., протестовал против того, что «главным образом эти суммы (полученные из центра.—*3. А.)* поступают через объединенные комиссариаты» и, несмотря на недостаточность их, «расходуются бесхозяйственно, в то время как ряд местных нужд остается совершенно неудовлетворенными». Таким образом, Украинский СНК требовал ограничения *вертикальной системы* распределения дензнаков и усиления горизонтальной системы.

Вертикальная система ослаблялась на практике *перебронировками* денежных сумм без ведома, а иногда и вопреки распоряжениям центра. Вследствие этого некоторые ведомства пытались обходить декрет о единстве кассы, стремясь получать в центре для местных нужд не ассигновки и переводы, но *наличные деньги* и самостоятельно их развозить по периферии. Так, например, Центральное управление красноармейских лавок в своей телефонограмме, адресованной Ленину (1919 г.), настойчиво добивалось предоставления ему функций самостоятельного' распределения и транспортировки денежных знаков для своих агентов на периферии.

Однако правительство категорически отказывалось удовлетворить подобные требования, ссылаясь на остроту денежного голода и необходимость соблюдения строгого порядка в распределении и расходовании денег.

Осуществляя жесткую централизацию в распределении материальных ресурсов, советская власть не могла не проводить в этот период такой же. централизации и в распределении эмитируемых денежных средств. Она была, как мы сказали, в тогдашних условиях совершенно необходима. Но отнюдь не были необходимостью чрезмерные бюрократические излишества этой системы: бронирование сумм также имело свои неудобства, денежные знаки часто не использовывались учреждениями, которым они предназначались, лежали без движения в кассовых органах, обесценивались и в то же время не могли быть использованы на другие, часто насущные нужды. В конце 3919 г., в связи с победами на ряде фронтов, расширением советской территории и возросшими финансовыми потребностями для новых советских районов, обострился денежный

[1] Из телеграммы в Наркомфия, ВСНХ и Главтекстиль от 16 февраля 1920 г, из Ташкента (ЦАОР, ф. 2281, од.. 114, д. №. 8, л. 1).

голод. (В связи с этим в феврале 1920 г. СНК для «принятия срочных мер к правильному снабжению денежными знаками» создал «Особую междуведомственную комиссию при Совете народных комиссаров по распределению денежных знаков». Комиссия по мысли декрета должна была руководить организацией и планированием эмиссии.

Комиссия устанавливала фактические возможности изготовления денежных знаков на ближайший период и, не входя в детальное рассмотрение финансовых заявок, определяла нормы распределения эмиссии между ведомствами. В комиссию вошли представители решающих в тот период ведомств: 1) Наркомвоенмора, 2) Наркомпрода, 3) Высшего совета народного хозяйства, 4) Наркомпути и 5) Наркомфина. Представители других ведомств приглашались лишь с совещательным голосом. На первом же заседании комиссии выяснилось, что *эмиссия не в состоянии удовлетворить потребности одних лишь первых четырех ведомств даже на 50 проц.* Заявки этих ведомств составили 13 1/2 млрд. руб., а вся «продукция» Гознака — заготовленная масса бумажных денег —выражалась менее чем в 6 1/2 млрд. руб. Каждый член комиссии заботился прежде всего о своем ведомстве, а вся комиссия — о представленных в ней ведомствах в целом; поэтому комиссия претендовала на всю сумму эмиссии дензнаков. Нар-комфин же должен был удовлетворять другие ведомства и местные исполкомы и поэтому Наркомфия срезал наполовину заявки четырех «ударных» ведомств.

Комиссия стремилась довести до крайности вертикальную систему: не только все местные органы, но и центральные ведомства, не вошедшие в комиссию, должны были либо совершенно не финансироваться, либо финансироваться через эти «ударные ведомства», подбирая не использованные ими остатки' дензнаков. Такая система была несостоятельна; Наркомфин предложил оставить в распоряжении комиссии лишь 40 проц. эмиссии, а остальные 60 проц. должны передаваться в распоряжение Наркомфина для удовлетворения других ведомств и местных органов советской власти. Но комиссия твердо держалась вертикальной системы и согласилась передать в распоряжение Наркомфияа лишь 25 проц. всей эмиссии. Напор мест, добивавшихся не без успеха в высших советских органах «специальных», «чрезвычайных» и «сверхсметных» ассигнований, исключал возможность для Наркомфина придерживаться на практике тех пропорций распределения дензнаков, которые устанавливались комиссией.

В основном же в течение всего периода гражданской войны превалирующую роль играла вертикальная система, которая соответствовала основным принципам военно-коммунистической системы организации хозяйства.

Комиссия как административно-финансовый орган именно вследствие проводимой ею сверхцентралистской политики просуществовала недолго — всего три месяца: уже в июне 1920 г. II сессия ВЦИК приняла по докладу Наркомфина постановление, которым все дело распределения дензнаков передавалось Наркомфину, а комиссия оставалась при Наркомфине совещательным органом.

Что же касается бронировок, то резолюция II сессии ВЦИК предложила «практикующуюся ныне систему бронирования денежных знаков за некоторыми ведомствами уничтожить, сохранив это бронирование лишь для исключительных по срочности и значению отдельных случаев» [1].

Таким образом, метод бронировок отменялся, как правило, как система, но применение его все еще допускалось.

[1] Резолюция II сессии ВЦИК 1920 г. «О финансовой политике» опубликована в «Известиях НКФ» 1920 г., № 12—13, стр. 1,

3. Эмиссия, бюджет и финансовый контроль

Какими особенностями отличалось планирование эмиссии в условиях военного коммунизма? Товарооборот в обобществленном хозяйстве был заменен распределением продуктов в натуре; что же касается рыночного товарооборота, то таковой в условиях военного коммунизма невозможно было планировать. «Комиссия использования» планировала распределение материальных ресурсов вне связи с объемом финансирования отраслей народного хозяйства и отдельных предприятий. С другой стороны, Наркомфин и «Особая междуведомственная комиссия по распределению дензнаков» отнюдь не связывали свои планы распределения дензнаков с вопросом о том, обеспечено ли использование этих знаков в обобществленном хозяйстве. Напротив, за исключением так называемых «оборотных расходов», которые должны были совершаться безналично в обобществленном хозяйстве, прямые финансовые расходы предназначались главным образом для выплаты зарплаты, которая реализовалась в подавляющей части на рынке, и лишь незначительная часть эмиссии шла на оплату заготовок по продразверстке. Кроме того, государственные организации частично использовали эмиссию и непосредственно для закупки товаров на рынке.

Планирование эмиссии сводилось к *планированию распределения эмитируемых дензнаков,* и, следовательно, косвенно планировалось и распределение тех материальных ценностей, которые приобретались *на* эмитируемые дензнаки. Но сумма этих материальных ценностей не представляла достаточно определенной величины, ибо неизвестно было, какова будет на местах покупательная сила рубля в момент использования эмиссии.

В целях борьбы с злоупотреблениями и излишествами был введен прямой *предварительный финансовый контроль* за расходованием средств в учреждениях. Организация прямого финансового контроля при быстром обесценении денег и слабости финансового аппарата представляла большие трудности. Невозможно было найти более или менее надежные и твердые критерии для проверки заявок каждого учреждения на государственное финансирование и для установления меры удовлетворения требований дензнаков.

Что же касается промышленности, то здесь финансирование совершалось по так называемому сметному принципу «под план» производства и независимо от его выполнения, так что принцип хозрасчета не применялся

Ведомства «по разверстке» распределяли денежные знаки между предприятиями, причем предприятия делились на «ударные» и «неударные». По отношению к «ударным» предприятиям применялась бронировка денежных средств.

[1] Декрет СНК о финансировании предприятий, вступивший в силу с 1 марта 1919 г.

Финансовые заявки недостаточно обосновывались не только в 1919, во и в 1920 г., когда уже были налажены связи ведомств и главков с подведомственными им учреждениями и предприятиями, в то время как заявки на материалы и средства потребления были всегда более или менее обоснованы. Ведомства давали свои заявки на дензнаки с значительным' «запросом», страхуя, этим себя от урезок заявок в центре. В условиях непрерывного обесценения денег ведомства и предприятия обычно старались затребовать и получить как можно больше денег.

Планирование госбюджета в значительной мере сводилось на практике к планированию распределения эмиссии. С 1918 по 1921 г. было составлено три полугодовых бюджета и один годовой— на 1920 г. Эти бюджеты далеко не охватывали всех ресурсов государства и всех его расходов. Кроме того, они составлялись с большим запозданием. В условиях бумажно-денежной эмиссии твердый режим бюджетного планирования не мог быть обеспечен. Сметные проектировки весьма существенно корректировались на практике сверхсметными ассигнованиями.

В связи с декретом от 23 января 1919 г., допускавшим для учреждений покупку товаров на рынке, «Экономическая жизнь» в ноябре 1919 г. поставила проблему *финансового планирования и финансового контроля,* но не могла найти решения этой проблемы. В печати указывалось, что так как фактически нельзя запретить сношения советских учреждений с вольным рынком, то необходимо «выработать специальные сметные правила для этих расходов»[1].

Осуществленное на практике деление всех бюджетных расходов на «прямые», по которым выдавались наличные деньги, и «оборотные», по которым совершались безналичные расчеты между ведомствами, не могло упорядочить сметного дела.

При быстрых темпах обесценения денег сметы прямых расходов после длительного процесса их прохождения по ведомственным инстанциям оказывались недостаточными и требовали «подпорок» в виде дополнительных и сверхсметных ассигнований. Прямые же расходы, например, в смете на первое полугодие 1919 г. составляли 89 проц.; в 1920 г. эти расходы также составляли большую часть всех бюджетных расходов.

В условиях быстрого обесценения денежных знаков невозможно было организовать достаточно эффективный финансовый контроль. При сметной системе финансирования народного хозяйства и ограниченной роли денег в рамках обобществленного хозяйства не стояла проблема организации контроля рублем за производством и распределением продуктов.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

1. Советская власть по мере расширения своей территории одной из первых своих задач ставила ликвидацию местных денежных эмиссий, создание единой советской денежной системы.

Быстрые успехи в создании единой советской денежной системы объясняются' политическим единством советских республик, самой природой советской власти и проведением мудрой ленинско-сталинской национальной политики.

[1] «Экономическая жизнь» от 25 ноября 1919 г., № 264.

2. Советская власть эмиссией «государственных кредитных билетов 1918 г.» и «расчетных знаков РСФСР 3919 г.» фактически осуществила в течение 1919 и 1920 гг. экспроприацию кулацких денежных накоплений, обесценив все спрятанные в кубышках царские и керенские деньги. Решающее влияние на рыночную котировку дензнаков различных выпусков оказывало соотношение борющихся сил пролетарской революции и буржуазной контрреволюции в каждом данном районе и в каждый данный момент.

3. В практике планирования распределения дензнаков (Применялись два принципа, которые можно назвать вертикальной и горизонтальной системами распределения дензнаков.. Советская власть, осуществляя жесткую централизацию в распределении материальных ресурсов, должна была проводить централизацию и в распределении эмитируемых денежных знаков. Отправляя на места денежные знаки, центр бронировал снабжение определенных местных предприятий и учреждений денежными знаками. Метод бронировки так же, как и распределение эмиссии по центральным ведомствам, представляет собой вертикальную систему. Она была необходима в тогдашних условиях, но отнюдь не были необходимы бюрократические излишества этой системы.

4. Финансирование промышленности происходило под план производства и независимо от его выполнения, без соблюдения принципа хозрасчета. При этой системе финансирования необходим был предварительный финансовый контроль за расходованием средств. Отсутствие во время гражданской войны твердой денежной единицы для учета и контроля не позволяло обеспечить финансово-бюджетную дисциплину и организовать эффективный финансовый контроль за расходами ведомств и промышленности.

Глава четвертая

ЦЕНЫ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ НА ЧАСТНОМ РЫНКЕ

§ 1. Политика твердых цен и превращение твердых цен в неизменные цены

Проведение государственной хлебной монополий и введение твердых цен требовали охвата системой регулирования цен не только губернских городов, но и сел. При проведении в деревне политики твердых цен советская власть отиралась на комитеты бедноты.

Развитие системы твердых цен шло в направлении все большего расширения *номенклатуры регулируемых товаров.* Места требовали установления твердых цен *на все предметы широкого потребления, необходимые крестьянству*

Проведение в жизнь декрета «Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства» от 21 ноября 1918 г. потребовало фиксации цен *на все основные предметы широкого потребления,* а это в свою очередь требовало установления твердых цен на все виды сырья и средств производства.

Из месяца в месяц по мере развития военно-коммунистической системы распределения расширялась и сфера регулирования товарных цен и распределения товаров.

[1] Из резолюции по продовольственному вопросу фракции коммунистов VI Почепского крестьянского съезда 12 сентября 1918 г.:

«...3) Приветствуя твердые цены на хлеб, требовать от центральной власти неуклонного проведения монополии и твердых цен на все предметы широкого потребления, необходимые крестьянству, как мануфактура, с.-х. орудия, мыло, керосин и др., беспощадно подавляя всякую спекуляцию частных торговцев, взвинчивающих бешеные цены на все предметы.

4) Крестьянский съезд полагает, что искоренение спекуляции будет возможно только тогда, когда между производителем и потребителем не будет класса паразитов-торговцев, для чего необходимо планомерное проведение национализации частной торговли, заменив таковую товарообменом, широко используя для этого крестьянские и рабочие кооперативы, изгнав оттуда дух спекуляции...» (ЦАОР, ф. 1966, оп. 241, д. № 120, л. 83).

Комитетом цен ВСНХ в первую половину 1919 г. были рассмотрены и утверждены цены товаров: 1) *текстильной промышленности* (хлопок, пряжа, ткани, лен и т. п.) — 950 названий; 2) *кожевенной промышленности* (шкуры, сырье, кожи, подошва, обувь и т. п.) — 550 названий; 3) *металлической промышленности* (черный металл, чугун, сортовое железо, рельсы, проволока и т. д.) — около 4 250 названий; 4) *химической* (мыло, спички, бумага и т. д.) — около 1 500 на-званий и т. д.

До середины 1919 г. твердые цены неоднократно пересматривались в сторону повышения. Так, в резолюции II Всероссийского съезда СНХ прямо указывалось, что необходим «более частый пересмотр твердых цен (каждые три месяца) и заработной платы, согласованных между собой и бюджетом рабочего и крестьянина»[1].

Установленные в 1919 г. коэфициенты повышения твердых цен на сырье сельскохозяйственного происхождения были ниже, чем на полуфабрикаты, а на последние — ниже, чем на готовые изделия. Между тем, соотношение коэфициенгов повышения цен на рынке было как раз противоположным [2].

Причина этого заключалась в следующем:

Заработная плата до середины 1919 г. испытывала воздействие рыночных цен. В резолюции специального заседания ВСНХ, посвященного вопросу о твердых ценах на продукцию промышленности в апреле 1919 г., читаем:

«...Что касается заработной платы, то повышение ее на ,50 проц. было установлено совершенно без соглашения с Комитетом твердых цен.. В дальнейшем необходимо подтвердить, что установление новых тарифов заработной платы должно производиться с предварительного их рассмотрения в 'Комитете твердых цен. Далее, установрление твердых цен на продовольствие тоже должно быть согласовано с Комитетом твердых цен» [3].

Из этого мы видим, что тарифы зарплаты не были согласованы с твердыми ценами и, следовательно, испытывали влияние рыночных цен. Рост же заработной платы и при этом быстрыми темпами (на, 50 проц.!) оказывал на твердые цены промтоваров давление в сторону повышения. Продажные цены на продукцию широкого потребления должны были покрывать себестоимость, так как себестоимость продукция госпромышленности с самого начала деятельности Комитета была положена в основу калькуляции твердых цен промтоваров. Твердые же цены на сельскохозяйственную продукцию этого давления не испытывали.

[1] Резолюция II Всероссийского съезда СНХ, «Народное хозяйство», 1919 г., № 1—2, стр. 58.

[2] В докладе комиссии о твердых ценах президиуму ВСНХ, опубликован ном в журнале «Народное хозяйство» за 1918 г., № 8—9, стр. 35, читаем: «легальные цены (фиксированные) на хлеб и другие сельскохозяйственные про дукты в огромной степени отставали от легальных цен продуктов прО'Мышленности. Нелегальные же,цены (вольного рынка), .наоборот, были неизмеримо более выгодны для продуктов сельского хозяйства, чем для продуктов промыш ленности».

[3] «Народное хозяйство», 1919 г., № 5, стр. 38.

Партия направила работу Комитета цен по линии проведения политики твердых цен, вопреки оппортунистическим требованиям непрерывного повышения твердых пен. Буржуазная агентура в Комитете цен фактически проводила саботаж военно-коммунистических мероприятий в области распределения, стремясь сорвать «крестовый поход» против спекулянтов хлебом, кулаков, мироедов, дезорганизаторов, взяточников, великий «крестовый поход» против нарушителей строжайшего государственного порядка, к которому призывал Ленин в письме «О голоде», адресованном к питерским рабочим При этом сторонники «выравнивания цен» по законам рынка знали, что это «выравнивание» окажется в ущерб городу, т. е. пролетариату, и будет выгодно «деревне», т. е. в первую голову кулачеству.

Предатели-троцкисты ,в этом вопросе были заодно с буржуазными экономистами, требуя таксировки цен «по законам» стихии рынка и денежного обращения.

Опыт военного коммунизма показал, что реально осуществима такая таксировака цен, при которой государство диктует цены, а от-нюдь не пишет их под диктовку стихийных законов рынка. Это оказалось возможным потому,что таксировку цен советская власть в тот период проводила на базе военно-коммунистической *организации производства* и *распределения продуктов.*

Если до середины 1919 г. твердые цены в известной мере испытывали давление рынка, то со второй половины 1919 г. положение меняется. В течение этого периода (с середины 1919 г. до нэпа) прочно закрепляются фиксированный уровень денежной зарплаты и твердые цены на продукты. Эти цены эмансипируются (почти полностью от колебаний вольных рыночных цен. Однако недостаточность централизованного снабжения по твердым ценам и сохранение мелкого самостоятельного производства в сельском хозяйстве обусловливали неизбежность существования частного рынка. А из этого факта вытекала возможность использования пролетарским государством эмиссии для дополнительной мобилизации материальных ресурсов через вольный рынок.

Разрыв между твердыми и рыночными ценами возрастал по мере роста спекулятивных рыночных цен, поскольку твердые цены оставались стабильными.

Так, в Москве цена пайка по твердым ценам составляла в январе 1919 г. 5 руб. 02 коп., в июле—5 руб., в январе 1920 г.—10 руб. 23 коп., в апреле— 9 руб. 77 коп., а по вольным ценам на те же даты — 24 руб. 58 коп., 84 руб. 32 коп., 344 руб. 35 коп. и 724 руб. 62 коп. Следовательно, рыночные цены превышали твердые цены в январе 1920 г. более чем в 33 раза, а в апреле 1920 г.—в 74 раза. Наибольший разрыв твердых и рыночных цен был по пшенице: так, уже к июлю 1919 г. индекс цен статистики труда составлял 656, а индекс твердой цены на пшеницу — только 18,3 (1913 г.-1).

Заготовки продуктов по твердым ценам в результате введения продовольственной разверстки в течение 1919—1920 г. по сравнению с 1918—1919 г. резко возросли, что видно из следующей таблицы:

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXIII, стр. 29.

Годы	Предположено заготовить (разверстка, налоги) (в тыс. пудов)	Всего заготовлено за год		
		в тыс. пудов	в проц. к годовому плану	в проц. к 1918/19 г.
1917/18	260 100	47 539	41,5	44,0
1918/19	319 415	107 923	66,5	100
1919/20	423 041	212 507	67,1	196,9
1920/21		283 875		263,0

Ленин говорил, что «...свою задачу — сохранение промышленности, хотя бы при условиях наибольшей отрезанности от хлебных районов,— разверстка выполнила»

Заготовленные по твердым ценам сельскохозяйственные продукты продавались городскому населению также по твердым ценам в порядке карточной системы распределения продуктов. По твердым ценам продавались и промтовары. Для государства выручка от продажи товаров населению по твердым ценам составляла совершенно незначительные суммы по сравнению с размерами ежемесячной эмиссии совзнаков, поэтому практически нецелесообразна в этих условиях стала денежная оплата распределяемых государством продуктов и оказываемых населению услуг по твердым ценам, Был издан ряд декретов об отмене оплаты продуктов и услуг, оказываемых государством населению. В связи с этим денежный учет вытеснялся в обобществленном хозяйстве учетом продуктов в натуре.

Прекращение пересмотра твердых цен и тарифов заработной платы, казалось бы, должно было иметь своим результатом прекращение роста финансовых расходов государства, а следовательно, бумажно-денежной эмиссии. В действительности же в 1920 г. и первой четверги 1921 г. эмиссия резко возросла. В чем же причина этого? Через какие каналы новая эмиссия бумажных денег поступала в обращение, если заготовительные цены на сельскохозяйственные продукты и заработная плата рабочих и служащих не возрастали?

Во-первых, сохранение неизменных ставок заработной платы не означает, что *фонд* заработной платы остается неизменным. Этот фонд продолжал расти вследствие увеличения численности рабочих и служащих в связи с победами над белогвардейцами и интервентами и увеличением советской территории[2].

Во-вторых, росла численность Красной Армии и, следовательно,— расходы на выдачу жалованья красноармейцам, командирам, военнослужащим, инженерно-техническим работникам.

В-третьих, возрастали ассигнования на заготовки ненормированных продуктов вследствие большого роста цен этих продуктов.

1 *В. И. Ленин,* Соч., т. XXVI, стр. 388.

2 Общая численность членов профсоюза возросла с 3 706 тыс. человек во второй половине 1919 г. до 6 856 тыс. во второй половине 1920 г. (См. «Сборник статистических сведений по СССР», М., 1924 г., стр. 246).

На окраинах, в прифронтовой полосе, заготовка основных сельскохозяйственных продуктов производилась нередко по ценам рыночным или близким к рыночным.

В-четвертых, и государственные учреждения, и снабженческие организации Красной Армии имели право в ряде случаев приобретать непосредственно на рынке товары, цены на которые по известным причинам в 1920—1921 г. резко росли. Кроме того, некоторые работы, например, погрузочно-разгрузочные, разрешено было оплачивать, в порядке соглашения, по высоким сдельным ставкам. Таким образом, хотя на заготовки основных сельскохозяйственных продуктов не требовалось новых крупных денежных ассигнований, однако для покрытия некоторых относительно небольших материальных расходов требовался большой и непрерывный рост эмиссии бумажных денег, который влиял на рост рыночных цен, а последний в свою очередь вызывал дальнейший рост эмиссии. Наконец, на увеличение эмиссии оказало влияние в 1920 г. также и сокращение госдоходов вследствие отмены оплаты пайков, почты, коммунальных услуг и пр.

§ 2. Частный рынок, деньги и мешочничество

В период гражданской войны существовало деление всех продуктов на *нормированные* и *ненормированные.* Закупка на рынке и провоз первых допускались в строго ограниченных нормах, а закупка и провов ненормированных продуктов, за редкими исключениями, производились более свободно. Местные органы власти регламентировали порядок торговли ненормированными продуктами на рынках: запрещали спекулятивную перепродажу продуктов, регулировали очереди и т. д.

[1] Из обязательного постановления Вятского губернского продовольственного комитета от 3 октября 1918 г.:

Разрешается свободный провоз каждому пассажиру:

1. Печеного хлеба — 10 фунт.
2. Мяса — 3 »
3. Масла — 2 »
4. Колбасных изделий —3 »
5. Всякого рода сладостей — 1 »
6. Чая — 1/4 »

Разрешается также свободный провоз на городские рынки в пределах Вятской губ. всех ненормированных продуктов питания (овощей, яиц, молока и пр.), но должно быть строгое наблюдение за тем, чтобы продукты направлялись исключительно на рынок, а не в частные дома.

Лицам, уполномоченным следить за порядком на городских рынках, вменяется в обязанность строго следить, чтобы:

1. Продукты, привозимые из деревни на рынок, продавались непосредственно потребителю и ни в коем случае перекупщику.
2. Устанавливать очередь за теми продуктами, которые были привезены в недостаточном количестве, не принимая во внимание служебное или общественное положение тех или иных лиц.
3. Рынок разбить на участки по категории продуктов. Очередь устанавли-

Торговля ненормированными продуктами не отменялась даже в период наивысшего ограничения частнотортового оборота во второй половине 1920 г. Закупки этих продуктов на рынке производили и частные лица, и учреждения; правительство планировало финансирование закупок госорганов на рынке, сосредоточив все ассигнования на заготовки этих продуктов по смете Наркомпрода,

Так, Совет народных комиссаров постановил: «Все кредиты на производство закупок ненормированных продуктов для снабжения служащих советских учреждений включать, начиная с 1921 года, в смету Народного Комиссариата Продовольствия» [x].

Таким образом, в отношении *ненормированных продуктов в течение всего периода гражданской войны нельзя было считать ры-но к «подпольным».*

Хотя декретом от 21 ноября 1918 г. Наркомпрод получил монополию на заготовку *всех* продуктов, однако по декрету от 23 января 1919 г. в случае, если советские учреждения в трехдневный срок не удовлетворяли заявок учреждений-потребителей в любых продуктах и материалах, последние получали право «обратиться к услугам частных поставщиков для покупок за наличный расчет» [2] Местные продоргаяы в 1918 г. и в начале 1919 г. еще пользовались услугами посредников-торговцев.

Ввиду недостаточности в период гражданской войны государственного снабжения продуктами почти каждый рабочий и служа- щий был вынужден приобретать необходимые товары на рынке.

Военный коммунизм, подрывая частную торговлю в форме легальной, стационарной, купеческой торговли, в то же время не мог уничтожить почвы для широкого развития базарной торговли— торговли с рук и лотков, контрабандной торговли «из-под полы».

Деревня поставляла на частный рынок предметы питания, кото- рые не сумел по продразверстке изъять заготовительный аппарат.

В течение 1918/19 г. государственные заготовки хлеба составили не более 31 проц. хлебных запасов по 15 производящим губерниям[3]. Ленин в своей статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» приводит данные Центрального статистического управления за 1918/19 г., по которым 53 млн. пудов было доставлено населению Компродом и 68,4 млн. пудов, т. е. больше половины,— мешочниками [4].

Знаменитая «Сухаревка» (один из главнейших в тот период рынков Москвы) процветала. Достаточно привести на. выборку несколько информационных заметок о рынках из «Экономической жизни» за 1919 г.

«...Жиры на рынках имеются в достаточном количестве; было и растительное масло.

вать для каждого рода продукта только одну на участке, а не по количеству возов с продуктами. (ЦАОР, ф. 1966, оп. 241, д. № 139/534, л. 619).

[1] «Известия НКФ», 1921 г., № 1—4, стр. 33 (декрет опубликован 12 ноября 1920 г.).

[3] «Известия ВЦИК> от 20 января 1919 г., № 20.

[3] «Вестник статистики», 1919 г., № 8—12, стр. 90.

[4] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXIV, 3-е изд., стр. 510.

В большом количестве имелось мясо, особенно телятина. Цены незначительно поднялись.

В избытке имелись молоко, также сметана и творог.

Овощи, имеющиеся в большом количестве на всех рынках, за истекшую неделю поднялись в цене незначительно.

Сильно поднялись цены на обувь, галоши и мануфактуру.

Следует отметить то, что количество продавцов разных разностей на Сухаревке и Смоленском рынках значительно повысилось, особенно выделяется интеллигентный продавец, который спешно приспосабливается к рынку и спросу.

Обыватель, выносящий на рынок весь свой скарб, начиная с ненужных мелочей я кончая подушками, горшками и драгоценностями, начинает захватывать площадь рынка» [1].

Другая информация:

«Хлеб имеется в огромном количестве...

В огромном количестве, особенно на Сухаревке, имелось сливочное масло, притом хорошее по качеству... В изобилии имеются мясо, овощи, конфекты, сахар, ландрин»[2]. Несмотря на усиление военно-коммунистических мероприятий, *рынок в 1919 г. был более обильным, чем в 1918 г.* Сухаревка, например, не вмещала всей массы продуктов и огромной толпы торговцев и покупателей в своих границах, и торговля совершалась на прилегающих к ней улицах: Мещанской, Спасской, Сретенской, Садовой и т. д.

Одним из каналов «питания» рынка были хищения из государственных складов, что облегчалось плохо поставленным учетом и контролем и бюрократическими извращениями системы распределения продуктов[3]. На частный рынок попадали, как свидетельствуют опубликованные в печати материалы «Особой междуведомственной комиссии при ВЧК», значительные партии товаров с государственных складов .

Но эти хищения были лишь *одним из каналов,* питавших «Сухаревку». Городское население выбрасывало на рынок предметы личного потребления, выдаваемые по карточкам и ордерам (мануфактура, обувь, сахар, кофе, сельди и пр.).

Буржуазия и мелкобуржуазные слои населения выбрасывали на рынок накопленные ими до революции ценности. Рынок питался также практиковавшимся *натуральным снабжением кустарной промышленности сырьем* (дерево, пряжа, кожа и пр.). Наконец, наряду с карточками, важным источником снабжения рынка было *натурпремирование* рабочих.

Городское трудящееся население на рынке искало дополнительных, помимо госснабжения, источников покрытия своих минимальных, насущнейших потребностей.

Мешочничество получило чрезвычайно широкое распространение в течение всего периода гражданской войны.

[1] *Л. Д.,* Продовольствие и снабжение, «Экономическая жизнь» от 25 марта 1919 г. № 64.

[2] «Экономическая жизнь» от 28 апреля 1919 г., № 137.

[3] «За последние месяцы... происходит колоссальное расхищение товаров легальными и нелегальными путями...» (Труды I съезда СНХ, стр. 433).

[5] «Борьба со спекуляцией». Материалы «Особой междуведомственной комиссия при ВЧК», «Экономическая жизнь» от 18 февраля 1920 г., № 36.

Существовало два вида мешочников: мешочники-потребители, •которые покупали продукты для себя и своей семьи, и мешочники-спекулянты, которые покупали продукты для перепродажи в целях наживы.

Мешочничество существовало еще в 1917 г., а широкое развитие получило в 1918 г. Местные органы советской власти в 1918 г. нередко не только не противодействовали потребительскому мешочничеству, но подчас, как свидетельствуют архивные документы, оказывали ему содействие, что крайне отрицательно отражалось на выполнении планов централизованных заготовок и подры-вало государственную систему продовольственного снабжения страны[1].

Четыре наркомата — Наркомвоенмор, Наркомпрод, Наркомпуть и ВСНХ совместными усилиями развернули летом 1918 г. борьбу с мешочничеством. В телеграмме этих наркоматов, посланной всем совдепам и губиродкомам, предлагалось безоговорочно применять самые энергичные меры для борьбы с мешочничеством.

И все же, несмотря на энергичные меры против мешочничества, оно продолжало развиваться: на совещаниях по борьбе с мешочничеством назывались цифры до 150 000 мешочников, обнаруженных лишь на одной железнодорожной магистрали [2].

В целях обхода мер, направленных против мешочничества, спекулянты применяли различные замаскированные приемы мешочничества.

Постановлением Московского совета от 24 августа 1918 г. и Петроградского совета от 5 сентября 1918 г. был разрешен ввоз 1 1/2 пудов хлеба рабочими и остальными трудящимися в гг. Москву и Петроград.

По некоторым сведениям в сентябре 1918 г. «полуторапудники» закупили и вывезли в столицы свыше 4 1/2 млн. пудов хлеба, что вдвое превышало назначенный для столицы план завоза хлеба, фактически выполненный меньше чем наполовину. Ряд руководителей местных продорганов, опережая события, запрещал индивидуальную закупку хлеба в своих районах вопреки постановлениям Моссовета и Петроградского совета. Декретом СНК эти постановления Моссовета и Петроградского совета были отменены[3], после чего мешочничество пошло на убыль, но не исчезло и не могло исчезнуть вплоть до нэпа.

Советская власть вела непримиримую борьбу против спекулятивного мешочничества: спекулянты, пойманные ВЧК, подвергались строгим наказаниям. Однако на практике часто трудно было отличить мешочника -потребителя от мешочника-спекулянта. Кроме того, *фактически происходило зачастую слияние этих двух видов мешочничества.* «Рабочие вынуждены 'были заниматься кустарничеством, выделкой зажигалок, мешочничеством»[4]. Ленин говорил, что «...тенденция превратиться в спекулянтов, эту тенденцию приходится наблюдать и в фабрично-заводских центрах, когда продукта нет, когда его мало, и всякий, кому продукт попал в руки, старается окопаться и нажиться» [5].

Ленин доказывал, что действия мешочников направлены к укреплению власти кулачества и эксплоатации трудящихся. Он разъ-. яснял, что свободная торговля хлебом и продажа его на вольном рынке, когда народ голодает, «...означает войну между людьми и обогащение спекулянтов, а для масс народа означает голод» [6].

[1] ЦАОР, 1918 г., ф. 1946, оп. 590, д. № 149, лл. 1—11.
[2] ЦАОР, ф. 1966, оп. 241, д. № 121, лл. 89—91.
* «Бюллетень Наркомпарода» от 8 сентября 1918 г.
* «История ВКП(б). Краткий курс», 1938 г., стр. 238. »
В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 463.
* *В. И. Ленин,* Соч., т. XXIV, стр. 409.

Ленин связывал проблему мешочничества с проблемой свободной торговли хлебом, с .поведением крестьянина-собственника и крестьянина-труженика.

В своей замечательной работе «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» Ленин писал, что «пролетариат должен разделять, разграничивать крестьянина трудящегося от крестьянина собственника,— крестьянина работника от крестьянина торгаша,— крестьянина труженика от крестьянина спекулянта» Крестьянин-труженик дает голодным рабочим хлеб по твердым государственным иенам. «А вот тот крестьянин, который продал из-под полы 40 миллионов пудов хлеба по цене вдесятеро более высокой, чем государственная, используя нужду и голод городского рабочего, надувая государство, усиливая и порождая всюду обман, грабеж, мошеннические проделки, вот тот крестьянин есть спекулянт, союзник капиталиста, есть классовый враг рабочего, есть эксплуататор» [2].

Срывая государственные заготовки и этим ставя под угрозу снабжение Красной Армии, порождая рваческие, спекулятивные тенденции среди отсталых рабочих, мешочничество в то же время колоссально увеличивало непроизводительные издержки обращения и ослабляло производительные силы страны. Большое количество труда отвлекалось из сферы производства в сферу обращения и резко повышались транспортные издержки.

Сказанное достаточно характеризует тот огромный вред, который приносило стране мешочничество, и ту политическую опасность, которую оно представляло для революции.

Активная борьба с мешочничеством не могла полностью его уничтожить, но она ослабляла и ограничивала вредное действие мешочничества и этим укрепляла военно-коммунистическую организацию снабжения армии и населения. Ленин писал: «...Мелкий буржуа, хранящий тысчонки,— враг государственного капитализма, и эти тысченки он желает реализовать непременно для себя, против бедноты, против всякого общегосударственного контроля, а сумма тыеченок дает многомиллиардную базу спекуляции, срывающей наше социалистическое строительство» [3].

Поскольку мешочники пользовались советскими знаками для своих операций по купле-продаже и спекулировали на разнице *цены товаров* на различных рынках, постольку в этих случаях деньги в ущерб интересам трудящихся использовались против социализма.,

Природа и роль эмиссии совзнаков как орудия диктатуры пролетариата (о чем была речь в гл. II, § 3) утверждались, таким образом, в процессе ожесточенной классовой борьбы.

[1] Я. *И. Ленин,* Соч., т. XXIV, стр. 512.
* *Там же.*
[3] *В,* Я. *Ленин,* Соч., т. XXVI, стр. 324-

§ 3. Влияние продовольственной политики государства на цены частного рынка. Формы обмена и местные эквиваленты

Подпольный рынок периода военного коммунизма отнюдь не был частным рынком обычного типа: закономерности этого рывка очень сильно испытывали влияние экономических мероприятий про летарского государства. В силу этого абстрагироваться от роли государства при анализе рыночных закономерностей того периода, как это практиковалось буржуазными экономистами,— это значит абстрагироваться от самого существенного момента.

Частный рынок находился под активным воздействием продовольственной политики пролетарского государства.

На цены подчас большее влияние оказывала не эмиссия, но те или иные декреты советской власти или действия советских] органов.

.

Суммарный индекс цен товаров в этом случае не помогает, но, наоборот, затрудняет анализ, ибо скрывает, затушевывает основ- ное—- различный характер динамики рыночных цен различных групп товаров, определявшийся государственным регулированием всего процесса распределения продуктов в стране[1].

Большое влияние на рынок и цены оказывали мероприятия со-венской власти в области транспорта и связи, а именно: разреше-ние или запрещение провоза продуктов по железным: дорогам част- ными лицами, регулирование приема почтой продовольственных по- сылок и пр. Так, например, разрешение пересылки в почтовых по- сылках печеного хлеба в марте 1919 г. оказало бесспорно значи-тельное влияние на предложение и цену хлеба на рынке: после опубликования этого декрета число прибывающих ежедневно в Москву почтовых вагонов с товарными посылками увеличилось с 5—6 до несколько десятков. Нормы снабжения населения про- дуктами и степень организованности этого снабжения оказывали серьезное влияние на цены частного рынка.

Можно ли на основании этих и им подобных фактов утверждать, что рынок был в руках государства, что государство овла- дело закономерностями рынка?

Советское государство полностью распоряжалось денежной системой, пользуясь печатным станком по своему усмотрению. Железнодорожная и почтовая связь была также целиком в руках государства, а эта связь является жизненным нервом рыночной системы. Советская власть распоряжалась значительными по тому времени товарными фондами — сельскохозяйственными и промтоварвши. Наконец, в своей борьбе против рынка советская власть опиралась на вооруженную силу и массовые организации городского пролетариата и деревенской бедноты. Однако военно-коммунистическое регулирование рынка не означало подлинного овладения механизмом рыночного обмена, его непосредственного экономического регулирования.

1- См. об индексах в § 4 гл. IV,

Правда, и в этот период вносились предложения о непосредственном экономическом регулировании частного рынка путем маневрирования имеющимися в распоряжении государства товарными фондами. Эту проблему выдвинул в газете «Экономическая жизнь». тов. Струмилин [1].

Однако подобные предложения не были реализованы хотя бы в виде опыта. Причина этого заключалась в том, что для осуществления предлагавшихся тов. Струмилиным мероприятий товарного маневрирования необходимо было бы создать торговый аппарат и легализовать рынок: и то и другое было невозможно в условиях военного коммунизма и лишь с введением нэпа могла проводиться политика товарного маневрирования.

Нелегальное или полулегальное положение рынка, ликвидация стационарной частной торговли исключали самую возможность прямого экономического регулирования рынка. Продорганы разгоняли и арестовывали спекулянтов, но они не были в состоянии уничтожить корни спекуляции, устранить те глубокие причины, которые создавали возможности хищнического обогащения спекулянтов в обстановке голода. Ленин указывал, что корни капитализма еще не вырваны и эти корни давали злокачественные плоды на подпольном рынке. Запрещение частной торговли без замещения ее развернутой советской торговлей не могло не привести к тому, что торговля на подпольном рынке ускользала от государственного контроля, приобретала известную самостоятельность, освобождалась от прямого экономического регулирования ее государством. Сила нашего воздействия на рынок, возможности его регулирования были в период Гражданской войны значительно меньшими, чем при нэпе, даже в начальный его период.

Рынок проявлял исключительную живучесть и нашел формы приспособления и сожительства с военно-коммунистической организацией хозяйства. Рынок непрерывно обесценивал совзнаки, опережая подчас самые высокие темпы эмиссии и ставя Советское государство перед невозможностью опередить темпы обесценения сов-знаков, удержать на прежнем уровне эмиссионный доход.

В соответствии с особым характером торговых отношений на нелегальном и полулегальном рынке торговые сделки стали менее крупными по своей величине, кредитные операции и безналичные расчеты между торговцами отсутствовали. Все это вызвало в сфере обращения тенденции резкого снижения реальной ценности основных массовых купюр денежных знаков. До войны номинал наивысшей купюры был равен 500 руб., на 1 января 1921 т.—10 000 руб. Реальная же ценность высшей купюры, находящейся в обороте, не-

[1] На основе анализа разрыва цен яа местных рынках тов. Струмилин сделал расчеты, которые, по его мнению, доказывали, что товарный фонд, стоящий по средним ценам около 30 млн. пудов хлеба, при более рациональном его использовании возрастет в цене до 165 млн. пудов.

(С. Струмилин, Меновые эквиваленты и проблема снабжения, «Экономическая жизнь» от 30 октября 1920 г., № 243).

смотря на увеличение номинала в 20 раз, снизилась до 0,006 проц. реальной ценности высшей купюры 1913 г.

В следующей таблице показан этот процесс снижения реальной ценности высших купюр дензнаков, начавшийся еще в годы империалистической войны.

Стоимость высшей купюры денег на 1 января и 1 июля 1914—1921 гг. по всесоюзному индексу статистики труда

Годы	По номиналу (в руб.)	По всесоюзному индексу статистики труда	Проц. отношение к ценности высшей купюры в 1913 г.
1 ИЮЛЯ 1914 Г.	500	495 f 50	99,0
1 января 1915 г.	500	384 615	76,9
1 января 1916 г.	500	349 650	69,9
1 января 1917 г.	500	170 068	34,1 4,8
1 января 1918 г.	1000	48170	0,6 0,04
1 января 1919 г.	1000	6 093	0,006
1 января 1920 г.	10 000	4 132	
1 января 1921 г.	10 000	0 595	

Во второй половине 1918 г. в обороте уже не осталось высоких по своей реальной ценности купюр дензнаков, и поэтому можно считать, что уже с этого периода прекратилось тезаврирование дензнаков, ибо в качестве средства накопления обычно служат купюры дензнаков, относительно крупные по своей реальной ценности. В обороте же остались только мелкие по своей реальной ценности денежные знаки.

Резкое обесценение денег и неравномерность этого обесценения, с одной стороны, острая нужда в предметах первой необходимости — с другой, усилили возникшую еще до Октябрьской революции тенденцию развития безденежного товарообмена на рынке.

Известны многочисленные факты отказа населения от приема бумажных денег при торговых сделках на частном рынке и частичный переход к безденежному товарообмену Изучение рыаочных отношений того периода показывает, что *рынок одновременно с отказом от совзнаков стремился к созданию товаров — денег, которые находились вне всякого государственного контроля и регулирования.*

Продавцы и покупатели 'устанавливали в каждом отдельном случае случайные меновые эквиваленты, поскольку всеобщего эквивалента не было.

[1] Такие факты имели место не только в 1919 и 1920 гг., но еще в начале 1918 г. В «Информационном листке» Мособлпродкома от 18 февраля 1918 г. приведена следующая телеграмма от того же числа из Оренбурга:

«Выполнение плановых нарядов сократилось ввиду нежелания населения отпускать хлеб за деньги. Население требует товаров в обмен на хлеб. К усилению отправок нами принимаются все зависящие меры. Уроблпродком». (ЦАОР, ф. 1946, оп. 590, д. № 464, л. 43).

Вот пример меновых пропорций в г. Калуге в январе 1919 г.:

1 фун. мыла	=	2 фун. пшена,
22 фун. керосина	=	15 фун. гороха,
1 шинель	=	10 1/2 фун. крупы-ядрицы,
. 3 фун. соли	=	30 фун. овса
1 пара сапог	=	30 фун. гречневой крупы,
И фун. махорки	=	1 фун. свиного сала.

Наиболее ходкие и наиболее ценные товары становятся *эквивалентами.* Обычно не только в разных районах, но даже и в одном и'том же районе существовало по нескольку эквивалентов. Отправлявшийся в деревню за продуктами предварительно 'Всегда выяснял, «на что в этой деревне меняют», например, на соль, на хлеб или керосин, и в соответствии с этим брал с собой определенное количество данного эквивалента.

Вот пример этой формы обмена, при которой эквивалентом является ржаная мука.:

30 фун. керосина
[10]3 фун- =махорки =1 пуду ржаной
муки 10 арш. ситца

Формы обмена на рынке были многообразны и менялись с поразительной быстротой. Наиболее распространенными эквивалентами были хлеб и соль, а на окраинах — частично также золото и иностранная валюта.

Если в отдельных районах функционировали товары-эквиваленты, то спрашивается, почему ,рынок совершенно не заменил сов-знаки мукой или солью в качестве средства обмена?

Это объясняется тем, что указанные эквиваленты были исключительно *местными* эквивалентами, имевшими силу только в узких пределах данных районов. Однако полностью экономическая связь между отдельными рынками никогда не порывалась, а эта связь могла выражаться только в *денежной форме.* Если в данном районе эквивалентом являлась кукуруза, а в другом районе — соль, то очевидно, что лицо, имевшее в своем распоряжении известное количество эквивалента в данном районе, не могло бы воспользоваться им как покупательским средством в другом районе, где был другой эквивалент. *Необходимо было еще установление известной ценностной пропорции между местными эквивалентами.* А эти пропорции могли устанавливаться только таким образом, что все местные эквиваленты выражались в определенном (хотя, и изо дня в день изменяющемся) количестве всеобщих и обязательных к приему на всей советской территории *бумажных денег.*

Таким образом, благодаря существованию совзнаков вносилось, известное единство в межрайонные рыночные отношения. Все товары на местных рынках выражались в определенном количестве единиц местных эквивалентов, а эти последние — в определенной сумме денежных знаков, и таким образом эквиваленты всех районов имели единую форму выражения в сованаках.

(Кроме того, следует принять во внимание, что натуральная форма товаров, являвшихся эквивалентами, как, например, муки и соли, не приспособлена для выполнения всех денежных функций.

Что же касается золота, то оно (не считая некоторых окраин) не выполняло на рынке роли эквивалента, ибо золото резко обесценилось в отношении важнейших продуктов питания: так, в Москве в июле 1920 г. вольный курс золотой 10-рублевой монеты составлял 20 тысяч руб. в совзнаках, в то время как 10 руб. по индексу равнялись 86 тыс. руб.

Рынок нуждался в денежных знаках — средствах обращения более или менее устойчивой ценности, а таких средств обращения государство в тот период не могло дать рынку и всему хозяйству страны.

Тенденция вытеснения денежного обращения рыночным товарообменом и появление на местных рынках товаров-эквивалентов, Выполнявших роль средства обмена, ни в коем случае не могут рассматриваться как социалистическая тенденция, якобы предвещав-шая, как считали троцкисты, полную ликвидацию денег. *Это была реакция стихии рынка против непрерывно растущей эмиссии и по-пытка таким путем освободиться от эмиссионного налога.* Эта тенденция означала попытку рынка заменить советские деньги «товарными» деньгами, выдвинуть тот или иной товар на положение денег. «Социалистического» в этой закономерности нет ничего, напротив, это была закономерность рыночной стихии.

Рынок вообще не может «отрицать» денег, он, напротив, всегда и везде утверждает их существование.

В этом процессе выдвижения рынком собственных эквивалентов для диктатуры рабочего класса заключалась большая опасность. Ведь это означало угрозу подрыва финансовой базы государства и стремление мелкотоварного хозяйства развиваться самостоятельно на рыночной основе по капиталистическому пути.

Деньги должны служить осуществлению всех исторических задач, всех трех сторон диктатуры рабочего класса. Они должны быть поэтому и приводным ремнем Советского государства к широким массам крестьянства для руководства ими, для вовлечения их в социалистическое строительство. Они должны служить и орудием организации обобществленного хозяйства.

§ 4. Индексы и исчисление ценности эмиссии. Темп эмиссии и темп обесценения денег

В целом ряде работ буржуазных экономистов (Первушина, Фальквера, Ковальской, Шмелева *я* др.) дано исчисление индексов цен, которые в сопоставлении с денежной массой в номинале должны как-будто дать точное представление о реальной ценности денежной массы в обращении и динамике реального эмиссионного дохода. В действительности же эти данные страдают серьезными погрешностями и требуют критического отношения к ним.

Во-первых, сопоставление индексов цен и эмиссии не может дать точного представления о действительной ценности денежной массы и эмиссионного дохода, потому что все подобные исчисления основываются на данных только общегосударственной эмиссии, а не на сумме всех выпущенных в обращение денег, т. е. включая местные эмиссии. Для 1918 и 1919 гг. это обстоятельство, на наш взгляд, имеет важное значение, поскольку эмиссии правительств советских республик, в особенности на окраинах — в Туркестане, Сибири, Северном Кавказе, Закавказье и т. д., бесспорно оказывали большое влияние на движение рыночных цен

Однако имеющиеся данные о местных эмиссиях денежных знаков на территории советских республик не дают возможности свести их к единому ценностному выражению и дать сплошной ряд движения реального дохода от этих эмиссий. Это можно сделать только в отношении эмиссии бумажных денег правительства РСФСР, за счет которой покрывались в значительной части финансовые нужды и других советских республик.

Единственным более или менее приемлемым показателем изменения «ценности» («покупательной силы») бумажных денег за весь изучаемый период являются всероссийские индексы статистики труда.

Возникает вопрос: пригодны ли вообще для того периода индексы для исчисления покупательной силы денег?

Индексы в рыночной обстановке того периода не могли правильно отражать динамики вольных цен. Статистика учит, что метод «взвешенных» индексов можно применять, когда речь идет о переменах, происшедших в одной стране и за такой период времени, когда не было резких изменений, но тот же метод легко может привести к ошибочным и бессмысленным выводам, если его применять к таким периодам, когда цены и размеры снабжения подвержены резким колебаниям. Трудно себе представить более резкие колебания цен и размеров снабжения, чем те, которые происходили в рассматриваемый период.

Однако на этом основании нельзя огульно отрицать всякую значимость общероссийских индексов. На основе этого индекса можно в общем и целом показать *тенденцию* движения реальной ценности эмиссии дензнаков советским правительством (см. таблицу на стр. 92).

[1] Наркомфином были собраны некоторые данные о местных эмиссиях денежных знаков. Так, эмиссия в Закавказье за 1918—1924 гг. составила по индексу 114 579 тыс. руб. золотом. Значительно более крупную роль играли сибирские эмиссии. Так, одни лишь омские выпуски сибирских денег с 1 октября 1918 г. по 4 января 1920 г. дала по тем же исчислениям 385 306 тыс. золотых рублей, а за месяц в среднем — 25,5 млн. золотых рублей. Иркутская эмиссия дала за 44 дня 10 877 тыс. руб. Эмиссия Дальневосточного СНК. дала с февраля по октябрь 1918 г. 5 698 тыс. руб. и т. д.

В этих данных не выделена эмиссия дензнаков белогвардейских правительств. Вследствие этого мы не могли воспользоваться этими данными для определения общей ценности эмиссии местными органами советской власти,

Ценность эмиссии в млн. золотых (довоенных) рублей по всероссийскому индексу статистики труда

Месяцы	1918 г.	1919 г.	1920 г.	I квартал 1921 г.
Январь	81 417,0	25 611,6	12 782,6	6 782,9
Февраль	47 888,1	16 549,4	9 516,4	7 698,9
Март	83 042,1	19 650,2	11 095,4	6 260,6
Апрель	84 460,6	15 638,7	8 918,4	—
Май	38 645,9	24 580,4	10 196,3	—
Июнь	38 501,9	14 591,8	8 313,7	—
Июль	2 830,0	16 101,4	8 005,6	—
Август	22 314,1	17 721 0	7 720,4	—
Сентябрь	33 547,0	25 338,4	9 953,5	—
Октябрь	27 158,8	19 200,1	11 690,7	—
Ноябрь	27 211,5	14 186,3	11 810,7	—
Декабрь	28 194,9	15 469,3	12 011,1	—
Итого.	536 241,9	224 638,6	122 014,8	20 742,4

Если в 1918 г. среднемесячный эмиссионный доход составлял 44 686,8 тыс. руб., то в 1919 г.— 18 719,8 тыс. руб., а в 1920 г.— 10 167,9 тыс. руб. Годовой, а также среднемесячный эмиссионный доход в 1919 г. упал на 58,1 проц., а в 1920 г.— на 95,2 проц. против 1917 г. Это падение реальной ценности эмиссионного дохода происходило при все более возраставших темпах эмиссии, которые, за исключением осенних месяцев (август — октябрь), систематически отставали от темпа обесценения денег, что видно из следующей таблицы:

Месяцы	1918 г.		1919 г.		1920 г.		1921 г.	
	темп эмиссии	темп обесценения (рост цен)	темп эмиссии	темп обесценения	темп эмиссии	темп обесценения	темп эмиссии	темп обесценения
Январь	6,9	29	6,8	23	15,7	27	11,1	28
Февраль	4,9	22	5,8	27	12,6	23	14 6	27
Март	9,5	31	8,4	30	16,2	25	13,3	29
Апрель	12,6	32	7,8	23	13 8	21	13,7	20
Май	6,5	22	14,1	24	16 2	13	10,7	45
Июнь	7,3	25	9,2	27	13,6	23	—	—
Июль	6,1	14	11,2	14	13,5	11	—	—
Август	4,9	—8	12 3	8	13,2	2	—	—
Сентябрь	5,9	0	17,4	13	14,4	4	—	—
Октябрь	5,4	14	14,8	47	15,8	9	—	—
Ноябрь	5,7	25	13 1	31	15.4	14	—	—
Декабрь	6,9	21	16 9	35	17,4	40	—	—

Раскрывая достаточно ясно тенденцию эмиссионного дохода к сокращению, всероссийский индекс цен в то же время не отра-

жает важнейшей закономерности движения цен в условиях бумажно-денежной эмиссии, а именно, разрушение прежней системы ценовых отношений вследствие скачкообразности изменения цен отдельных товаров, а также территориальных разрывов в ценах. Если взять за единицу измерения цену пуда ржаной муки, то в 1920 г. мы получим следующие «цены» на некоторые предметы первой необходимости по сравнению с 1914 г.:

	В пудах ржаной муки	
За 1 **пуд**	1914 г.	май 1920 г.
Масла русского	16,0	6,36
	7,33	2,0
	10,4	1,97
	0,83	2,29
	5,0 0	2,86
Мыла простого	11	0,02
Ситец—1 арш. .	5,84	2,0
Сапоги—1 пара .		

Если цена на говядину и масло в пудах ржаной муки упала в 3—4 раза, то цена соли, наоборот, возросла в 3 раза.

При всей хаотичности сдвигов в ценах на отдельные товары можно установить известную тенденцию движения цен. На самые необходимые предметы потребления (хлеб, соль) цены резко возрастают, а цены предметов, удовлетворяющих сравнительно менее настоятельные, хотя и очень важные, потребности (масло, говядина, сельди, мыло, ситец и сапоги), возрастают значительно меньше, а по сравнению с такими продуктами, как хлеб и соль, падают. Опубликованные в печати статистические материалы вполне подтверждают эту тенденцию: максимальное повышение показывают такие товары, как соль, картофель, ржаной хлеб и мука; наименьший рост цен зарегистрирован на предметы роскоши, а также на золото.

Далее, надо отметить резкие территориальные разрывы в темпах роста цен. Достаточно указать, что весной 1919 г. минимальные цены на ржаную муку в провинции по отношению к ценам Москвы, принятым за 100, составляли: в Костроме 59,8%, в Казани 9,4%, в Симбирске —7,06%, в Саратове —5,1%, в Орле—17,6'%, в Пензе — 11,3%.

Порайонный разрыв в ценах сохранился в течение всего периода гражданской войны, что объясняется расстройством транспорта и ликвидацией торговой системы. При этих условиях разрыв в ценах обусловливался не столько тем, что эмиссия неравномерно распределялась по районам, но в первую очередь различием производственных и транспортных условий различных районов. Именно эти различия и обусловливали разную степень эффективности, эмиссии в отдельных районах страны. Исчисления этой эффективности по единому для всей страны индексу, конечно, являются

весьма условными и неточными. Однако эта условность допускает возможность пользоваться этим индексом для установления направления динамики эмиссионного дохода государства в целом.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

1. Регулирование рынка путем правильной организации товарообмена между городом и деревней было невозможно в обстановке «военного лагеря», при обнищании страны, падении производительных сил, отсутствии советского торгового аппарата, расстройстве транспорта, отрыве интервентами и белогвардейцами важнейших хлебных и промышленных районов. Буржуазные экономисты и троцкисты, проповедывавшие отказ от твердых цен путем выравнивания их по рыночным, т. е. по спекулятивным ценам, пытались сорвать продовольственную диктатуру, направленную своим острием против спекулянтов хлебом, кулаков и мироедов.

2. Со второй половины 1919 г. был прекращен рост тарифов зарплаты и твердых цен и вплоть до перехода *к* нэпу закрепляется фиксированный уровень денежной зарплаты и твердых цен на продукты. Твердые цены совершенно перестают испытывать влияние рыночных цен и эмиссии и отрываются от рыночных цен: в апреле 1920 г. рыночная цена пайка в 74 раза превышала его твердую цену. В то же время возросла заготовка хлеба по твердым ценам (продразверстка). Выручка от продажи товаров по твердым ценам в 1920 г. составляла ничтожную величину по сравнению с ежемесячной эмиссией совзнаков и поэтому отказ государства от оплаты населением товаров и услуг не мог отразиться на объеме финансовых расходов. Отпуск продуктов в 1920 г. по твердым ценам практически означал почти *бесплатное снабжение* трудящихся этими продуктами. Отмена платности снабжения и оплаты услуг населением выражали собой процесс натурализации хозяйства.

3. Уничтожив частную торговлю в форме легальной стационарной, купеческой торговли, военный коммунизм не мог устранить той почвы, на которой покоились частный обмен и купля-продажа за деньги. Легальная стационарная торговля 'замещалась базарной торговлей — торговлей с рук и лотков, подпольной торговлей нормированными продуктами и легальной торговлей ненормированными продуктами. Существование рынка позволяло пролетарскому государству пользоваться эмиссией денежных знаков для дополнительной мобилизации через рыночный механизм продуктов в распоряжение пролетарского государства.

4. Специфической формой торговли в условиях военного коммунизма было так называемое мешочничество. Мешочническая торговля тормозила проведение военно-коммунистических мероприятий, и в первую очередь продразверстки, мешочничество развращающе действовало на крестьянство и на рабочий класс. Мешочники, спекулируя на разнице денежной цены наиболее ходовых товаров, использовали для спекуляции совзнаки. Таким образом,

советские денежные знаки, попадавшие в руки буржуазных элементов, использовались ими в целях спекуляции, наживы и ограбления трудящихся. чВ этом находили свое выражение классовая борьба в сфере рынка и денежного обращения и .противоречия, заложенные в эмиссии советских денежных знаков.

5. В соответствии с особым характером торгового оборота на рынке в условиях военного коммунизма для обращения товаров необходимы были низкие, по своей реальной ценности, купюры дензнаков.

6. Рынок при военном коммунизме являлся объектом активного воздействия продовольственной политики пролетарского государства. Ряд декретов и мероприятий в отношении торговли ненормированными продуктами, провоза продуктов по железной дороге и водным путям, приема продовольственных посылок почтой и т. д. оказывал сильное воздействие на динамику рыночных цен товаров. Однако такой характер регулирования рынка не давал возможности государству овладеть механизмом рынка и осуществлять непосредственное экономическое регулирование рынка, а следовательно, и денежного обращения.

7. Тенденция вытеснения денежного обращения рыночным товарообменом и появление местных товарных эквивалентов представляли собой реакцию стихии рынка против эмиссии и попытку таким путем освободиться от эмиссионного налога и создать собственные деньги — всеобщий эквивалент. Эта тенденция, означавшая отрицание советских денег и попытку утверждения рынком капиталистических денег, а в конечном счете — золота, получила сильное развитие и создала угрозу подрыва советской валюты при переходе к нэпу в 1921/22 г.

Глава пятая

О ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ДЕНЕЖНОГО И БЕЗДЕНЕЖНОГО УЧЕТА

§ 1. **Карточная система распределения** продуктов, **натурпремирование и учет продуктов** в натуре

Военный коммунизм поставил во всей широте проблему денежной и натуральной формы распределения общественного про-дукта, денежного и натурального учета -производства (Продуктов в обобществленном хозяйстве. Эта проблема прежде всего связана с широким распространением при военном коммунизме карточной системы распределения продуктов, так как при этой системе не деньги, но продовольственные талоны являются основным свидетельством на получение, общественного продукта.

Карточка как особое, наряду с деньгами, свидетельство на получение общественного продукта появляется при капитализме и применяется в разных странах в эпоху империализма.

Ленин в своей брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» раскрыл сущность, классовую природу карточной системы распределения продуктов в буржуазных государствах. «Хлебная карточка, этот типичный образец регулирования потребления в современных капиталистических государствах, ставит своей задачей и осуществляет (в лучшем случае осуществляет) одно: распределить наличное количество хлеба, чтобы всем хватило... (Предметов роскоши не трогают, ибо их «все равно» мало, и они «все равно» так дороги, что «народу» недоступны. Поэтому во *всех,* без всякого исключения, воюющих странах... мы видам постоянный *обход* богатыми каких бы то ни было «норм» потребления» Вводя карточную систему, буржуазное государство преследует реакционные цели.

Государственное регулирование распределения и потребления в капиталистических странах является лишь временной мерой. Расши-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXI, 3-е изд., стр. 177.

рение масштабов этого регулирования приводит буржуазное государство в противоречие с частной собственностью на важнейшие средства производства, а разрешить это противоречие буржуазное государство по .природе своей не может.

Карточную систему, этот инструмент империалистической буржуазии, пролетарское государство вырвало из рук буржуазии и использовало как один из методов борьбы против капитализма.

В августе—сентябре 1918 г. в Москве и Ленинграде, а затем и в других городах был введен *классовый паек*.. Потребителям выдавались карточки четырех категорий: 1) рабочие, занятью тяжелым физическим трудом, получали 36 фунтов хлеба в месяц, 2) прочие (рабочие —25 фунтов, 3) служащие — 18 фунтов, 4) остальное население— 12 фунтов. В 1920 г. был введен *трудовой продовольственный паек.* Нетрудовое население было лишено права получения карточек на хлеб и другие продукты («Кто не трудится, тот не ест»).

Карточная система сыграла огромную положительную роль в острейший период гражданской войны, когда необходимо было победить голод, сохранить живые силы пролетариата; карточная система в полной мере соответствовала диктовавшемуся обстановкой военного коммунизма стремлению *«...снабдить всех возможно более поровну, прокормить, поддержать, пока невозможно было взяться за восстановление производства»*

При наличии - карточной системы распределения продуктов прямой связи и зависимости между производством и потреблением не было. Ленин указывал: «Продовольствием и проз- и спец-одеждой снабжаются предприятия не по производительности, а по потребности. То-есть связь снабжения с производительностью устанавливается не прямая, а косвенная. (Производство увеличивается, сокращается, снабжение остается примерно тем же)» [2].

Тенденция уравнительности в оплате труда теснейшим образом была связана с процессом натурализации зарплаты, с введением стандартизированного, единого для данной категории трудящихся пайка.

Как указывалось выше, со второй половины 1919 г. рост зарплаты, несмотря на продолжающийся рост рыночных цен, прекратился. В то же время резко повысился удельный вес натурализированной части зарплаты, что видно из следующих данных (см. стр. 98).

С 1919 по 1921 г. (за исключением третьей четверти 1920 г.) наблюдается непрерывный рост натуральной зарплаты, которая в течение 1919 г. значительно превышает, а в течение 1920 г. и вовсе вытесняет денежную зарплату.

В связи с падением роли денежной зарплаты проблема контроля за мерой труда и потребления должна была разрешаться .не посредством денег, но, главным образом, регулированием натуральной зарплаты.

Деньги фактически перестали служить основным орудием контроля над мерой труда и мерой потребления. Какими же методами

[1] «Ленинский сборник», т. XX, стр. 103.

[2] *Там же,* стр. 108.

Процентное соотношение ленежчой и натуральной зарплаты по Советской Рисе и в целом

	Деньгами	Натурой		Деньгами	Натурой
1917 г. 1-е полугодие	100	—	1920 г. 1-я четверть	18,0	82,0
1917 „ 2- „	93,8	6,2	1920 „ 2- „	14,8	85,2
1918 „ 1- „	79,7	0,3	1920 „ 3- „	18.6	81,4
1918 „ 2- „	72,1	27,9	1920 „ 4- „	12,8	87,2
1919 „ 1- »	41.6	58,4	1921 „ 1- »	6,8	93,2
1919 „ 2- „	30,4	69,6			

пролетарское государство контролировало и стимулировало труд без помощи денежного инструмента?

«Рабочие и крестьяне,— писал Ленин в своей брошюре «Великий почин»,— в борьбе с колчаковцами, деникинцами и другими войсками помещиков и капиталистов проявляют нередко чудеса храбрости и выносливости, отстаивая завоевания социалистической революции» [1]. Организация, по инициативе рабочих, коммунистических субботников была тем «великим почином», в котором нашло свое выражение новое, сознательное, коммунистическое отношение к труду. Однако в условиях голода, расстройства транспорта, острого недостатка сырья и топлива и т. д. неизбежным было падение производительности труда. Ленин писал, что в числе целого ряда причин падения производительности труда голод занимает первое место [2].

По данным акад. С. Струмилина, в годы гражданской войны выработка на одного рабочего составляла:

Годы	В рублях	В % к 1913 г.	В к 1917 г.
1913	2 372	100	—
1917	2 023	85	100
1918	1044	44	52
1919	512	22	25
1920	616	26	30

Падение выработки в первую очередь было следствием голода, ухудшения технических и материальных условий производства (оборудования и снабжения сырьем), сокращения абсолютного уровня зарплаты независимо от ее форм. Однако не подлежит сомнению, что *уравнительность в оплате труда сыграла немаловажную роль в падении производительности труда.*

Формы зарплаты бесспорно отражались на производительности труда. В угольной промышленности падение производительности, труда, по сравнению с предыдущим годом, составляло в 1918 г. 30,9 проц., в 1919 г.— 22,8 проц., причем обследование ВСНХ констатировало, что переход от сдельной к уравнительно-поденной зар-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXIV, стр. 329.

[2] *Там же,* стр. 341.

плате был одной из существенных причин падения производительности труда[1].

Необходима была упорная борьба за введение поощрительных методов оплаты труда и преодоление уравнительных тенденций. Ленин в 1920 г. дал уничтожающую критику троцкистской «теории» уравниловки и доказал, что *премиальная система* оплаты труда должна стать одним из могущественных средств возбуждения соревнования и что система продовольственного снабжения должна сообразоваться с ней.

Если применение уравнительного принципа Ленин связывал исключительно с условиями обостренной гражданской войны, то троцкисты—подлейшие из подлейших предатели рабочего класса—стремились уравнительность возвести в нормальный социалистический принцип распределения и потребления. Это требование было выдвинуто злейшим врагом народа — Иудой Троцким в период профсоюзной дискуссии 1920 г. Ленин разоблачил эту теорию, дав ей уничтожающую критику[2].

Прогрессивная роль поощрительных методов оплаты труда полностью подтвердилась на практике в 1919 г., когда их применению еще ставились многочисленные ограничения. Так, например, при введении сдельных работ в Москве на заводе бышн. Речкина производительность труда поднялась в 6 раз, на заводе Экваль—на 100 проц., на аккумуляторном заводе бывш. Теодора—на **125** проц., на кожевенном заводе бывш. Постникова — на **108** проц., на фабрике «Скороход»— на 106 про-ц. и т. д.[3].

В период гражданской войны производственная диференциация снабжения трудящихся осуществлялась в различных формах:

1. При карточной системе существовал трудовой продовольственный паек с тремя категориями: 1) Рабочие физического труда, занятые в советских предприятиях я учреждениях. 2) Лица, занятые умственным и конторским трудом в советских предприятиях и учреждениях. 3) Лица, занятые в частных предприятиях и учреждениях, не эксплоатирующие чужого труда. (Декрет СНК от 30 апреля 1920 г.). Для работников транспорта я промышленности были установлены более высокие пайки по сравнению с другими категориями трудящихся. Хотя индустриальные рабочие при указанной диференциации снабжения получали *относительно большую долю общественного продукта, однако равенство пайков внутри данной обширной категории трудящихся ослабляло стимулирующее влияние пайка на производительность труда отдельного предприятия, бригады или рабочего.* И средяий рабочий, и ударник, я ученик, и квалифицированный мастер получали одинаковый паек; это не содействовало личной заинтересованности рабочих в увеличении выработки — повышению производительности труда.

2. В отличие от стандартного пайка так называемое целевое снабжение прямым образом влияло на производительность труда. Целевое снабжение было связано с получившим широкое распространение в **1920** г. принципом ударности в производстве. Некоторые отрасли производства и предприятия, в продукции которых ощущалась особенно острая нужда, объявлялись «ударными»: рабочие этих отраслей и предприятий получали дополнительные фонды, которые назывались фондами целевого снабжения. Такие фонды выделялись, например, для стимулирования работ по добыче угля, по гужевому подвозу, по погрузке и разгрузке иностранных пароходов, по добыче нефти, по разгрузке соли и т. д. Здесь устанавливалась известная зависимость между *производительностью* рабочего и его *снабжением,* причем эта связь первоначально устанавливалась в от-

[1] «Народное хозяйство», 1920 г., № 5—6, стр. 8—12. *В. И. Ленин,* Соч., **т. XXVI,** стр. **70.** [3] «Народное хозяйство», 1919 г., № 7, стр. **81.**

ношении данного предприятия в целом, а затем и по *отношению к отдельным рабочим,* что давало значительный эффект. В последнем случае продукты распределялись не по уравнительному принципу, но по трудовому принципу, на единицу выработки, как, например, снабжение топливных и строительных рабочих за выполнение ими ударных работ.

3. В тесной связи с ударно-целевым снабжением стояло натурпремврование которое применялось во всем народном хозяйстве не только в производстве, но и при заготовке сельскохозяйственных продуктов.

Партия придавала большое значение натурпремированию. При переходе к нэпу Ленин в «Наказе от СТО местным советским учреждениям» писал о натурпремировании: «Это — учреждение, принадлежащее к числу самых важных по роли в социалистическом строительстве. Привлечение к труду — важнейшая и труднейшая проблема социализма» [2]. Эта оценка роли натурпремирования в полной мере относится к периоду гражданской войны.

III съезд профсоюзов в апреле 1920 г. в своих решениях подчеркнул необходимость распределения реального фонда зарплаты «прежде всего между группами трудящихся, которые составляют основные ударные пункты, при помощи которых мы надеемся восстановить наше разрушенное хозяйство...»

В течение полугодия, прошедшего с момента съезда, рост денежной зарплаты приостанавливается и резко усиливается значение натуроплаты и натурпремирования.

V Всероссийская конференция профсоюзов, происходившая в ноябре 1920 г., в своих решениях выдвинула задачу усиления стимулирующей роли натуроплаты и в первую очередь натурпремирования.

Конференция предложила «приложить все усилия к наиболее безболезненному и вместе с тем более быстрому переходу от *поощрительной денежной к поощрительной натуральной оплате».* Хотя конференция указывала, что этот переход должен быть связан с «неослабным наблюдением за проведением системы денежной оплаты»[3], однако «определившейся формой реального поощрения является построение натурального премирования» \ причем в основу натур-премировзния должны быть положены два принципа: 1) общая производительность предприятия и 2) личная интенсивность отдельного работника.

Эти постановления соответствовали в тот период политике партии и советской власти в области труда. Согласно утвержденному правительством временному положению о натурпремировании «последнее вводится в целях увеличения производительности на предприятиях и основывается на личной заинтересованности работников». Этим постановлением правительства были установлены две категории работников: первая — рабочие, технический и административный персонал, вторая—счетоводы, конторский персонал и обслуживающие производство рабочие. Первая категория получала

[1] Постановление СНК от 20 января 1921 г., «Известия НКФ», № 1—4, стр. 39.
[s] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXVI, стр. 377.
[1] V Всероссийская конференция профсоюзов, стетографический отчет, стр. 101.
[4] *Там же,* стр. 102.

яо 1 1/2 единицы премии на каждое лицо, а вторая—по 1 единице, причем была установлена следующая шкала премирования:

200проц. выполнения программы—100 проц. фонда премирования
175 „ „ „ - 85" „
150 „ . - 70 „
125 „ „ - 55 „ я
100 „ . - 40 ,

Итак, мы видим, что как в решениях профсоюзов, так и в решениях правительства четко был выдвинут в противоположность мелкобуржуазной уравниловке социалистический принцип диференциальной оплаты труда. Однако этот принцип, как показывает все изложенное, проводился не в форме денежной, но в форме натуральной оплаты, а с этой формой оплаты труда неизбежно было связано то серьезное неудобство, что рабочие сплошь и рядом премировались не теми продуктами, которые им необходимы, а подчас даже ненужными им. Это обстоятельство, с одной стороны, заметно ослабляло эффективность самой премиальной системы, а с другой—вынуждало рабочих продавать или обменивать на рынке продукты, полученные в порядке премирования.

Для устранения этого весьма- серьезного дефекта системы натурпремирования Комиссия использования стала устанавливать эквиваленты замены одних продовольственных продуктов другими. Однако введение этих эквивалентов не устранило недостатков системы натурпремирования. Прежде всего необходимо было обеспечить снабжение всеми продуктами, чтобы всегда в наличии имелись подлежащие замене продукты.

Широкое и гибкое применение «эквивалентов замены» требовало определенной ценностной фиксации оплаты труда и обеспечения свободы выбора продуктов, а эти задачи могли быть разрешены лишь посредством денежной формы зарплаты при наличии твердой валюты и развитого торгового аппарата.

Во многих случаях рабочие вынуждены были обменивать полученные ими продукты на подпольном рынке, где они встречали весьма широкий выбор предлагавшихся к обмену продуктов и весьма удобные формы этого обмена.

На рынке происходил процесс перераспределения фондов натурпремирования: пайки и премии превращались в источник «снабжения» подпольного рынка.

Несмотря на существенные недостатки системы натурпремирования, эта система была необходима в условиях войны и голода.

Распространение поощрительной системы оплаты труда в 1920 и 1921 гг. поставило во всей широте проблему твердой и всеобщей единицы учета труда и продуктов, предназначенных для премирования.

В резолюции V Всероссийской конференции профсоюзов (ноябрь 1920 г.) указывалось, что деньги сохраняют свое значение единицы учета труда и учета продуктов. Таким образом, существовала двойственнность форм оплаты труда,. что создавало неопределенность

в оплате труда и лишало возможности проводить твердую тарифную политику. Конференция подняла 'вопрос о необходимости построить новую шкалу реального тарифа, в котором в каких-либо объединяющих единицах («вероятнее всего в твердо зафиксированных рублях») должны быть включены наряду с действующими ставками и соответствующие нормы предметного обеспечения. Таким образом, несмотря на рост значении натуральной зарплаты, конференция считала «вероятнее всего», что без денег обойтись нельзя, ибо деньги в качестве твердой и всеобщей единицы учета нужны для самой системы натурпремирования. В этом — внутреннее противоречие системы натурпремирования, развитие которой вытесняло денежную зарплату и в то же время ставило проблему денежной оценки натурпремирования, т. е. доказывало необходимость денег.

В условиях падающей валюты огромное значение имел учет продуктов в натуре, в физических мерах. Делались попытки единообразными формами натурального учета охватить всю территорию страны и все многообразие продуктов и их качественных градаций.

Однако требования, соответствующие идеальному построению такого учета, оказались практически неосуществимыми. Такая детализация форм, которая бы учитывала все качественные различия одного и того же продукта, настолько осложняла и бюрократизировала все дело учета, что Комиссия использования вынуждена была ограничиться почти 'исключительно суммарным *количественным* учетом отдельных групп продуктов по единым формам'.

Планирующие и оперативные органы пользовались многообразными натуральными единицами, учитывая запасы в штуках, пудах, аршинах: не было *синтетического учета,* который .мог бы дать единое суммарное выражение различным продуктам и служить основанием для правильного распределения этих продуктов, а также для правильного, рационального построения плана производства тех или иных продуктов и замены одних продуктов другими. В обстановке осажденной крепости, когда советская власть не могла ставить перед собой нормального хозяйственного строительства, наркомиродовокий и ВСНХ-овский учет при всех своих дефектах отвечал боевым требованиям момента.

Однако в 1920 г., когда выдвинулись на первый план задачи хозяйственного строительства, вскрылось все несовершенство действовавшей системы учета и контроля. В этот момент процесс натурализации хозяйственных отношений достиг кульминационной точки развития: денежное обращение фактически было оттеснено в сферу рынка. Расширение натурализации хозяйства выдвинуло задачу построения материального бюджета государства наряду с де-

[1] «...В начале 1920 г. Комиссией использования были установлены единообразные учетные ведомости: одна для центрально-снабжающих и другая для центрально-потребляющих органов, которые должны заполняться ежемесячно. Щи составлении их Комиссия использования руководилась стремлением- свести объем запрашиваемых сведений к минимуму,—к абсолютно необходимому: сколько было, продукта, сколько прибыло, сколько убыло, сколько осталось, сколько предполагается получить». («Народное хозяйство», декабрь, 1920 г., стр. 32).

важным бюджетом, который к этому моменту превратился 'целиком в ЭМИССИОННЫЙ бюджет, покрывавший лишь незначительную часть фактических государственных расходов.

В неразвитом и несовершенном виде элементы такого материального бюджета фактически уже заключались в тех планах и назначениях, которые разрабатывались Комиссией использования.

При обсуждении вопросов бюджета в правительственных органах возникла проблема единства бюджета, ибо государство должно знать *всю сумму* своих доходов я соответственно с ними планировать расходы. Необходимо было построить такой бюджет, в котором были бы учтены и прямые изъятия продуктов в натуре, и доход от эмиссии. В связи с этим возникла вторая проблема *единицы учета* для этого единого бюджета, ибо иначе нельзя было суммировать в бюджете весь доход государства, получаемый в бесконечно многообразных натуральных единицах, плюс доход от эмиссии падающих совзнаков. Бюджет является важнейшим элементом общегосударственного хозяйственного плана и поэтому переход к мирному хозяйственному строительству, естественно, выдвинул задачу построения нормального и твердого бюджета государства.

Малый Совнарком 26 января 1921 г. принял по этому вопросу следующее решение:

«1) В основу построения общегосударственного бюджета положить в качестве преимущественного руководящего начала принцип нетто-бюджета, причем ликвидация взаимных между советскими учреждениями расчетов должна быть достигаема автоматически путем ведомственной и общегосударственной сводки периодической отчетности, без допущения каких-либо денежных или материальных компенсаций.

2) Признать необходимым учет материалов как количественный, так и валютный, не предрешая вопроса о характере подлежащей установлению счетной единицы.

3) Безотлагательно приступить к разработке: а) схемы бюджета, с установлением по возможности классификаций оборотов в трех направлениях: административно-хозяйственном, целевом Я территориальном и б) счетной единицы как общего мерила оценки, наиболее соответствующего трудовому строю»[1].

§ 2. Проблема трудового учета и необходимость денег для социалистического хозяйства

Малый Совнарком считал необходимым, как это вытекает из приведенного решения, и натуральный, и ценностный (валютный) учет в хозяйстве, что сохраняет силу и по сей день. В то же время, считаясь с необходимостью для государственного бюджета единой

[1] Из постановления о материальном учете, принятого в заседании Малого Совнаркома, от 26 января 1921 г., «Известия НКФ», 1921 г., № 1—4, стр. 8. Упомянутый в декрете принцип нетто-бюджета заключался в том, что в этот бюджет входит учет только тех материальных ценностей, которые вполне были годны для потребления и хозяйственного использования, а движение хозяйственных благ в процессе обработки и переработки не должно было отражаться в нетто-бюджете, но учитываться непосредственно соответствующими ведомствами. Согласно же принципу брутто-бюджета последний должен был учитывать весь оборот материальных ценностей. Малый СНК отклонил принцип брутто-бюджета.

счетной единицы, Малый Совнарком поставил на обсуждение проблему разработки «счетной единицы, как общего мерила оценки, наиболее соответствующего трудовому строю». Почему СНК не предрешал вопроса о том, *какая* это должна быть единица?

Этот вопрос нельзя было решить в пользу существовавшей в тот момент денежной единицы, ибо совзнак не мог практически служить надежным мерилом хозяйственной оценки. Несопоставимость денежных оценок результатов хозяйственной деятельности на тачало *я* конец года ввиду ладения ценности денег вынуждала дополнять отчетные бухгалтерские данные многочисленными приложениями в виде таблиц и ведомостей, заключающих в себе натуральный учет в единицах меры, веса или штуках. Только такие бухгалтерские отчеты имели известный хозяйственный смысл и оправдывали самый труд, затраченный на их составление.

Денежный учет сам по себе без этих приложений и без коэфициентов падения ценности совзнаков не отражал, но мог лишь искажать состояние предприятия или отрасли, скрывая, например, проедание основных фондов, потерю не только накоплений, но и амортизационных фондов. Пользование же коэфициентом падения ценности совзнаков было неприемлемо в тех условиях для промучета, ибо, во-первых, эти индексы были совершенно различны в разных районах, во-вторых, они не включали изменения цен ряда элементов производства и, в-третьих, в условиях военного коммунизма многие средства производства вообще не имели рыночной денежной оценки.

Разработкой этой проблемы занималась специально выделенная Наркомфином валютная подкомиссия. Эта проблема широко дискутировалась в печати: наряду с проектом трудового учета были выдвинуты совершенно фантастические проекты «энерготрудового учета», а также проекты прямого учета полезности и издержек продуктов без посредства всеобщей единицы учета.

Построение материального бюджета рассматривалось как проблема единого хозяйственного плана республики, выраженного в новой единице учета. Циркуляр Наркомфина по этому вопросу подчеркивал, что мерило хозяйственной оценки, необходимое для народнохозяйственного планирования, должно обязательно быть устойчивым, а этому требованию не отвечала существовавшая денежная единица Отказаться же от этого мерила оценки Нарком-фин считал невозможным, пока не будут разрешены и теоретически и практически все проблемы, связанные с устойчивым «трудовым эквивалентом».

Малый Совнарком и Наркомфин считали, что для построения материального бюджета, «отражающего единый хозяйственный план республики», необходим «учет материалов количественный, но с присоединением валютной расценки». Это совершенно правильно и по сей день, ибо «материальный бюджет», т. е. план развития на-

1 ЦАОР, ф, 2281, да. 115, д. № 46, л. 37.

родного хозяйства, должен иметь и непосредственно материальное выражение своих важнейших элементов, и синтетическое «ценностное» или «валютное» выражение. Поиски «трудового эквивалента» обусловливались в тот период тем, что денежная единица была неустойчива и поэтому не годилась для хозяйственного учета; в теории же необходимость этого «трудового эквивалента» обосновывалась; некоторыми аргументами, заимствованными у мелкобуржуазного социализма.

Сторонники *единого трудового учета* исходили из необходимости связать единицу учета с премированием труда. Это направление поставило перед собой задачу организовать систему учета труда так, чтобы использовать ее для социалистического контроля над мерой труда и мерой потребления.

Тов. Струмилин, один из главных представителей этого 'направления, считал, что уничтожение денег не означает уничтожения ценностного учета вообще, который необходим для народнохозяйственного планирования.

Некоторые авторы этого направления, ;в том числе сам тов. Струмилин, говоря о трудовом учете, в действительности за единицу измерения брали не самый труд, но *продукт труда,* и, следовательно, употребляемое ими выражение *«ценностный учет», «единица трудовой ценности»* приобретало смысл, тождественный ценностному учету товарного общества. Так, тов. Струмилин писал:

«...В качестве единицы трудовой ценности я предлагаю принять ценность продукта труда одного нормального дня работника первого тарифного разряда при выполнении им нормы выработки в 100 проц.» Это можно понимать в том смысле, что «единицей трудовой ценности» будет не непосредственно труд (т. е. рабочее время), но овеществленный в определенном продукте труд, продукт труда и, следовательно, все другие продукты должны приравниваться по своей «трудовой ценности» именно к определенному количеству данного продукта — «мерила ценности» и лишь косвенно, через него, к труду. Но ведь так происходит всегда в товарном обществе!

Следовательно, согласно этой концепции, в социалистической экономике также существует оценка стоимости продуктов в одном определенном продукте аналогично товарному обществу, где стоимость всех товаров оценивается в одном определенном товаре— золоте. Правда, авторы этого направления всегда указывали, что в социалистическом обществе — это плановая государственная оценка стоимости продуктов, а не стихийная рыночная оценка.

В отличие от тов. Струмилина другие сторонники этого направления, как, например, тов. Варга, считали, что «за единицу измерения труда» должен быть принят «один нормальный день простого труда при нормальной его напряженности».

[1] *С, Г. Струмилин,* Проблемы экономики труда, М., 1925 г., стр. 217.

Однако деньги, с которыми так легко в теории разделались авторы проекта трудового учета, скрыто или явно преследовали их на каждом шагу, как только обсуждались конкретные детали реализации их проектов. У тов. Струмилина, например, мы находим даже «паритет» денежной единицы по отношению к трудовой, и, следовательно, сами трудовые боны, будь они практически введены, получили бы благодаря этому денежную оценку. Так, в статье «Трудовой эквивалент» тов. Струмилин писал:

«Трудовая единица учета не исключит возможности пользования на ряду с ней и какой угодно денежной единицей для расчетных операций по товарообмену и всяких иных платежей/ Необходимо лишь установить паритет этой денежной единицы на трудовую, а если денежная единица при этом колеблется, то и курсовую величину этих колебаний...»

'Более того, тов. Струмилин определяет также и валютную, так сказать, «ценность» самого труда, а именно устанавливает, что один день равен одному довоенному золотому рублю.

Не случайно и другие защитники этого проекта то и дело в своих рассуждениях сбивались с «трудо-часов» на «трудо-день-ги». К этому их принуждали отрицательные стороны карточного распределения продуктов, желание предоставить членам социалистического общества свободу выбора продуктов, а также и наличие мелкотоварного хозяйства.

Они ставили, например, вопрос о том, каким должны быть «по виду» эти расчетные знаки,— должны ли * они походить на буржуазные деньги или на карточки. Но за этим вопросом скрывался более глубокий вопрос: должны ли эти знаки быть деньгами—*экономической категорией,* или ничего не значащими клочками бумаги? И как только они сталкивались с практическим вопросом организации распределения, они убеждались, что при социалистической некарточной системе распределения эти знаки перестают быть «третьестепенной», технической категорией, хотя в теории они уже были таковыми объявлены. И дело, конечно, не во внешней их форме, но в том, что эти самые знаки выполняли бы некоторые чисто денежные функции даже и в том случае, если бы удалось отделить китайской стеной «государственное хозяйство» от «частного хозяйства». Они были бы *формой или орудием учета* (а по Ленину основное назначение денег — учет общественного труда), *средством обращения* (поскольку авторы стояли за отмену карточной системы и, следовательно, за обращение товаров взамен механического их распределения), *формой или орудием накопления* и т. д.

Далее возникла бы проблема регулирования *эмиссии этих знаков* и проблема *финансирования народного хозяйства.*

Конечно, на практике это потребовало бы построения такой системы финансирования и кредитования производства, чтобы не было разрыва между выпуском продукции и эмиссией «трудо-рублей».

Отмена карточек потребовала бы *учета спроса* и гибкой политики установления «трудовых цен» на продукты, ибо иначе одни продукты лежали бы на складах, а за другими устанавливались бы очереди... Словом!, и эмиссионная, и кредитная политика, и политика цен — все должно было бы войти в свои права.

Так выглядела бы на практике эта, как выразился один из сторонников трудового учета, «третьестепенная техническая категория» даже при предпосылке возможности полной изоляции так называемого государственного хозяйства от частного хозяйства. Откуда все же это декларативное отрицание необходимости денег в «трудовом! строе» у автора проекта? Оно проистекает от злополучной теории «конституирования ценностей», которую, еще по мнению Прудона, должна утвердить социалистическая система производства и обращения. *Организация системы обмена по закону «конституирования» трудовой ценности — это идея мелкобуржуазного социализма.* Ошибочность принципов этого проекта трудового учета в особенности сказалась в том, что авторы его предлагали строить расценку труда в «тредах» на основании соотношений довоенной зарплаты различных квалификаций труда в .различных отраслях народного хозяйства, а соотношение цен товаров в «тредах» должно было воспроизводить довоенные соотношения цен в золотых рублях, т. е. стихийно сложившиеся довоенные -пропорции обмена и производства. Задача же планирования заключается в коренном изменении этих пропорций, в создании новых, отвечающих данным конкретным задачам социалистического строительства пропорций между отраслями производства и между производством и потреблением. В действительности же «конетитуирование» ценностей отнюдь не является задачей пролетарского государства. Для пролетарского государства активное регулирование сферы обращения, использование денежной политики, политики цен и зарплаты — это суть огромной важности экономические и политические проблемы, ибо здесь перекрещиваются сложнейшие вопросы классовой борьбы, народнохозяйственного планирования, темпов и источников накопления, уровня потребления и т. д.

Если обращение сохраняется в течение всей низшей фазы коммунизма —социалистической стадии развития, — то полностью сохраняется значение денег и их функций: деньги не могут быть превращены в «расчетные знаки», в «третьестепенную», «техническую» категорию...

Авторы проекта не смогли разрешить проблемы единицы экономического учета для социалистической экономики. В условиях же переходной экономики, при наличии моря мелких крестьянских хозяйств, их проект носил половинчатый характер. Так, тов. Струмилин, например, говорил о паритете трудовых бон и совзнаков, а другие отводили чисто денежной компенсации труда огромное место — целых 50 проц.

Конечно, если трудовые боны гарантировали бы получение неизменной массы материальных ценностей, а совзначные цены на

рынке, вследствие эмиссии, продолжали бы расти, то курс пришлось бы периодически пересматривать. Самое же установление курса могло иметь лишь тот смысл, что трудовые боны оказывались бы допущенными к свободному обращению в стране и по предъявлении кем бы то ни было «оплачивались» бы государством в форме товарных ценностей.

По вопросу о том, что же собой должен представлять «тред» — абстрактную единицу учета или одновременно и форму распределения продуктов,— у авторов этой теории были разноречия. Но в обоих случаях, независимо от тех или иных догматических утверждений, речь по существу шла о денежных функциях.

Таким образом, все эти теории и проекты были внутренне противоречивыми: имея целью замену денег в обобществленном хозяйстве безденежным трудовым учетом и безденежными «средствами распределения» общественного продукта, они признавали необходимость ценностного учета, который не может не быть денежным учетом. В своих теоретических построениях они отрицали выдвинутую ими основу этих построений, их исходный принцип.

Хотя V Всероссийская конференция профсоюзов, как мы видели, совершенно определенно указывала на твердый рубль как на единицу учета и контроля над мерой труда и потребления, однако не только предатели-троцкисты, но и некоторые советские экономисты считали, что в социалистическом хозяйстве единицей учета должны быть не деньги, но непосредственно труд, что единица учета должна быть не денежная, а трудовая. Наркомфин же «разрабатывал» проблему «ликвидации денег» вопреки прямому и категорическому указанию Ленина о невозможности уничтожить деньги, об отсутствии для этого необходимых организационных и технических предпосылок. Более того, разработка поставленных перед Наркомфином проблем развернулась в тот момент, когда партия и советская власть уже совершали переход к нэпу: приве-денный выше циркуляр Наркомфина датирован 18 апреля 1921 г., т. е. он был издан через месяц после исторической речи Ленина о замене разверстки продналогом. В этот момент «прожекты» Наркомфина, в работе которого заметную роль играли предатели-троцкисты, тормозили переход к новой финансовой и денежной политике, соответствующей основам новой экономической политики.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

1. Карточная система, будучи одним из инструментов буржуазной экономики военного периода, была использована в советских условиях диктатурой пролетариата «в пользу социализма, в ущерб капитализму». Карточная система сыграла огромную положительную роль в период гражданской войны, когда необходимо было победить голод, сохранить живые силы пролетариата. Эта система соответствовала диктовавшемуся условиями военного коммунизма

стремлению снабдить всех возможно поровну, прокормить, пока невозможно было приняться за восстановление производства.

2. В условиях военного коммунизма поощрительную систему оплаты труда советская власть стремилась осуществлять не через денежный механизм, но в форме оплаты труда продуктами в натуре. Самой главной формой поощрительной системы оплаты труда было натурпремирование, которое применялось во всем народном хозяйстве как в производстве, так и при заготовках сельскохозяйственных продуктов. Поощрительная система диференциальной зарплаты в форме натурпремирования не обеспечивала той гибкости ее Применения, которую дает форма денежной зарплаты при наличии устойчивых денег и налаженного торгового аппарата.

3. Эффективность натурпремирования ослаблялась тем, что рабочие премировались подчас не теми продуктами, которые им были особенно необходимы, а иногда и вовсе ненужными продуктами. Это вынуждало рабочих продавать или обменивать на рынке продукты, полученные ими по натурпремированию. Введение же Комиссией использования *эквивалентов замены* выдаваемых по натурпремированию продуктов, хотя и вносило известный корректив в эту систему, но не устраняло ее основных недостатков,

4. Превращение в 1920 г. натурснабжения и натурпремирова-яия в основной метод материальной компенсации труда поставило проблему всеобщей и твердой единицы учета труда и продуктов труда. Также необходима была подобная единица для того, чтобы построить реальный бюджет государства. Без такой единицы учета не могло быть поставлено на прочную основу народнохозяйственное планирование.

5. Проекты сторонников трудового учета были внутренне противоречивыми, поскольку они признавали необходимость «ценностного учета», а такой учет не может не быть денежным учетом. Практика натурального учета, попытки построения «единого материального бюджета» и проекты трудового учета показывают, что для правильного построения системы учета труда и распределения общественного продукта в социалистическом хозяйстве необходимы советские деньги.

ЧАСТЬ II

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К НЭПУ И ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА

Глава шестая

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ **ТОВАРООБМЕНА И ПЕРЕХОД К** ГОСУДАРСТВЕННОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ТОРГОВЛИ И ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ

§ 1. Переход к нэпу и организация товарообмена

Крестьянское хозяйство к весне 1921 г. находилось в состоянии глубокого кризиса в связен с обострившимся голодом, необыкновенно тяжелым неурожаем, бескормицей и падежом скота: произошло «...ослабление производительных сил крестьянского хозяйства, сплошь и рядом осуждение его во многих местах прямо-таки на разорение,—вот картина крестьянского хозяйства к весне 1921 года»[1].

В кронштадтском мятеже нашли свое выражение колебания мелкобуржуазной стихии, использованные белогвардейцами, меньшевиками и эсерами. Экономическая тенденция этих колебаний проявилась в таких лозунгах, как «свобода торговли» и т. п.

«Пока велась война, крестьянство шло на продразверстку и не замечало нехватки товаров, но когда война окончилась и угроза возвращения помещика миновала, крестьянин стал выражать недовольство изъятием всех излишков, недовольство системой продразверстки и стал требовать, чтобы его снабжали достаточным количеством товаров» ′.

Промышленная продукция к началу 1921 г. составляла лишь около 17 проц. довоенной: производство угля упало с 28,9 до 8,5 млн. тонн, нефти — с 9,3 до 4 млн. тонн, чугуна — с 4,2 млн. до 110 тыс. тонн и т. д.

Грузооборот сократился по сравнению с 1913 г. с 132,4 до 39,4 млн. тоня. Экспорт сократился с 1 520 до 20,2 млн. руб., а импорт — с 1 374 до 208 млн. руб.

Упадок промышленности, в особенности тяжелой, был сильнее, чем сельского хозяйства. Но восстановление промышленности было связано о возможностью ее снабжения сырьем и продоволь-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXVI, стр. 298.

[3] «История ВКП(б). Краткий курс», 1938 г., стр. 238.

ствием. Поэтому лишь оживление сельского хозяйства могло создать условия для восстановления производительных сил и построения социализма. Продразверстка же не давала стимулов для развития крестьянского хозяйства.

Первым и главным мероприятием советской власти при переходе к нэпу была замена продразверстки продналогом и предоставление крестьянству возможности после уплаты налогов свободно отчуждать свои излишки в обмен на промтовары.

Основные начала новой экономической политики «были точно определены еще во время «передышки» весной 1918 г.» Но осуществление этой политики стало возможно лишь после военной ликвидации попыток контрреволюции к началу 1921 г.

Партия, введя нэп, перешла от «штурма» к «осаде» крепости капиталистических элементов в городе и деревне. «...Ленин предлагал отойти немного назад, отступить на время поближе к своему тылу, перейти от штурма к более длительной осаде крепости, чтобы, накопив силы, вновь начать наступление»

Допустив свободу реализации, крестьянством излишков сельскохозяйственных продуктов, партия и Советское государство первоначально стремились организовать через государственный и кооперативный аппарат товарообмен сельскохозяйственных продуктов на промтовары, производимые государственной промышленностью.

Но государство *не обязывало* крестьянина обменивать свои продукты через государственный и кооперативный аппарат: товарообмен должен был осуществляться на совершенно *добровольных началах* и стимулироваться исключительно экономической заинтересованностью крестьянства. Следовательно, была допущена свобода *индивидуального товарообмена,* а из последнего, как предвидел Ленин еще в марте 1921 г. (в докладе на X съезде РКП(б), вытекала, с необходимостью и *свобода торговли в известных пределах, к*оторую государство должно было веять под свой контроль.

Однако при этом предполагалось, что большую часть своей продукции крестьянство будет, реализовать в порядке организованного товарообмена через государственный и кооперативный советский аппарат. Таков был первоначальный ленинский план осуществления нэпа.

Ленин — величайший диалектик — считал, что априорно, кабинетным путем, вопросы конкретных форм проведения нэпа — организации товарообмена и торговли — разрешать нельзя: для этого надо опираться *на* практику. Ленин призывал в этот момент к осуществлению «переходных мер».

В момент перехода к нэпу никакие денежные доходы в бюджет не поступали и вся финансовая система базировалась на непрерывно растущей эмиссии денежных знаков. Натурализация

- «История ВКП(б). Краткий курс». 1938 г., стр. 245.

хозяйственных отношений и свертывание рынка катастрофически сузили сферу обращения совзнака: с декабря 1920 г. до перехода к нэпу, т. е. до апреля 1921 г., деньги обесценивались ежемесячно на 27—40 проц. Эмиссионный доход государства в реально-ценностном выражении составлял в январе 1921 г. всего 6,8 млн. руб., в феврале — 7,7 млн. руб. На рынке обращение совзнаков вытеснялось спекулятивным, мешочничесюим *товарообменом*.

Введение товарообмена несомненно было связано с тем, что «крестьянство повсеместно бойкотировало до апреля — мая (1921 г.— *3. А.)* денежные знаки, требуя в обмен на сельскохозяйственные продукты только определенные материальные ценности»

Взамен совзнаков применялись «натуральные эквиваленты». В телеграмме председателя Совнаркома Татарской республики (Казань) сообщалось, что «соль выполняет функции денег, балансирует весь товарообмен основных продуктов: мяса, масла, пеньки, льна, сырья, пушнины» [2].

Советская власть, допуская в этих условиях свободу реализации крестьянством своих излишков, стремилась дать крестьянину в обмен за товары не совзнаки, но необходимые ему товары, которые до перехода к нэпу он получал на рынке, главным образом путем товарообмена. Этот стихийный спекулятивный товарообмен партия стремилась вытеснить организованным товарообменом, использовать товарообмен для восстановления хозяйства и создания фундамента социалистической экономики.

Первоначально решено было товарообмен допустить «в пределах местного хозяйственного оборота» (из резолюции X съезда РКП(б) по докладу Ленина)[3].

В брошюре «О продовольственном налоге» Ленин говорил о свободной торговле «...после уплаты налога, *по крайней мере в* местном хозяйственном обороте». (Подчеркнуто мною.— *3. А.)**. Таким образом[1], допускалась возможность свободы оборота *не только* в этих пределах.

Ленин подчеркивал, что необходимо, правильно поняв основную задачу нэпа, итти при осуществлении системы мероприятий этой политики опытным путем.

В упомянутой брошюре Ленин писал, что организация «...различного рода опытов или систем «оборота» насчет тех излишков, которые остаются после уплаты продналога», является первоочередным делом всех областных и губернских хозяйственных центров и исполкомов. «Через несколько месяцев надо иметь практические результаты, чтобы сравнивать и изучать их»[5]. В написанном Лениным 21 мая 1921 г. проекте наказа СТО местным совет-

[1] «О товарообмене», «Продовольственная газета» от 8 сентября 1921 *т.* [2] ЦАОР, ф. 130, от. 21, д. № 103, л. 69.
[3] «Протоколы X съезда РКП(б)», М., 1933 г., стр. 665.
[4] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXVI, стр. 331.
[5] *Там же,* стр. 341.

ским учреждениям, изданном отдельной брошюрой, Ленин требует от мест цифр и фактов, касающихся постановки товарообмена.

«Правильны ли соотношения между Компродом, как органом контроля и надзора за товарообменом, и кооперацией, как органом, осуществляющим товарообмен? Каковы именно эти взаимоотношения на практике? в местном их осуществлении?»

И, наконец, специально Ленин интересуется вопросом о частной торговле, возникающей на основе свободы оборота излишками:

«Роль частной торговли в товарообмене? Насколько именно развилась или развивается частная торговля? Число торговцев, их оборот по главным продуктам? в особенности, по продовольственным продуктам?»[1]

На III Всероссийском продовольственном совещании (июнь 1921 г.) Ленин выдвинул вопрос о коренной перестройке продовольствевного аппарата применительно к условиям товарообмена: прежде всего необходимость учета *местного спроса, гибкого применения системы эквивалентов* в целях борьбы со спекуляцией, с мешочничеством.

Мы считали необходимым привести эти ленинские высказывания, чтобы показать, что применение организованного товарообмена как основной формы товарооборота, смычки между городом и деревней рассматривалось Лениным как *переходная мера,* как *первый опыт* организации государством той «свободы оборота» излишками, которая -была допущена нэпом. О торговле, направляемой в русло «государственного капитализма» наряду с товарообменом, и об использовании самих товарообменных операций для государственной торговли продуктами Ленин говорил уже в первых, своих выступлениях, посвященных вопросам нэпа. Так, на X Всероссийской конференции РКП(б) в 1921 г. (май) Ленин, отметив один из фактов товарообменных операций, указал, что центр не мешал местным организациям' торговать продуктами, если это выгодно государству,— дает в его распоряжение дополнительные массы продуктов, увеличивает оборот и прибыль государственных организаций [2].

Если товарообмен в этот момент рассматривался как основной рычаг нэпа, то рядом с ним допускалась купля-продажа за деньги не только для частных лиц, но и для кооперативных организаций.

В постановлении СНК об обмене от 24 мая 1921 г. говорилось: «Разрешается свободный обмен, покупка и продажа остающихся у населг-ния после выполнения натурального налога продуктов сельского хозяйства.

Право обмена, покупки и сбыта распространяется также на изделия и предметы кустарной и мелкой промышленности.

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXVI, стр. 370.

[2] *Там же,* стр. 405—406.

Обмен, покупка и продажа разрешаются отдельным гражданам и кооперативным объединениям, потребительским, сельскохозяйственным и кустарным, и могут производиться как на рынках и базарах, так и в других местах с лотков и ларей и в закрытых торговых помещениях»

«Кроме приведенных выше выдержек из речей Ленина, ряд, архивных документов также показывает, с какой внимательностью' Ленин изучал опыты применения товарообмена на местах.

В этом отношении представляет интерес переписка Ленина с Совнаркомом Белоруссии по поводу товарообменных операций. От уполнаркомвнешторга Белоруссии в сентябре 1921 г. Совнаркомом была получена следующая телеграмма из Минска, датированная 15 сентября 1921 г.:

«По 3 сентября закуплено товаров на 2 246 миллионов советских рублей: технико-химических 42 проч., предметов питания 18 проц., галантереи—15 проц., кожевенных, мануфактурных ..., канцелярских и разных — 9 проц. Следствием закупок явилось понижение цен на вольном рынке, увеличение товарообмена, рост покупательной силы соврубля и политический (результат.— *З. А.),* увеличение доверия крестьянских .масс вашего края, закупочные цены были равны в среднем 30 проц. вольных рыночных» [2].

Сообщенные в телеграмме сведения бесспорно представляли большой интерес, но в то же время лаконический характер телеграммы не давал никакой возможности сделать экономическую оценку этого опыта товарообмена.

Так, очень важно, что на совзнаки удалось закупить крупную партию промтоваров, используемых для товарообмена с крестьянством, но неизвестно., где были куплены эти товары (на советской территории или за границей), у кого (у госорганов, кооперации или у частных капиталистов), на какую сумму в зо- лотом выражении и по какому курсу. Далее, очень важно, что вследствие «интервенции» уполнаркомвнешторга на вольном рынке произошло понижение цен, увеличение товарообмена и рост покупательной силы рубля и в особенности политический результат этой интервенции — рост доверия крестьянских масс к советской власти. Но совершенно непонятно, каким образом произошла эта «интервенция» и почему «следствием закупок явилось понижение цен на вольном рынке»: увеличение закупок означает *увеличение спроса на товары,* что должно вызвать *рост,* а не *падение цен* на товары. Очевидно, товары были куплены в одном месте и реализованы в другом месте, где и вызвали падение цен, но на этот счет можно было делать одни лишь предположения. Наконец, совершенно неизвестно и вместе с тем крайне важно было знать, при помощи каких методов удалось уполнаркомвнешторгу совершить эту выгодную для государства торговую операцию, когда «закупочные цены были равны в среднем тридцати процентам вольных рыночных».

Не удивительно, что Ленин, судя по дальнейшей переписке, был недоволен . краткостью и неясностью полученной из Белоруссии информации. Он требует от ЭКОСО Белоруссии точной и подробной информации о проведенном опыте товарообменных и торговых операций. По поручению Ленина 19 сентября Совнаркомом была послана следующая телеграмма:

«Минск ЭКОСО

Ответ Уполнарком'ввештар'га неудовлетворителен. Вам предложено выслать точный отчет, необходимый для тщательного изучения Вашего опыта с целью распространения его в Всероссийском маспгга-бе. Краткая телеграмма материалом для изучения служить не может.

[1] «Известия ВЦИК»от 29 мая 1921 г., № 116. См. также инструкцию СНК от 19 июля 1921 г., изданную в развитие постановления ВЦИК от 28 марта 1921 г.

[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 21, д. № 103, л. 25—26. Отмеченное точками в телеграмме неразборчиво.

Срочным пакетам вышлите отчет, в котором всесторонне, подробнейшим образам осветите все вопросы» [1].

Но высылка доклада задерживалась, и СНК посылает в Минск две телеграммы— 1 и 9 октября. В .одной из этих телеграмм сообщалось, что *«...Ленин требует точного доклада для научно-экономического анализа и изучения Вашего опыта.* Краткая телеграмма... материалом для изучения служить не может. Срочно курьером высылайте требуемое. Дальнейшее промедление будет рассматриваться как нежелание» [2]. (Подчеркнуто мною.— *З. А.).* Из этой телеграммы мы видим, что в этот момент Ленин ставил перед собой задачу *глубокого научно-экономического анализа опыта товарообмена и торговли, в частности в Белоруссии,*

Ленин в этот момент энергично требовал с мест исчерпывающей информации о товарообмене и торговле, предлагая отдать под суд виновных в волоките и саботаже выполнения требований правительства о присылке этой информации. Он спешил сделать научно-экономическое обобщение имеющегося опыта и дать новые *директивы,* вытекающие из происшедших изменений в сфере обращения, которые предотвратили бы стихийное захлестывание вольным рынком государственного регулирования товарообмена и торговли.

Такой анализ и такие новые директивы экономической политики Ленин дал в своем докладе на VII Московской губпарткон-ференции 29 октября 1921 г.

Чтобы понять всю глубину ленинского анализа опыта товарообмена и всю гениальность сделанных из этого анализа выводов, нам необходимо дать характеристику практики товарообмена и торговли в течение короткого, но имеющего серьезное принципиальное значение «переходного периода» март — октябрь 1921 г.

§ 2. Недостатки организованного товарообмена и использование их частником

Чрезвычайно быстрое распространение по всей стране частной торговли в течение 2—3 месяцев после перехода к нэпу было связано с объявлением для крестьянства «свободы оборота» излишками. Развитию рынка содействовало также предоставление' государством в этот момент непосредственно в руки рабочих товарных фондов, которые они могли использовать для товарообмена и торговли.

Декрет о натурпремировании рабочих, датированный 7 апреля 1921 г., вводил новые принципы натурпремирования, существенно отличающиеся от натурпремирования в период гражданской войны, когда фонды натурпремирования выделялись отдельным предприятиям централизованными органами снабжения.

Теперь же эти фонды натурпремирования должны были выделять сами предприятия из производимой ими продукции. Эти

[1] ЦАОР, ф. 130, ста. 21, д. № ЮЗ, л. 33.
[2] *Там же,* л. 32.

фонды натурпремирования предназначались для товарообмена и поэтому назывались «фондами обмена». Декрет дал возможность рабочим создавать кооперативные объединения, которые могли' выступать на частном рынке как покупатели продуктов сельского хозяйства и как продавцы фабричной продукции. Из «фонда для обмена» рабочие могли получать на руки продукты своего производства в пределах личного потребления либо продукты сельского хозяйства, заготовленные в порядке обмана кооперативом данного предприятия. Предприятиям, которые не вырабатывали продукцию, годную для обмена с крестьянством, разрешалась выработка годных для обмена товаров в отдельных цехах на свободных станках, в неурочное время, путем выделения для этой цели особых групп рабочих при условии, что от этого не должно страдать производство.

Этим декретом о натурпремировании рабочих создавался *встречный товарный поток* для сельскохозяйственных продуктов, которые в порядке товарообмена должны были пойти на рынок в результате объявления свободы оборота излишками продуктов крестьянства. В то же время этот декрет, аналогично декрету о замене продразверстки продналогом, создавал стимулы для увеличения производства промышленных товаров.

Аппаратом организованного товарообмена должна была стать потребкооперация Товарообменные фонды создавались двумя путями. Во-первых, за счет принадлежащей государству продукции ширпотреба, которая на основании договора Наркомпрода с Центросоюзом передавалась потребительской кооперации для оплаты заготавливаемых в порядке товарообмена с крестьянством продовольственных продуктов и сырья; во-вторых, за счет предназначенных для товарообмена фондов натурпремирования на основании упомянутого декрета[1] СНК от 7 апреля 1921 г. Но, кроме этих двух потоков фабричной продукции, проходящих организованно через потребкооперацию, на рынок поступала городская продукция из частных рук за счет в основном двух источников: 1) частного, кустарного и мелкого капиталистического производства, допущенного нэпом, 2) той части фонда натурпремирования, которая выдавалась на руки рабочим («в пределах личного потребления») в виде предметов ширпотреба, производимых данным предприятием.

Первые мероприятия нэпа дали толчок хозяйственному оживлению, которое сказалось в первую очередь в оживлении и развития частного рынка и мелкого производства. Перестройка же системы

[1] ЦК РКП(б) в овеем циркулярном письме, разосланном в мае 1921 г., воз-лагал задачу организации и осуществления товарообмена на потребительскую кооперацию: «Во избежание развития спекуляции, вредной растраты сил и параллелизма работы многих самостоятельно выступающих на рынках мелких кооперативных объединений решительно необходимо, чтобы этот вид товарообмена производился организованным путем только потребительской кооперацией». («Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам», М., 1931 г., стр. 66).

Наркомпрода и потребкооперации, к чему настойчиво призывал Ленин в своей речи на III Всероссийском продовольственном совещании, происходила медленно: нехватало людей, не было навыков торгово-товарообменной работы. Прежде чем кооперация и Наркомпрод успели перестроиться и продвинуть в сельские районы товары ширпотреба в более или менее подходящем ассортименте, частный рынок уже предлагал крестьянству разнообразный ассортимент товаров. Частные торговцы с самого же начала комбинировали товарообмен с куплей-продажей за деньги: принимая в обмен за промтовары хлеб, они не отказывались и от денег, если цена была выгодной для них. Организованные товарообменные операции стали практически развертываться в тот момент, когда легализованный частный рынок уже успел довольно прочно закрепить свои позиции, пользуясь медлительностью организационной перестройки органов снабжения и отсутствием коммерческих навыков у государственных и кооперативных организаций. В системе организованного государством товарообмена вскоре же обнаружились серьезные недостатки.

Кроме организационных трудностей и острого недостатка квалифицированных торговых кадров, самыми больными вопросами товарообмена были проблемы *ассортимента, учета спроса* и установления шкалы *эквивалентов обмена.* Чтобы успешно соревноваться с частным рынкам (индивидуальным товарообменом и торговлей), Наркомпрод и кооперация, как указывал Ленин, должны были гибко маневрировать товарообменными фондами, учитывая и используя в интересах государства те резкие различия порайонной конъюнктуры спроса и предложения на отдельные товары, которые существовали в этот период и питали собой спекуляцию. Но эта маневренность была крайне слабой, тем более, что в течение первых месяцев перехода к нэпу система централизованного снабжения («наряды») еще сохранилась; так, например, распределение соляных запасов продолжало оставаться централизованным, что лишало возможности местные организации использовать исключительно выгодную конъюнктуру для реализации соли (в ряде мест выступавшей в качестве эквивалента обмена) в обмен на сельхозпродукты.

В Совет труда и обороны поступали многочисленные запросы о разрешении обменивать имеющуюся на местах соль на продукты, для чего, однако, в каждом отдельном случае требовалось получение нарядов из центра.

Центросоюз обычно поддерживал перед Наркомпродом эти ходатайства мест. Даже для реализации в порядке товарообменной операции соли кустарной разработки требовалось разрешение центра, что, конечно, затрудняло коммерчески выгодное и экономически целесообразное маневрирование соляными запасами, а это было наруку частным посредникам-торговцам.

В Сибири, в Татарии и на Урале можно было, очень выгодно заготовлять хлеб в обмен на соль, а иа Украине — свеклу *в* обмен на хлеб, но распределение общегосударственных товарообменных фондов, в частности соли, по областям совершалось механически, и в результате упускались возможности заготовок хлеба на Урале и в Сибири и свеклы на Украине. Украина срочно требовала

из Москвы нарядов на хлеб, дабы не упустить сезон заготовок сахарной свеклы, необходимой для сахарных заводов Украины .

Практически на Украине дело свелось к тому, что хлеб обменивался на сахар в одних местах, а сахар — на хлеб в других местах той же Украины. Тем самым практически преодолевалась система централизованного распределения, и места получали известную самостоятельность в коммерческом маневрировании товарообменными фондами.

Централизованное снабжение мест товарообменными фондами было недостаточным и неудовлетворительным по своему ассортименту. Приведем следующую телеграмму в СТО на имя Ленина из Сибири (декабрь 1921 г.):

«Акмолинский и Семипалатинский губсоюз принуждены вследствие отсутствия у них необходимых товарных фондов сокращать и совершенно прекращать заготовки. Положение с товарофондами катастрофическое...» В этой телеграмме указывалось не только на недостаточность товарообменных фондо!В, но и на «крайнее однообразие их» [2].

При общем недостатке товарных фондов механическая система распределения товарных фондов создавала такое положение, когда *в одних районах оказывались залежи тех товаров, отсутствие которых срывало развертывание товарообменных операций и хлебных заготовок в других районах.*

Самостоятельное маневрирование товарообменными фондами внутри области или республики не устраняло коренных недостатков системы централизованной организации товарообмена, ибо требовалось широкое *межобластное маневрирование товарными фондами,* улавливающее все различия конъюнктуры на отдельные товары в различных районах по всей обширной территории всех советских республик.

Между тем, осуществляемые в крупном масштабе межобластные товарообменные операции развивались медленно, бюрократично. Совнархозы и губсоюзы предлагали друг другу разнообразные товары в обмен на другие товары, нужные им в определенных количествах

Очень трудно, подчас просто невозможно было сговариваться одной области или губернии с другой при обмене разнообразных партий одних товаров на столь же разнообразные партии других товаров; естественно, что это тормозило развертывание товарооборота страны. Межрайонные товарообменные операции, осуществлявшиеся за счет местных товарных ресурсов, нуждались в санкции

[1] См. переписку по этому вопросу между Москвой и Харьковом (ЦАОР, ф. 130, оп. 21, д. № 103, лл. 106, 107).

[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 21, д. № 103, л. 236—237.

[3] В СТО сообщали из Ростова на Дону:

«...Означенную медь можем получить условием компенсирования ВСНХ Армении пределах нижеследующих таблиц его нужд: кокс — тридцать пять тыс. пуд., первое время 10 тыс. пудов, курной уголь — двадцать — тридцать тыс. пудов, первое время 3—5 тыс. пудов, гвозди от 2 до 10 дюймов пять — шесть тыс. пудов, первое время одна тысяча пудов, железо сортовое — 20 тыс., первое время 500 пудов, двутавровые балки номера от 10 до 40 тыс. пудов. Кроме того, в случае получения 30 тыс. пудов угля может быть приготовлено и нами сдано в течение месяца 10 тыс. пудов меда. Размер эквивалента требуем пока согласно соотношениям довоенных цен означенные предметы. Есть Армении хорошего качества карбит. Можно получить сейчас 500 пудов, ежемесячно по 300 пудов». (ЦАОР, ф. 2281, он. 114, д. № 13, л. 4).

центра; отдельные потребительские общества должны были совершать товарообменные операции с кооперацией других областей через посредство своего губсовнархоза и с ведома Центросоюза [1].

В этой организации товарообмена сохранялись еще черты военно-коммунистической, наркомпродовской системы централизованного снабжения.

Товарообмен должен был совершаться на основе экономически обоснованных меновых пропорций, которые устанавливались центром, для чего были созданы *эквивалентные комиссии.*

Центральная эквивалентная комиссия была сформирована из представителей Наркомпрода, Центросоюза, Наркомфина и Центрального статистического управления под председательством представителя последнего; губернские комиссии формировались из местных представителей тех же ведомств под председательством представителя губстатбюро. Наркомпрод устанавливал средние погубернские эквиваленты обмена на основании таблиц эквивалентных соотношений, составленных Центральной комиссией по данным местных комиссий. Местные кооперативные организации имели право маневрировать этими эквивалентами с тем, чтобы общая' сумма всех операций товарообмена соответствовала установленным средним эквивалентам для данной губернии [2].

Подробная инструкция Наркомпрода я Центросоюза, опубликованная 20 июля 1921 г.[3], детально регламентировала как организационную сторону, так и содержание и методы работы местных эквивалентных комиссий. Согласно этой инструкции губсоюзы должны были организовать сеть корреспондентов н наладить регулярное получение от них данных о местной конъюнктуре рынка (§ 3).

«Центральная Эквивалентная Комиссия устанавливает специфи-. кацию товаров и средние погубернские эквиваленты, с определением рыночных и довоенных цен единицы продуктов или товаров в отдельных губерниях» (§ 7). Этот пункт •— самый важный в инструкции: *эквивалентные комиссии при установлении пропорции обмена должны были учитывать довоенные и современные рыночные цены.*

Центральная эквивалентная комиссия должна была чутко реагировать на все изменения рыночной конъюнктуры, для чего она «собирается по мере надобности, но не реже 3-х раз в месяц» {§ 12). Наркомпрод утверждает губернские эквиваленты в семиднев-

[1] Так, «Витебскому яубооюзу Бежецкое общество иотребитеией предложило в обмен на зерновой хлеб по ценам довоенного времени плуги, шинное железо, лемехи, машинные части, гвозди и проч.». Правление Витебского союза не ре шилось совершить эту сделку и обратилось за санкцией к Центросоюзу. Прав ление Витебского союза (запретило отдельным ЕПО «вести анархический това рообмен с Бежецким ЕПО». («Бюллетень Центросоюза» от 19 июля 1921 г., № 4—5, стр. 3).

[2] «Бюллетень Центросоюза», 1921 г., № 6—7.

[3] *Там же,* стр. 4.

ный срок, а последующие изменения — в трехдневный срок (§ 13).

Организационное построение аппарата эквивалентных комиссий в общегосударственном масштабе не обеспечивало выполнения возложенных на них задач. Даже при самом идеальном ходе дела должно было пройти минимум 3—4 дня, пока изменение рыночной конъюнктуры фиксировалось губернской комиссией; далее, столько же дней требовалось для Центральной комиссии и для утверждения этих изменений Нарком-иродом, а всего 10—12 дней. При исключительной динамичности изменений в тот период рыночной конъюнктуры на отдельные товары .и в отдельных районах эквивалент, установленный через 12 дней после получения -сведений с мест, уже оказывался опрокинутым новым изменением конъюнктуры.

Наркомпрод и комиссия могли либо просто приспосабливаться к рыночной конъюнктуре товарообмена, но при этом со значительным запозданием, либо же они давали средние эквиваленты, идущие в разрез с местной конъюнктурой. В том и другом случае, поскольку еще не было развернуто плановое регулирование местной конъюнктуры товарного рынка. путем маневрирования товарными массами, организованный товарообмен (поскольку соблюдался принцип добровольности этого обмена) протекал в менее выгодных условиях по сравнению с неорганизованным индивидуальным товарообменом, что было, конечно, наруку частному торговцу. Последний не был связан никакими обязательными эквивалентами, мог покупать или обменивать товары в любых пропорциях и в любых районах и получать большие торговые прибыли на использование разницы цен и условий товарообменных пропорций различных районов.

Далее, необходимо отметить следующий органический дефект товарообменных операций.

Эквивалентные таблицы выглядели, например, следующим образом:

1 аршин бельевого товара — 20 ф. зерна пшеницы,
1 аршин одежных товаров — 1 п. 05 ф. зерна пшеницы,
1 фунт курит, табака — 1 -п. 23 ф. зерна пшеницы,
100 штук папирос — 27 ф. зерна пшеницы,
1 коса — 3 п. зерна пшеницы,
серп английский — 31 1/2 ф. зерна пшеницы и т. д.

Зерно — пшеница — могло заменяться другими сельскохозяйственными продуктами по установленным между ними ценностно-весовым соотношениям (пшеница и кукуруза, как 1 : 2 весовым единицам, пшеница и говядина, как 1-: 1/2 и т. д.)[1].

Эти эквивалентные таблицы не учитывали *качественные различия* одних и тех же товаров, что создавало массу возможностей для злоупотреблений. Учет результатов этих товарообменных операций по необходимости носил грубо суммарный характер и не обеспечивал контроля за товарообменными операциями.

[1] «О товарообмене», «Продовольственная газета» от 8 сентября 1921 г.» № 126.

§ 3. Превращение на практике товарообмена в куплю-продажу за деньги. Переход на ПОЗИЦИЙ государственного регулирования торговли и денежного обращения

Легализация непом рынка, энергичное развитие последнего имели своим результатом перерастание частного индивидуального товарообмена в торговлю за деньги, *следовательно, перерастание товарообмена в частном секторе в товарное и денежное обращение.*

Если До апреля — мая господствовал на частном рынке индивидуальный безденежный товарообмен, то «...с весны почти повсеместно отмечается другое явление: охотнее берут денежные знаки. Этот процесс утверждения денежных знаков заметно развивается, охватывает день за днем новые районы... Крестьянство предпочитает покупку нужных ему предметов на свободном! рынке обмену на определенные предметы, имеющиеся в ограниченном выборе в распоряжении организаций губсоюза или даже отдельных лиц. Спрос на денежные знаки, вызванный расширением товарооборота, так значителен, что, несмотря на продолжающуюся эмиссию, повышение цен на продукты и товары приостанавливалось, другими словами, приостановилось падение рубля...» [2]

К этим изменившимся условиям товарооборота необходимо было приспособиться. Товарообменные операции, осуществляемые государственными и кооперативными организациями, вследствие указанных выше причин развивались в новых условиях более медленно и менее успешно, чем частная торговля. Порожденная свободой индивидуального 'товарообмена, частная торговля уже успела закрепить свои позиции и быстро расширяла свои операции в общем товарообороте страны: *«наряду с бесспорной слабостью государственного товарообмена совершенно бесспорно значительное развитие товарооборота страны»* [2].

С апреля-—мая 1921 г. энергично развивается процесс *денатурализации хозяйственных отношений* и внедрения денежных расчетов, прежде всего в частном обороте. В связи с этим, естественно, в правительственных органах был поставлен вопрос о формах хозяйственных отношений государства с частным сектором. Уже в июне этот вопрос определенно решался в пользу денег.

В проекте директивы СНК «О хозяйственных взаимоотношениях между государством и частным хозяйством», принятом финансовой комиссией СТО 16 и 19 июня 1921 г., говорилось:

«1) Хозяйственные взаимоотношения между государством и крестьянским и иным частным хозяйством осуществляются, как правило, в форме взаимной денежной расплаты.

2) Отпуск товаров крестьянам и прочим частным лицам, равно как и предоставление им государством всяких услуг, происходит за деньги, за исключением определенной части культурно-просветительных, медицинских и т. п. услуг, список которых устанавливается СНК.

[1] «Продовольственная газета» от 8 сентября 1921 г., № 126.
[2] *Там же.*

3) Приобретение сельскохозяйственных и иных продуктов от крестьян и прочих частных лиц, кроме получаемых в порядке натуральных налогов, происходит, как правило, в виде покупки за деньги...

Отпуск одними государственными учреждениями и предприятиями другим каких-либо товарных ценностей производится не иначе как за плату путем оборотных безденежных расчетов» (1)

Особенно сильно чувствовали недостатки натурально-хозяйственных отношений работники низовой кооперации, являвшиеся проводниками системы организованного товарообмена. Опыт апреля — июня 1921 г. доказал большую гибкость и экономические преимущества товарооборота, осуществляемого при посредстве денег, по сравнению с прямым продуктообменом. Второе собрание уполномоченных Центросоюза, происходившее в Москве в июне 1921 г., в своей резолюции отразило происшедшие за эти три месяца сдвиги в товарообороте страны и подняло вопрос *о переходе от товарообмена к купле-продаже за деньги.* В резолюции по этому вопросу читаем:

«Необходимость сообщения экономическим отношениям определенности и устойчивости требует, хотя бы в виде опыта, перехода от непосредственного товарообмена к товарообмену посредственному: через куплю-продажу» [2].

Как мы видим, в июне вопрос о переходе от товарообмена к торговле за деньги ставился «хотя бы в виде опыта». Кооперация стремилась приспособиться к новым условиям товарооборота. Фактически уже в этот период многие местные организации были вынуждены широко применять торговлю за деньги.

Это вызывалось тем, что не только крестьяне, но и технический аппарат, обслуживающий заготовки, требовал денег. В телеграмме из Самары на имя председателя ВЦИК сообщалось, что «грузчики, возчики отказывались от работы ввиду неполучения денег. Товары расхищаются. Положение отсутствием дензнаков... крайне тяжелое. Губисполком прибег к крайней мере — торговле вольном рынке товарами предназначенными для обмена» [3].

Из Ташкента на имя Ленина сообщали, что «за отсутствием средств Компрод упускает заготовку горного сена, огороды разрушаются, товарообменные заготовки тормозятся»[4] и т. д. Таким образом, при наличии денежного голода товарообменные операции нельзя было осуществлять без того, чтобы не прибегать к частичной реализации на рынке за деньги товарных фондов, предназначенных для товарообмена. Но такие операции совершались вопреки действующей системе товарообмена отдельными местными организациями за свой страх и риск.

С мест поступали сообщения о том, что недостаток финансирования, недостаточность и неудовлетворительность по ассортименту

[1] ЦАОР, ф. 2281, от. 86, д. № 12, л. 1—2.
[2] «Бюллетень Центросоюза», 1921 г., № 11.
[3] ЦАОР, ф. 130, оп. 21, д. № 115-а, л. 67.
[*] *Там же,* л. 60—61.

товарных фондов для товарообмена и оторванность эквивалентных норм от рыночной конъюнктуры приводят, с одной стороны, к «полному параличу товарообмена», а с другой — к быстрым успехам частного капитала.

«Настоящее время спекулянтами Скупается в крупном количестве пушнина, испанская шерсть, овчина, кожи... Всему этому мы являемся пассивным зрителем. Сезон заготовок пропадает. Нужное нам сырье будем принуждены скупать у спекулянтов» [1].

В августе 1921 г. Центросоюз констатирует «малую успешность товарообменных операций», объясняя ее следующими причинами: 1) Несвоевременность спуска на места соответствующих инструкций и передачи товарного фонда. 2) Незначительность я слабый ассортимент этих товарных фондов. 3) Отсутствие дензнаков, необходимых для товарообменных операций. 4) Установленный Наркомиродом твердый эквивалент — единица фабриката на три единицы сельскохозяйственных продуктов. Установление этого эквивалента приводит лишь *к* тому, что иромеырье уходит в- частные .рука. 5) Неурожай. 6) Мешочники.

Однако радикальных выводов из этой «малой успешности товарообменных операций» Центросоюз в августе 1921 г. еще не сделал: он предлагал ряд частичных мероприятий по улучшению практики товарообмена в отношении эквивалентов, ассортимента товарных фондов и т. д. [2].

Недостатки товарообмена, выявившиеся весной—летом 1921 г., несмотря на принятые в. центре меры, с еще большей силой сказались в период осенней заготовительной кампании. Эквиваленты центра совершенно были опрокинуты резкими изменениями рыночной конъюнктуры[3].

Обобщая многочисленные требования, поступающие с мест, «Бюллетень Центросоюза» в сентябре 1921 г. уже переходит на более решительные позиции в вопросе о товарообмене. Отмечая, что вследствие неправильно установленных в центре эквивалентов «многими губсоюзами безвозвратно потерян сезон заготовок масла и яиц», «Бюллетень» предлагает «оставить всякие паллиативные меры, отменить эквиваленты для всей республики, предоставить кооперации право самой установить эквиваленты в зависимости от условий местного рынка, одновременно при этом разрешить ей вести товарообмен как путем натурального обмена, так и путем купли-продажи по рыночным ценам и в смешанной форме» [4].

В августе—сентябре на местах уже фактически происходит переход от товарообмена к купле-продаже за деньги. Местные работники настаивали на проведении в законодательном порядке

[1] Из телеграммы на имя Ленина из Ташкента, ЦАОР, ф. 130, ор. 21, д. № Ц5-а, л. 64.

[2] «Бюллетень Центросоюза» от 17 августа 1921 г., № 18—19.

[3] Вятский губсоюз сообщает, что «ввиду неурожая цены на хлебные продукты растут, фабрикаты же падают. Вследствие этого установленный центром эквивалент... не соответствует действительному положению местного рынка, Hat товарный фони Вятского губсоюза, исчисляемый в 150 тыс. руб. золотом по эквиваленту центра, необходимо заготовить 180 тыс, иуд. хлеба, фактически же имеется, возможность заготовить лишь 28 тыс. пудов». («Бюллетень Центро союза» от 20 августа 1921 г., стр. 2),

[4] *А. М.* — ол. Пути товарообмена, «Бюллетень Центросоюза» от 7 сентября 1921 г., № 26, стр. 1.

права местных органов не только обменивать имеющиеся у них товары, но и продавать за деньги.

Если товарообмен, (регулировался центром, то торговые операции местных организаций были вне всякого регулирования и контроля: они совершались беспорядочно., и к этим торговым операциям, подчас весьма неумело совершаемым, присасывались и наживали прибыли темные дельцы.

Организованный товарообмен был попыткой установить прямую связь между государственной промышленностью и сельским хозяйством без участия капиталистов. В действительности же даже на базе организованного товарообмена развивалась торговля, в которой активную роль играл частник. Отсюда очередной и важнейшей задачей стало регулирование торговли, контроль над участием капиталистических элементов в этой торговле и ограничение их.

Оставаясь твердо на позициях нэпа, принятых партией «всерьез и надолго», необходимо было сделать практические выводы из накопившегося опыта товарообмена и перестроиться развернутым фронтом применительно к новым условиям. Переход с позиций товарообмена на позиции государственного регулирования торговли и денежного обращения партия провела в октябре 1921 г. 2 октября Совнарком издал декрет о расширении прав потребкооперации, который уже по-новому ставит вопрос о методах ее работы. Согласно этому декрету «Товарные фонды, переданные госорганами органам! потребкооперации в покрытие заданий как твердых, так и комиссионных, поступают в полное распоряжение соответствующих органов кооперации, которые реализуют их по своему усмотрению (продажа за деньги, непосредственный или комбинированный товарообмен)». «При заключении договоров эквиваленты товарного покрытия, а также цены на товары и сельскохозяйственные продукты устанавливаются по соглашению сторон, применительно к средним рыночным ценам соответствующих районов» [2].

В течение октября по всему фронту происходит переход к торговле и денежному обращению, что означало также развитие основных функций советских денег —' орудия учета, средства оплаты труда, средства обращения. Правительство санкционирует торгово-денежные операции кооперации и госорганов, в частности заготовительного аппарата Наркомвнешторга[2].

В своем докладе и заключительном слове на VII Московской губпартконференции (29—31 октября) Ленин подвел итоги опыту

[1] «Бюллетень Центросоюза» от 9 ноября 1921 г., № 52.

[2] 28 октября 1921 г. телеграмма в Мурманск из НКВТ: «50% наличия шкур морского зверя, разрешенные вам продать для закупки продовольствия, вы можете продать, а на вырученные деньги закупить необходимые вам предметы для рыбных промыслов-, согласуя свой действия с уполномоченным НКВТ *в* Мурманске. Одновременно вам разрешается продавать для той же цели окавшуюся среди подученных вами досок багетку. Сообщите подробно нам об исполнении вашей операции' с копией Петр. обл. Внешторгу». (ЦАОР, ф. 130, оп. 21, д. № 103, л. 64).

товарообмена. Дав гениальный анализ этого опыта, Ленин пришел к выводу о необходимости для перехода к социалистическому строительству «обходного пути — через торговлю»:

«Оказалось,— сейчас вы это все прекрасно знаете из практики, но это видно и из всей нашей прессы,—что товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что он .вылился в куплю-продажу. И мы теперь вынуждены это сознать, если не хотим прятать голову под крыло, если не хотим корчить из себя людей, не видящих своего поражения, если не боимся посмотреть прямо >в лицо опасности. Мы должны сознать, что отступление оказалось недостаточным, что необходимо провести дополнительное отступление, еще отступление назад, когда мы от государственного капитализма переходим к созданию государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения. С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля.

Потрудитесь приспособиться к ней, иначе стихия купли-продажи, денежного обращения захлестнет вас!» (1)

Объективная действительность в момент перехода к нэпу, как было показано., диктовала! переход к товарообмену — деревня требовала, товаров, а не денег. (Продолжение же этой политики в тот момент (примерно с мая 1921 г.), когда индивидуальный товарообмен стал превращаться в торговлю, затрудняло проведение мероприятий' по контролю за частным рынком. На практике в этот период контроль за (частником, борьба со стихией частного рынка еще не были развернуты.

В докладе на VII Московской губпартконференции Ленин указал, что в марте и апреле 1918 г. «...мы совершенно не ставили вопроса о том, в каком соотношении окажется наша экономика к рынку, к торговле»[2]. Теперь, в 1921 г., этот вопрос был поставлен со всей остротой, и Ленин: дал ответ на этот вопрос.

Фактическое превращение товарообмена в торговлю поставило проблему государственного регулирования торговли и денежного обращения как обходного пути для социалистического строительства:

«Теперь мы очутились в условиях, когда должны отойти еще немного назад, не только к государственному капитализму, а и к государственному регулированию торговли и денежного обращения. Лишь таким, еще более длительным, чем предполагали, путем можем мы восстанавливать экономическую жизнь»[3].

Важно подчеркнуть, что, говоря о необходимости приспособиться к стихии купли-продажи, денежного обращения, Ленин тут же указывал о цели этого «приспособления», а именно, чтобы не быть «захлестнутым» этой стихией.

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXVII, стр. 67—68.
[2] *Там же,* стр. 62.
[3] *Там же,* стр. 68.

Ленин предупреждал о "трудностях и противоречиях нашей действительности в связи с отступлением на новые позиций. Важную роль в разрешении этих противоречий сыграло государственное регулирование торговли и денежного обращения...

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

В заключении этой главы мы попытаемся сопоставить опыт организованного товарообмена 1918 и 1921 гг. и сделать некоторые обобщения о товарообмене вообще как инструменте экономической политики диктатуры рабочего класса.

1. В обоих случаях товарообмен (добровольный) производился с целью осуществить смычку рабочего класса и крестьянства для построения социализма. Этот товарообмен должен был устранить посредничество частного капитала в товарообороте между городом и деревней. В частном обороте в момент перехода к нэпу широко был распространен безденежный товарообмен, который превалировал в общем товарообороте: крестьянство неохотно брало денежные знаки, предпочитая в большинстве случаев продаже за деньги товарообмен.

2. В обоих случаях практика применения организованного товарообмена выявила органические пороки системы безденежного товарообмена как метода организации товарооборота между городом и деревней. Развертывание товарообмена в 1921 г. обнаружило преимущества торговли за деньги по сравнению с товарообменом без денег и привело к превращению товарообмена в куплю-продажу за деньги, в торговлю. Низовая контрагентура государственно-кооперативного товарообмена вынуждена была обращаться к реализации предназначенных для товарообмена товарных фондов за деньги и к заготовке сельскохозяйственных продуктов также за деньги. При этом, поскольку эта политика проводилась и в 1918 г. и в 1921 г. в период летне-осеннего оживления и сезонной стабилизации рубля, *укрепление (хотя бы временное) последнего усиливало стремление к реализации товаров за деньги, а не в порядке товарообмена.* При наличии хотя бы временно стабильных денег торговля за деньги значительно выгоднее и удобнее для владельцев товаров, чем прямой товарообмен. Сказанное полностью относится и к государственным и к кооперативным организациям. *Летне-осенняя стабилизация рубля в 1921 г. усилила про-цесс перерастания товарообмена в торговлю.*

3. Товарообмен в обоих случаях был временной, переходной мерой. В 1918 г. был совершен переход от добровольного товарообмена к обязательному товарообмену — продразверстке, т. е. к военно-коммунистической организации .распределения. В 1921 г. добровольный товарообмен практически превратился в торговлю-за деньги, что выдвинуло во всей широте перед партией и государством проблему регулирования торговли и денежного обращения.

Таким образом, наш исторический опыт дает возможность установить в условиях переходного периода два возможных пути развития товарообмена: либо в направлении военно-коммунистической системы планирования и регулирования распределения продуктов в натуре, либо в направлении государственного планирования и регулирования торговли и денежного обращения.

В 1921 г. происходил процесс перерастания товарообмена в торговлю. (С переходом к высшей стадии коммунизма будет происходить превращение торговли в продуктообмен, но в такой продуктообмен, который осуществляется в условиях полного овладения механизмом распределения продуктов через развернутую и высококультурную советскую торговлю при наличии всестороннего учета потребностей населения и всех возможностей для их удовлетворения. Этот продуктообмен принципиально отличен от товарообмена 1918 и 1921 гг. Он будет не переходной, временной мерой, но органически связанной с коммунизмом системой распределения общественного продукта. Продуктообмен на высшей фазе коммунизма исключает торговлю, денежное обращение, рыночные отношения. А товарообмен 1918 и 1921 гг. был связан с рынком, причем частный рынок нередко изменял устанавливаемые в центре пропорции или эквиваленты обмена.

4. Попытки проведения на практике товарообмена в 1918 и 1921 гг. доказывают необходимость денег. В этих фактах находит историческое обоснование сталинский тезис о необходимости денег для советской системы хозяйства.

Глава седьмая

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА—НОВЫЕ ЗАДАЧИ ДЕНЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

(Развитие денежной системы и денежная политика с момента перехода к нэпу до выпуска червонцев в декабре 1922 г.)

§ 1. Переход к политике стабилизации рубля ,

Новая денежная политика после перехода к нэпу была по существу возвратом к той денежной политике, которую партия проводила в первой половине 1918 г. и ют которой вынуждена была временно отказаться в связи с гражданской войной и интервенцией. В своем историческом докладе о замене продразверстки продналогом на X съезде партии в марте 1921 г. Ленин указывал, что «...оборот денежный, это — такая штука, которая прекрасно проверяет удовлетворительность оборота страны, и когда этот оборот бывает неправильным, то получаются из денег ненужные (бумажки» (1) Следовательно, Ленин считал, что обесценение денег есть результат неудовлетворительного состояния 'материального оборота страны, а правильная организация этого оборота должна оздоровить и денежный оборот, стабилизировать рубль.

В брошюре «О продовольственном налоге» Ленин указывал, что от мелкобуржуазного капитализма путь к социализму ведет через «...общенародный учет и контроль над производством и распределением продуктов» [2], а этот учет мог быть поставлен на прочные основы лишь при наличии твердой единицы учета, твердой валюты.

Уже в марте 1921 г. X съезд РКЩб) вынес следующее постановление:

«Съезд поручает ЦК пересмотреть в основе всю нашу финансовую политику и систему тарифов и провести в советском порядке нужные реформы» [3].

[1] *В. И. Ленин, Соч.,* т. XXVI, стр. 243.

[2] *Там же,* стр. 326.

[8] «ВКП(б) в резолюциях и решениях», т. I, М., 1936 г., стр. 398.

Немедленно же после X съезда партии, на котором была принята по докладу Ленина историческая резолюция о замене разверстки натуральным налогом, ЦК партии назначил комиссию для намечения необходимых финансовых реформ и разработки их основ. Комиссия эта в течение нескольких месяцев после X съезда занималась вопросами кредита, денежного обращения, налогов я госбюджета.

В составленном Лениным «Наказе» СТО в мае 1921 г. указывалось на необходимость создания правильно действующей денежной системы, что могло быть достигнуто только на основе правильных (взаимоотношений промышленности и земледелия.

Наконец, в своей речи на III Всероссийском продовольственном совещании в июне 1921 г. Ленин подчеркивал, что создание крупного продовольственного фонда в 400 млн. пудов путем натурального налога и товарообмена имеет решающее значение для восстановления промышленности и *оздоровления денежного обращения.* «Без этого,— сказал Ленин,— ни восстановления крупной промышленности, ни восстановления денежного обращения не может быть, а всякий социалист понимает, что без восстановления крупной промышленности, единственной реальной основы, о социалистическом строительстве не может быть и речи» [2].

Следовательно, еще в июне 1921 г., когда в центре внимания стоял товарообмен, Ленин считал проблему оздоровления денежного обращения одной из основных проблем социалистического строительства.

Наркомфин с первого же момента перехода к нэпу по директивам партии работает над подготовкой мероприятий по оздоровлению денежного обращения. Так, на заседании коллегии Наркомфина 8 апреля 1921 г. обсуждался вопрос об упорядочении денежного обращения, в частности о чеканке серебряных монет[3]. К этому же вопросу коллегия Наркомфина возвращается 18 апреля; на том же заседании было вынесено решение о выяснении имеющегося в распоряжении государства количества и местонахождения серебра и о сосредоточении всех запасов серебра в Москве'[1].

В июле 1921 г. был издан декрет Совнаркомом «Об отмене ограничений денежного обращения и мерах к развитию вкладной и переводной операций», в котором прямо указывалось, что советская власть стремится «устранить стесняющие хозяйственный оборот ограничения и оздоровить денежное обращение...» [5] Таким образом, курс ленинской денежной политики с самого же начала перехода к нэпу был курсом на оздоровление денежного обращения, на стабилизацию рубля. Осенью 1921 г. не было перехода к какому-то

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXVI, стр. 369—370.
[2] *Там же,* стр. 418.
[3] Центр, архив Наркомфина СССР, ф. к., оп. 9, д. № 1, л. 4.
* *Там же.*
[5] «Известия НКФ», 1921 г., № 11, стр. 24.

«новому курсу» денежной политики, как писали в свое время некоторые буржуазные экономисты, но был осуществлен ряд мероприятий для проведения этого курса в *новой обстановке.*

Как мы показали в VI главе, в июле — августе 1921 г. торговля и денежный оборот (вытесняли безденежный товарообмен не только в частном секторе, но и во взаимоотношениях обобществленного и частного сектора и внутри обобществленного сектора. В «Правде» в ряде статей в августе — сентябре ставится на обсуждение проблема восстановления устойчивой денежной единицы как важнейшая задача финансовой политики. Наркомфин в этот момент стремится к сокращению эмиссии, хотя фактически эмиссия все еще лимитируется главным образом «производительной способностью Гознака» (1).

В вопросе об эмиссии Наркомфин теперь, в отличие от периода гражданской войны, выдвигал соображения «финансовой политики в отношении урегулирования денежного обращения»; несмотря на «чрезвычайный натиск» наркоматов и местных органов, Наркомфин в своей переписке с Совнаркомом указывает, что он стремится не «отклоняться от выполнения основных мероприятий в области денежного обращения», направленных на укрепление рубля.

После отступления на позиции государственного регулирования торговли и денежного обращения в октябре 1921 г. партия и правительство усиливают внимание к проблеме оздоровления финансовой системы, проводя в этом месяце ряд важных в этом направлении мероприятий.

По докладу В. И. Ленина VII Московская губпартконференция (октябрь 1921 г.) постановила: «Оздоровление рынка, без которого невозможно быстрое восстановление крупной промышленности, требует ряда финансовых мер, направленных к созданию устойчивой валюты. Облегчение и развитие обмена между городом и деревней, развитие кредитных операций и систематическое проведение налоговой политики являются на этом пути необходимыми шагами»[2].

10 октября 1921 г. ВЦИК принимает важный декрет «О мерах по упорядочению финансового хозяйства».

В этом декрете указывалось, «что за истекшее революционное трехлетие 1918—1920 гг. во всех советских учреждениях и предприятиях укрепился взгляд на деятельность Народного Комиссариата Финансов, как на деятельность учреждения, в значительной степени отжившего и подлежащего ликвидации». Декрет требовал решительной перестройки финансовой работы и прежде всего ликви-

[1] В одном из (своих писем в Совнарком Наркомфин 10 сентября 1921 г. сообщал о том, что возможность «...усиления дальнейших подкреплений из центра... находится в тесной зависимости от финансовой политики в отношении урегулирования денежного обращения республики, а также и от производительной способности Гознака. Чрезвычайный натиск путем посылки специальных телеграфных ходатайств в высшие органы республики об удовлетворении малообоснованных, чрезмерно повышенных требований на кассовую наличность не должен и не может заставить НКФ отклоняться от выполнения основных мероприятий его в области денежного обращения». (ЦАОР, ф. 130, оп. 21, д. № 115-а, л. 123).

[2] «Документы и материалы» к XXVII т. соч. В. И. Ленина, стр. 431.

дации «односторонности бюджета, вызывавшейся отсутствием в нем сколько-нибудь развитой доходной части». Отмечая отсутствие «бережного отношения к расходованию денежных средств» и «игнорирование самых ■ элементарных требований сметно-бюджетной дисциплины», декрет требовал, «чтобы указанным явлениям был немедленно положен конец».

«С новым курсом экономической политики Народный Комиссариат Финансов в общем строе государственных учреждений должен выполнить одну из важнейших задач, направляя свою деятельность на изыскание способов всемерного увеличения доходов народной казны, на проведение начал исключительной бережливости и строжайшей экономии в расходовании денежных средств, на всемерное сокращение эмиссии с доведением ее, если возможно, до полного прекращения и на развитие тех банковых операций, которые должны служить интересам правильного развития государственного хозяйства» [2].

Курс партии на оздоровление финансов и стабилизацию рубля получил, таким образом, законодательное оформление. Ленин в этот момент (октябрь 1921 г.) форсирует работу финансовой комиссии ЦК и работу Наркомфина: не удовлетворяясь уже проведенными мероприятиями, Ленин в своей записке от 17 октября 1921 г. ставит вопрос о выработке плана восстановления нашей валюты. Он предлагает заняться практическими вопросами восстановления валюты и, в частности, выдвигает вопрос об исчислении в золоте государственного бюджета для сравнения его с довоенным бюджетом [2].

Ленин поднимает вопрос о возрождении ликвидированной кредитной системы и принимает самые энергичные меры к созданию Госбанка, что было сделано при его непосредственном участии. С момента своей организации Госбанк пользовался особым вниманием и в то же время находился под строгим контролем Ленина.

Ленин считал главнейшей задачей Госбанка с первого же дня его существования осуществление денежной реформы, замену падающего совзнака устойчивой валютой.

12 октября был опубликован декрет правительства о создании Госбанка, а 15 октября—положение о Госбанке. Организованный быстрыми темпами Госбанк развивал свою деятельность в том направлении, которое было указано Лениным, а именно в направлении стабилизации валюты, на что прямо указывалось в декрете ВЦИК об учреждении Госбанка.

При проектировании бюджета иа 1922—1923 г. намечался полный отказ от так называемой «фискальной эмиссии», без чего невозможно было достигнуть стабилизации валюты.

На IX съезде советов, происходившем в декабре 1921 г., обсуждался вопрос о бюджете и финансах. Съезд, признав абсолютно необходимым переход к устойчивой валюте, одобрил решение Совнаркома об ограничении эмиссии и о переходе к «твердому бюджету в золотом исчислении» [3]. В принятом съездом «наказе по во-

[1] С. У. и Р. 1921 г., № 69, ст. 550.
[2] «XXIII Ленинский сборник», стр. 190.
[3] Стенографический отчет IX съезда советов, **М., 1922 г., стр. 294.**

просам хозяйственной работы» съезд предложил «...осуществить с наибольшим напряжением сил и наибольшей быстротой сокращение и впоследствии прекращение эмиссии и восстановление правильного денежного обращения на основе золотой валюты. Замена эмиссии налогами должна проводиться неуклонно, без допущения малевшей волокиты» \ Таким образом, к началу 1922 г. уже была широким фронтом развернута борьба за оздоровление финансов и стабилизацию рубля.

С переходом к нэпу движение эмиссии и индекса цен показывает следующую картину (колонки с римской -цифрой I показывают размер эмиссии в процентах к денежной массе на первое число данного месяца, колонии с цифрой II — изменение индекса статистики труда ВЦСПС данного месяца в процентах по сравнению с предыдущим месяцем):

месяцы	1920 г.		1921 г.		1922 г.	
	I	I!	[1]	O	I	II
Январь .	15,7	-27	11,1	4- 28	69,8	- 89
Февраль	12,6	-23	14,6	+ 27	63,0	-112
Март . .	16,2	-25	13,3	-4- 29	67,3	-НУ
Апрель .	13,8	-21	13,7	+ 20	59,5	- 65
Май . .	16,2	-13	10,7	-4- 45	65,0	- 22
Июнь . .	13,6	-21	10,6	+ 30	49,7	- 14
Июль .	13,5	-11	19,6	— 2	48,4	-
.....	12,2	2	25,0	— 5	46,6	- 7
.....	14,4	- 4	29,0	+ 7	22,3	- 23
.....	15,8	- 9	43.1	4- 16	28,7	к 58
Август' .	15,4	- 14	51,9	+ 44	35,0	- 42
Сентябрь	17,4	[-40	78,1	+108	34,8	\- 29
Октябрь .						
Ноябрь .						
Декабрь.						

Таблица показывает резкий перелом в движении индекса цен во второй половине 1921 г. Хотя темп прироста эмиссии в июле и августе 1921 г. был значительно выше этого прироста в 1920 г., однако индекс цен не возрос и даже упал в июле на 2 проц., а в августе •— на 5 проц. *Стабилизация покупательной силы совзнака в 1921 г. была достигнута вследствие легализации и расширения рынка после введения новой экономической политики.* Относительная сезонного характера стабилизация в течение летне-осенних месяцев имела место и в предыдущие годы, однако тогда не было такого резкого перелома в движении цен, который наблюдался в 1921 г. Так, в 1918 г. июль дал рост цен на 14 проц., август на дал никакого снижения цен, но лишь уменьшение темпа прироста цен, а в сентябре произошло дальнейшее повышение темпа роста цен. Аналогичная картина наблюдалась и в 1920 г., когда стабилизация при значительно меньшем темпе эмиссии за соответствующие месяцы по сравнению с 1921 г. выразилась лишь в некотором ослаблении

[1] Стенографический отчет IX съезда советов, М., 1922 г., стр. 278.

темпа роста цен. В 1921 г. рост цен и мае на 45 проц., в июне на 30 проц. сменился абсолютным снижением цен при возросшем в июле вдвое и августе более чем вдвое темпе эмиссии.

Эта временная стабилизация рубля породила у некоторых экономистов иллюзию, что будто бы никаких мероприятий для оздоровления денежного обращения вообще проводить не надо, что устойчивая валюта якобы сама себя утверждает (Ларин и другие противники активных мер в финансовой области). Однако последующие месяцы разрушили эту иллюзию: начиная с сентября, темп роста цен начал энергично возрастать.

В конце года, в декабре 1921 г., темп прироста цен показал рекордную цифру за весь предшествующий период, а именно рост за один месяц уровня цен на 108 проц.; также рекордной цифры достиг темп эмиссии: 78,1 проц. прироста за один месяц.

Правда, здесь сыграло роль особое обстоятельство, а именно, неурожай и голод 1921 г. Однако, если бы даже 1921 г. и был урожайным, то и в этом случае осенне-летняя стабилизация не могла бы закрепиться «сама собою». Для действительной, прочной стабилизации валюты необходима была коренная перестройка всей финансо-вой системы в соответствии с новой экономической политикой партии, радикальное оздоровление государственного бюджета. Конечно, если бы не было неурожая, то проведение денежной реформы пошло бы более быстрыми темпами: денежную реформу советское правительство могло бы провести уже в 1922—23 -г.

То, что стабилизация валюты не могла осуществиться «самотеком», например, только вследствие хорошего урожая, показывает опыт 1922 г. В этом- году летне-осенняя стабилизация рубля была более длительной, на что указывал Ленин в своем докладе на IV конгрессе Коминтерна. Однако и в 1922 г. стабилизация рубля носила лишь временный характер, и уже о августа темп роста цен начал энергично возрастать, несмотря на значительное сокращение темпа эмиссии (с 48,4 проц. в «юле и 46,6 проц. в августе до 22,3 проц. в сентябре и 28,7 проц. в октябре).

§ 2. Денатурализация хозяйства

С переходом) к нэпу быстро идет процесс денатурализации народного хозяйства.

Государство выступало само как инициатор перевода всех экономических отношений внутри обобществленного хозяйства на методы денежного хозяйства. Натурализация хозяйственных отношений в период гражданской войны привела к тому, что подавляющая часть зарплаты рабочих и служащих состояла из выдач продуктов в натуре. Этот процесс достиг своей кульминационной точки развития во 2-й четверти 1921 г., когда натурализованная часть зарплаты составляла 93 проц., а денежная—только 7 проц. С этого момента начинается обратный процесс.

К. июлю 1922 г. денежная часть зарплаты составляла уже половину всей зарплаты, но в течение 1922 г. натуральная часть зарплаты все еще была значительной в бюджете рабочего. В I квартале 1923 г. натурализованная зарплата составляла уже 20,3 проц., а к концу 1923 г.— 7,2 проц. Денежная зарплата в условиях нэпа, несмотря на обесценение денег, представляла и для хозорганов, и для рабочих и служащих ряд серьезных преимуществ по сравнению с натурализованной зарплатой. Хозорганы и предприятия освобождались от забот и расходов по заготовке, хранению и распределению продуктов, а рабочие и служащие — от получения ненужных им продуктов и от необходимости продавать эти последние на рынке, чтобы удовлетворить свои потребности. Но самое главное заключалось в том, что применение принципов диференциаль-ной зарплаты как стимула для повышения производительности труда и быстрейшего восстановления хозяйства страны крайне затруднялось существованием натурализованной зарплаты.

Во второй половине 1921 г. принимаются меры для ликвидации двойственности оплаты труда и к переходу на денежную зарплату.

XI Всероссийская конференция РКП(б) в декабре 1921 г. установила необходимость учета натуральных фондов зарплаты в определенном денежном выражении. По этому вопросу в резолюции конференции «Об очередных задачах партии в связи с восстановлением хозяйства» в п. 15 мы читаем:

«Непосредственная заинтересованность рабочего в производстве и в повышении производительности труда должна быть положена в основу тарифной политики и политики снабжения рабочих, причем необходимо внимательно следить за тем, чтобы учет натуральной части заработной платы действительно соответствовал существующим денежным ценам на продукты» [1].

Совещание губсовнархозов центральных и северных районов, происходившее в октябре 1922 г., выносит решение о постепенной ликвидации дуализма форм оплаты труда. В этом постановлении продовольственный фонд рассматривается не как фонд уравнительного снабжения рабочих, но как «оборотный капитал» предприятия, которым следует пользоваться в соответствии с принципами хозяйственного или коммерческого расчета.

В ноябре 1922 г. президиум Госплана констатировал, что натуральные выдачи при этом нередко совершенно не нужных для рабочих продуктов (185 названий, в том числе овес, вика, чугунные отливы и пр.) все еще широко распространены, и ставит вопрос о необходимости полной ликвидации этой системы оплаты труда [2].

Полный переход к денежной оплате труда, преимущества которой для всех были очевидными, затруднялся резкими колебаниями покупательной силы рубля. Выдачи рабочим продуктов в счет за-

[1] «ВКП(б) в резолюциях», ч. I, стр. 419.

[2] Обзор «В президиуме Госплана» — «Экономическая жизнь» от 25 ноября 1922 г.

">

работной платы освобождали рабочих от необходимости покупать эти продукты на рынке. Это косвенно оказывало воздействие на рыночные цены, ибо уменьшало спрос на товары. Таким образом, *маневрирование* продфондом являлось своеобразным методом воздействия на рыночные цены некоторых продуктов[1].

Замена денежной формой зарплаты натуральной и изменение самого характера и значения заработной платы происходили одновременно с процессом ее роста: если в январе 1922 г. по всей промышленности в целом реальная зарплата составляла только 25 проц. от довоенной, то к концу 1922 г. она достигала уже почти 50 проц. довоенной зарплаты [2].

Постепенно восстанавливается денежный оборот и внутри обобществленного хозяйства, т. е. между государственными предприятиями. Еще на заседании коллегии Наркомфина 17 октября 1921 г. было принято постановление, что «расчетам материальными ценностями должны сопутствовать валютные расчеты или путем перечисления или наличными дензнаками».

Оборотные фонды, и в том числе фонды, передававшиеся предприятиям непосредственно в виде конкретных продуктов, правительство в 1922 г. устанавливало в денежном выражении.

С л у ш а л и: 7(4) ходатайство Наркомфина об отпуске Донбассу оборотного фонда натурой.

П о с т а н о в и л и: подтвердить, согласно постановлению СТО от 13 октября, необходимость до 15 ноября выдать в оборотный фонд Донбасса 15 триллионов руб.; поручить Комиссии выяснить, какими именно товарами, в какой именно форме может быть заменена эта сумма... (Центр, архив Наркомфина СССР, ф. к., on. 8, д. № 2, л. 39)[3].

Декретами от 6 сентября 1921 г. и от 5 февраля 1922 г. государство прекратило снабжение рабочих продовольственным пайком, за исключением некоторых отраслей промышленности (военная, металлургическая и частично топливная). На основании ряда декретов (от 9 июля, 5 августа, 16 сентября и 27 ноября 1921 г.) установлено, что все продукты, предоставляемые государством населению, и все оказываемые услуги должны оплачиваться. Снятым с госснабжения и переведенным на хозрасчет предприятиям было разрешено покупать товары на рынке (декрет от 4 октября 1921 г.), а также реализовать свои продукты на рынке (декрет от 26 октября 1921 г.).

Денатурализация хозяйства, далее, выразилась *в переводе натуральных налогов в денежные.* Хотя вопрос о целесообразности замены натуральных налогов денежными сам по себе не вызывал споров, однако весьма спорным был вопрос об осуществлении этого перехода в данный момент, в условиях падающей валюты; некото-

[1] «Экономическая жизнь» от 3 октября 1922 г., № 222.
[2] «Экономическое обозрение», 1933 г., № 16, стр. 14.
[3] Выписка из протокола заседания Совета труда и обороны от 1 ноября 1922 г.

рые категорически возражали против перехода к денежной форме обложения.

Обсуждение этого вопроса вращалось в своего рода «порочном кругу». С одной стороны, для оздоровления денежного обращения необходимо было добиться резкого увеличения *денежных* доходов государства и в конечном счете сбалансировать госбюджет, для чего, в частности, необходимо было заменить натуральные налоги денежными; с другой стороны, эта замена в условиях падающей валюты обесценивала доходы государства и еще больше увеличивала потребность в эмиссии даже при сокращении (в реально ценностном выражений) расходов государства (1)Советское государство разорвало этот «порочный» круг» в короткий срок и уже через два года стабилизировало валюту. Этот период имеет большой интерес для обобщения опыта диктатуры пролетариата в финансовой области: он показывает, какими методами диктатура пролетариата разрешала противоречия финансов и денежного обращения, порожденные интервенцией и гражданской войной.

§ 8. Денежный голод и его роль в перестройке хозяйства и финансов на началах нэпа

Ценность эмиссии, исчисленная по индексу статистики труда, с момента перехода к нэпу и до выпуска червонцев (декабрь 1922 г.) показана в следующей таблице (см. стр. 137).

Осенью 1921 г. ценность эмиссии была значительно выше, чем в предыдущем году, что явилось результатом отмеченных выше изменений в темпах эмиссии и обесценения денег при переходе к нэпу: эмиссия но индексу статистики труда за 1920—1921 г, дала 96 749,6 млн. руб., а за 1921 — 1922 г.—303 742 млн. руб., рост на 213,9 проч.-За этот же период ценность среднегодовой денежной массы в обращении возросла на 7,7 проч., а за 1922 г. по сравнению с 3921 г.— на 33 проц. Однако' это не устранило денежного голода.

Архивные документы дают картину острого денежного голода в течение всего 1921 г. и в особенности летом и осенью 1921 г., т. е. уже после перехода к нэпу.

Так, в июне 1921 г. в телеграмме ив Туркестана В. И. Ленину сообщали, что при потребности в денежных знаках в сумме 23 млрд. руб. Наркомфив смог предложить только 8 млрд. руб. Так удовлетворялась потребность в денежных знаках с января 1921 г., ввиду чего «образовалась колоссальная задолженность рабочим и трудящимся. Комиссариатам пришлось ее только отказаться от намеченных производственных программ, но и от поддержания их оборудования. Телеграф, радио, железнодорожные, оросительные водные сооружения, больницы, школы и вообще все жилые строения во всех городах разрушаются и при пропуске строительного сезона придут в полную негодность... Поэтому, прибегая к Вашему содействию, просим обратить внимание на нужды Туркреснублики, настоятельно понудить Наркомфин беззамедлительно не только усилить финан-

[1] См. статью А. Вышинского «Хлебный заем и денежное обложение»—«Экономическая жизнь» от 27 октября 1922 г., № 243.

	Сумма в тыс. руб.	В прод. к соответств. месяцу прошлого года	Изменение в проц. по сравнению с предыдущ. месяцем
1921 г.			
Апрель	5	881,8	66,0
Май		913,0	38,4 — 43,
Июнь	3	149,5	37,9 — 19,
Июль		725,9	71,5 + 81
Август	3	961,4	116,1 -|- 56
Сентябрь		863,1	129,2 + 43
Октябрь	5	987,4	188,1 4-70
Ноябрь	8	814,1	244,0 + 31
Декабрь		990,6	308,0 + 28
	12		
1922 г.	21		
	28		
Январь	36	625,2	466,2 — 14,6
Февраль		489,4	292,1 — 29,9
Март		800,3	284,3 — 20,9
Апрель		967,7	237,4 — 21,5 +
Май	31	486,5	472,4 32,3. +
Июнь	22	593,8	622,1 5,9 +
Июль	17	523,4	463,2 35,3 +
Август	13	505,4	463,1 56,4
Сентябрь	18	958,2	186,2 — 42
Октябрь	19	450,1	120,3 ,3 +
Ноябрь	26	907,6	93,4 10,4
	41		+
	23		1,7
	26		
	26		

сирование наличными дензнаками Туркреспублики, но и выслать вне всякой очереди для спасения положения не менее 20 миллиардов рублей» [1].

Весьма тяжелое положение было не только в Туркестане, но и в других областях и республиках. Так, в телеграмме В. И. Ленину от 11 сентября 1921 г. из Уфы сообщалось о тяжелых бедствиях, грозящих губернии, и невозможности осуществлять какие бы то ни было меры по хозяйственному восстановлению губернии вследствие острой нужды в денежных знаках[2].

В ответ на эту телеграмму секретарь СТО сообщил телеграфно, сколько в когда выслано денег, указав, что «более за неимением дензнаков выслано быть не может».

Губернские, краевые, республиканские центры настойчиво добиваются в этот период увеличения отпуска денежных знаков. В Совнаркоме 30 ноября 1921 г. специально рассматривалась жалоба Украинского СНК о недостаточном отпуске дензнаков Украине[3].

Приведенные материалы дают картину, очень напоминающую характеристику денежного голода, которая была дана нами для периода гражданской войны в первой части книге. Эти материалы показывают, что [И после перехода к нэпу s течение 1921 г. местные органы власти еще продолжали считать, что центр должен покрывать все их денежные расходы: ©место собственной инициативы.

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 21, д. № 115-а, л. 28.
[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 21, д. № 115-6, л. 30.
[3] Центр, архив Наркомфяна СССР, ф. к., оп. 8, д. № 1, л. 23.

в перестройке местного хозяйства, вместо сокращения своих расходов и изыскания созданных условиями нэпа новых источников местных доходов многие местные работники продолжали проявлять энергию и настойчивость лишь в своих требованиях денежных средств. Естественно, что крайне урезанное удовлетворение этих требований заставляло местные хозяйственные организации и ведомства перестраиваться на принципах нэпа, проявлять инициативу в изысканий средств. Однако, чтобы осуществить эту перестройку, также нужны были деньги.

Характерна в этом отношении следующая телеграмма СНК Башкирской республики В. И. Левину:

> «Проведение продналога в местном масштабе останавливается, переброска прибывающих 10 000 продгрузов станции желдор остановилась за неуплатой артелям денег, товарообмен остановлен, так как даже скудные товары перебросить нет средств,.. *Нужно рассчитывать, главным образом, на самодеятельность, но ее нельзя проявить за і отсутствием дензнаков, хотя бы в самых скромных размерах, позволяющих пустить в ход колесо.* Предпринимаемый двухнедельный сбор территории Башкирии помощи голодающим раебиваетея об эту стену — дензнаки». (Подчеркнуто мною — *З. А.).*

Денежный голод играл двойственную роль в перестройке хозяйства на основах нэпа. С одной стороны, как показывает телеграмма из Башреспублики, он осложнял перестройку военно-коммунистических принципов организации и управления хозяйством и финансами на принципах нэпа. С другой стороны, он стимулировал эту перестройку: краевые и губернские органы государственной власти убеждались на практике, что нельзя впредь только полагаться на центр, что для удовлетворения местных нужд необходимо развивать хозяйственную инициативу — хозрасчет, расширять рыночный оборот, поднять доходы местного бюджета и сократить число предприятий и учреждений, питающихся за счет бюджетного финансирования. Таких возможностей у местных учреждений и предприятий в условиях военного коммунизма не было и в этом существенное отличие экономического значения и последствий денежного голода при нэпе и в условиях «военного коммунизма».

Однако не только на местах, но и в центре в течение всего 1921 г. еще не было осуществлено той радикальной перестройки системы финансирования, которой требовал нэп. Вплоть до начала 1922 г. *еще* сохранялась прежняя военно-коммунистическая организация финансирования: бюджет охватывал все доходы и расходы государственных учреждений и предприятий, представляя собой в этот период как бы «единый хозяйственный план использования материальных и денежных ресурсов страны между отдельными частями управления и хозяйства государства, причем промышленность, получая теоретически от государства полностью все необходимые для ее деятельности средства, обязана сдавать государству или по •его приказу также и всю свою продукцию или выручку...» *

[1] «Из тезисов Наркомфина о финансировании в бюджетном порядке госпромышленности», 1923 г., Центр, архив Наркомфина СССР, ф. к., оп. 7, д. № 11. ,я. 5.

В течение 1921 г. и отчасти 1922 г. Наркомфин стремился удовлетворить денежный голод тем же способом, как и в период гражданской войны, а именно—расширением продукция Гознака. Коллегия Наркомфина в своем постановлении от 18 мая 1921 г. предлагала увеличить выпуск денежных знаков и создать «месячный запас дензнаков, соответствующий производственной программе Гознака» (1)

Наркомфин в сентябре 1921 г. планировал ежемесячный прирост продукции Гознака в следующих размерах: «в октябре 3, в ноябре 4,4, в декабре 5 триллионов, а в течение 1922 г.-—в двойном размере по сумме номинала по сравнению с программой каждого месяца» [2].

Помимо печатания' денежных знаков в центре, принимались меры к увеличению.; продукции местных фабрик Гознака. Так, в письме Наркомфина, в связи с вопросом о печатании денежных знаков для Армянской ССР в Ростовской на Дону экспедиции, Управлению фабриками Гознака предлагалось расширить до максимальных размеров производство дензнаков на месте для снабжения всего Юго-Востока и Кавказа[3].

Гознак для выполнения своей из месяца в месяц растущей (по номиналу) программы расширял и переоборудовал свою техническую базу. 1-я Московская фабрика Гознака была освобождена от других заказов, кроме производства дензнаков [4].

Практиковавшееся в этот период натурпремирование рабочих продуктами собственного производства, конечно, не могло быть применено на фабриках Гознака; отчасти в силу этого, а также ввиду важности производства Гознака Наркомфин настойчиво добивался перед Наркомпродом снабжения в особом порядке рабочих, занятых на предприятиях Гознака [5].

Летом и осенью 1921 г. в связи с неурожаем и голодом ухудшилось натурснабжение рабочих местных фабрик Гознака в Перми, Пензе и Ленинграде. Рабочие пермской фабрики Гознака, сообщая о своем катастрофическом положении, настойчиво просили В. И. Ленина перевести фабрику в Москву.

В связи с ухудшением снабжения рабочих продукция Гознака, выраженная в листаже, сократилась. Центр принимал самые энергичные меры для усиления* снабжения фабрик Гознака, выделив эти фабрики в число наиболее важных, ударных предприятий. 3 августа Наркомпрод и ВЦСПС телеграфировали в Петроград: «...Имейте в виду, что малейшее нарушение хода работ фабрик Гознака повлечет срыв финансового плана центра и возможность денежного кризиса со всеми вытекающими последствиями. Об исполнении и принятых мерах немедленно донесите по телеграфу» [в].

В результате принятых мер по переоборудованию предприятий, повышению трудовой дисциплины и улучшению натурснабжения рабочих продукция Гознака была увеличена и в листаже и по номиналу:

[1] Центр, архив Наркомфина СССР, ф. к., оп. 9, д. № 1, л. 6.
[2] *Там же,* л. 23.
[3] ЦАОР, ф. 2281, оп. 115, д. № 22, л. 27.
[4] *Там же,* л. 78.
[5] Из отношения Наркомфина в Наркомпрод от 29 июля 1921 г., ЦАОР, ф. 2281, оп. 115, д. № 22, л. 25.
« ЦАОР, ф. 2281, оп. 115, д. № 22, л. 100.

Эмиссия в млн. руб.

Апрель	1921 г.	230 568,3	Сентябрь	1921 г	1018 753,7
Май	1921 „	205 040.5	Октябрь	1921	1 950 285,2
Июнь	1921 „	224 871.8	Ноябрь	1921 „	3365481,8
Июль	1921 „	460 932,6	Декабрь	1921 „	7 694 037,2:
Август	1921 „	702 577,5			

В июле—августе эмиссия возросла в 2—3 раза против ее размеров в апреле—июне, а в течение одного только месяца —■ декабря. 1921 г.— в обращение было выпущено 7,69 триллиона руб., что составляло *78,5 проц.* всей массы денег, выпущенной в обращение в России с начала мировой войны до декабря 1921 г. (9,8 триллиона руб.).

Реальная ценность эмиссии в течение октября—декабря значительно возросла, что временно смягчило остроту денежного голода. Кроме того, с января 1922 г. развернулась .перестройка финансирования расходов местного управления и хозяйства на началах нэпа, что сократило требования мест к бюджетному финаясированию из центра за счет эмиссии. В период январь—май 1922 г. большая часть промышленных предприятий была снята с бюджета и переведена на хозрасчет.

Если в результате этих процессов острота финансового напряжения к зиме 1922 г. ослабла, то летом — осенью того же года денежный голод вновь обострился. Чтобы удовлетворить возросшие требования на денежные знаки, Наркомфину, с целью получения возможно большего номинала, пришлось выпускать преимущественно крупные купюры. В силу этого денежный голод принял форму так называемого *разменного кризиса.*

Итак, в течение всего этого периода, т. е. до выпуска червонцев в декабре 1922 г., наблюдался так же, как и в период гражданской войны, острый денежный голод, но этот денежный голод играл иную роль по сравнению с военным коммунизмом. Теперь были все возможности для его ликвидации в связи с восстановлением хозяйства, оздоровлением финансовой системы и созданием на этой основе предпосылок стабилизации рубля.

§ 4. Система финансирования и кредитования народного хозяйства при переходе к нэпу

Законодательного регламентирования суммы эмиссии в этот период так же, как и в период гражданской войны, не существовало. Сумма эмиссии определялась годовыми и квартальными бюджетами. IX Всероссийский съезд советов (февраль 1922 г.) отметил «невозможность в условиях быстро падающей валюты устойчивого бюджета» [1]. Твердая финансовая .дисциплина еще отсутствовала: продолжали практиковаться сверхсметные ассигнования в центре и бескредитные выдачи денег на местах.

1 С. У. 1922 г., № 5, ст. 46.

Наркомфин, стремясь наладить финансовую дисциплину, боролся с беокредитными выдачами денег на местах.

При планирований распределения денежных знаков до осени 1921 г. применялись принципы преимущественно вертикальной системы, как и в условиях военного коммунизма.

Переход к нэпу требовал коренной перестройки системы распределения денежных знаков, а следовательно, и всей системы финансирования народного хозяйства. Этот вопрос обсуждался на III съезде финотделов в сентябре 1921 г.

Специальное совещание делегатов этого съезда по вопросу о системе снабжения денежными знаками вынесло следующие решения:

«Принцип распределения дензнаков в центре по вертикалям (по ведомствам), будучи приемлемым и целесообразным в период острой гражданской войны, при перемене курса является анахронизмом, парализующим всякую возможность использования местных ресурсов для развития местного хозяйства» (1) Денежные средства необходимо распределять по горизонталям между областными центрами, несущими ответственность за руководимую ими экономическую и политическую жизнь края на основе их бюджетов. Однако, «имея в виду нужды трестированной промышленности, а также другие особо ударные отрасли государственного управления и хозяйства, губфинотделам под личную ответственность заведующих губфин-отделами вменяется в обязанность в первую очередь удовлетворять потребности в дензнаках указанных выше отраслей промышленности, управления и хозяйства».

В этом направлении происходила с конца 1921 г. перестройка системы распределения дензнаков. СТО и Совнарком отказывали отдельным ведомствам в их ходатайствах о бронировке за ними дензнаков на периферии [2]. Эта перестройка не могла быть, однако, полностью осуществлена до тех пор, пока основным бюджетным доходом оставалась эмиссия, вследствие чего не было достаточной устойчивости бюджетной системы, твердого порядка в составлении и исполнении текущих бюджетных смет и ассигнований. Вследствие резких колебаний ценности рубля и, следовательно, суммы подлежащего распределению эмиссионного дохода наспех приходилось как урезывать, так и увеличивать отпускаемые ведомствам и районам денежные суммы. Поэтому, чтобы не 'Страдали особо важные объекты финансирования, приходилось бронировать денежные суммы в ущерб правам местных органов власти. Признание этой необ-

[1] «Известия НКФ», 1921 г., № 13, стр. 17.

[9] Постановление Совнаркома от 2 декабря 1921 г.: «Совет Народных Комиссаров в заседании от 2 декабря 1921 г., рассмотрев ходатайство Наркомпроса об установлении твердой бронировки дензнаков, высылаемых Наркомпросом в распоряжение его органов, постановил: 1) ходатайство отклонить, 2) принять к сведению заявление Наркомфина об отданном им распоряжении Губфинотделам *о* 'максимальном обеспечения местных отделов варобразов денежными знаками». (Центр, архив Наркомфина СССР, ф. к., оп, 8, д. № 1, л. 36).

ходимости мы находим и в приведенной выше резолюции, где в § 5 говорится об «особо ударных отраслях государственного управления и хозяйства», потребности которых в денежных знаках «под личной ответственностью заведующих губфинотделами» удовлетворяются ;в первую очередь.

Финансовая база местных организаций и предприятий все же значительно укрепилась в 1922 г., что произошло в результате обра зования и быстрого роста собственных источников местных дохо дов в связи с оживлением местной промышленности и товарообо рота.

В течение второй половины 1921 г. и первой половины 1922 г. госпромышленность передавала ведомствам большую часть своей продукции бесплатно или по твердым ценам, значительно более низким, чем рыночные цены. Фактически госпромышленность в этот период еще не получала ресурсов от бюджета для восстановления и увеличения своих основных и оборотных фондов.

По ориентировочному бюджету 1922 г., составленному в мае 1922 г., были установлены прямые ассигнования учреждениям деньгами и хлебом для оплаты продукции госпромышленности, внутрипромышленные обороты были исключены из госбюджета. Однако оплата продукции и во второй половине 1922 г. производилась по ценам значительно ниже рыночных.

Кроме оплаты ведомствами заказов госпромышленности, последняя получала денежные средства также и в порядке кредитов— долгосрочных от бюджета и краткосрочных от Госбанка. Долгосрочные ссуды фактически являлись безвозвратными субсидиями промышленности. В пределах отпущенных средств эти субсидии передавались через ВСНХ и Госбанк и шли на пополнение оборотных фондов и покрытие дефицита предприятий. В распределении этих средств Госбанк не играл самостоятельной роли, но лишь распределял средства по *ассигнованиям* бюджета и ВСНХ. Самостоятельно Госбанк распоряжался только ресурсами краткосрочного; кредита. Вклады пока еще играли небольшую роль, и главным ресурсом кредитования был ассигнованный Госбанку за счет эмиссии совзнаков денежный фонд.

Госбанку было ассигновано из бюджета в совзнаках 2 000 млрд. руб., которые к моменту фактического начала операций Госбанка в ноябре 1921 г. составляли всего около 25 млн. руб. в золотом исчислении (в дальнейшем «основной капитал» банка был увеличен до 35 млн. руб. в золотом исчислении). Вклады и текущие счета составляли в начале 1922 г. 20 млн. руб. в золотом исчислении.

Таким образом, Госбанк начал свою деятельность с весьма скромными ресурсами.

Так как Госбанк вел свои операции в совзначной валюте, которая продолжала обесцениваться, то, чтобы сохранить свои ресурсы в реально-ценностном выражении, он должен был при выдаче ссуд учитывать обесценение совзнаков.

Самой простой формой страховки средств банка от обесценения

являлось взимание по ссудам высокого .процента-, включающего'-предполагаемый процент обесценения совзнаков в течение срока ссуды. Госбанк в этот период взимал *8—12 % в месяц* (96—114%. годовых). Однако это был несовершенный метод страховки средств банка от обесценения, ибо темп обесценения со в знаков был неравномерный: часто процент обесценения со в знаков значительно превышал ссудный процент (в ноябре 1921 г. рост цен по индексу статистики труда составлял 44%, в декабре— 108%, в январе 1922 г.— 89%, в феврале—112°/о и т. д. при ссудном проценте всего 12% в месяц) и таким образом перед Госбанком встала угроза потери всех ассигнованных ему средств. Поэтому Госбанк применял и более эффективные методы страховки своих ресурсов от обесценения-:
1) выдачу и погашение ссуд по курсу совзнаков в золоте иди по-цене того товара, под обеспечение которого была выдана ссуда;.
2) покупку товаров за собственный счет и погашение ссуд товарами;
3) выдачу ссуд экспортерам при условии погашения этих ссуд золотом или инвалютой, вырученными от реализации товаров за границей; 4) помещение своей свободной наличности в- золото и инвалюту.

Особенно широкое распространение в условиях падающей валюты получили товарные операции Госбанка, в которые было вложено к концу 1922 г. 40% всех средств банка. Фактически банк: в этот период был одним из важных оптовых звеньев товаропроводящей системы. Такое направление операций банка обусловливалось отсутствием твердой валюты. Тем не менее, действуя в условиях падающей валюты и не располагая пока эмиссионным ресурсом для кредитных операций, Госбанк сумел сохранить и увеличить свои средства, организационно окреп (была создана сеть филиалов), наладил коммерческие и кредитные связи с хозяйственными организациями, занял крепкие позиции в товарообороте и в экспортно-импортных операциях, внедрил принципы кредитования и кредитную дисциплину в хозяйственный оборот. Вместе с созданием Госбанка в хозяйственном обороте возникли кредитные отношения в форме коммерческого кредита, т. е. кредитования в товарной форме хозрасчетным организациям и предприятиями друг друга. Орудием коммерческого кредита был *вексель,* а наличие товарных коммерческих векселей создавало возможность выпуска в обращение банковских: кредитных денег — банкнот взамен «частных» кредитных денег — векселей.:.

Итак, при отсутствии стабильной валюты не могло быть и не было стабильных условий финансирования и кредитования народного хозяйства. Отчетность по финансированию народного хозяйства находилась в крайне неудовлетворительном состоянии. Основной причиной, которая мешала налаживанию отчетности по финансированию народного хозяйства, было наличие всевозможных измерителей ценностей, т. е. отсутствие единых устойчивых денег.

Что касается банковского кредита, то в условиях падающей ва-

люты он мог лишь ограниченно применяться; в делом же система финансирования сохраняла еще ряд черт военно-коммунистической ее организации. Основным доходным источником 'бюджета оставалась эмиссия сов-знаков, а товарное обращение обслуживалось исключительно падающей валютой.

§ 5. XI съезд РКП(б) о задачах финансовой и денежной политики. Борьба партии за оздоровление госбюджета и стабилизацию валюты

Гений Ленина четко определил ту линию перестройки системы народнохозяйственного, -в том числе финансового, планирования, которая была необходима для восстановления хозяйства и действительно прочной стабилизации валюты. Еще 16 мая 1921 г. в своем письме в Госплан Ленин писал:

«Единого государственного плана хозяйства у нас пока почти еще не чувствуется. Преобладает стремление «поднять» все и вея, все отрасли хозяйства, даже все предприятия, оставшиеся по наследству от капитализма» (1)

Нужно было сосредоточиться на малом и, укрепившись, двинуть вперед более твердо и уверенно восстановление экономики, социалистическое строительство.

Ленин поставил задачу социалистической индустриализация страны и социалистической переделки крестьянского хозяйства. Он указывал, что для восстановления тяжелой промышленности — базы - социализма — не приходится рассчитывать да займы у капиталистических стран. «Остается необыкновенно трудный и долгий путь: скапливать понемногу сбережения, увеличивать налоги, чтобы по*с*тепенно восстанавливать разрушенные железные дороги, машины, здания и прочее» [2]. Тяжелая промышленность должна обязательно иметь поддержку от государства, должна получать субсидии [3].

В кооперативном плаве Ленина — гениальном плане социалистической переделки крестьянства — указывалось, что создание и укрепление[1] кооперативного строя требуют оказания государством финансовой помощи кооперации, предоставления ей ряда привилегий — экономических, финансовых и банковских [4].

В целях финансовой поддержки тяжелой промышленности, финансовой помощи кооперации требовалось укрепление финансовой базы диктатуры пролетариата, оздоровление финансовой системы, стабилизации рубля.

«Задача укрепления советских финансов, — писал Ленин в своем обращении 'Всероссийскому съезду финансовых работников в октябре 1922 г., — является одной из труднейших, но она стоит теперь в первом ряду и без ее решения невозможно сделать значительных шагов вперед ни в деле ограждения независимости Совет-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXVI, стр. 359. [3] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXVII, стр. 303. [3] *Там же,* стр. 349. * *Там же,,* стр. 394.

ской России от международного капитала, ни в деле хозяйственного и культурного развития страны» (1)

На XI съезде партии вопросы финансовой политики были подвергнуты специальному обсуждению. Съезд в своей резолюции принял развернутую программу финансовой политики на ближайший период:

«Полная ликвидация натурального государственного хозяйства возможна только при таком урегулировании отношений государства и рынка (мелко-буржуазного и частно-капиталистического), которое обеспечивало бы устойчивое и надежное функционирование снабжения (сырьем, материалами и продовольствием) государственной промышленности, армии и администрации через механизм денежного обращения. Для этого необходима стабилизация цен и прекращение обесценения денежных знаков. Прекращение обесценения денежных знаков и стабилизация цен возможны лишь на основе упорядочения всей финансовой системы государства, в частности— установления реального бюджета, сведения последнего без дефицита и увеличения товарообмена в стране» [2].

Вместе с тем съезд вскрыл причины срыва кратковременной стабилизации курса рубля осенью 1921 г-:

«Отсутствие равновесия в денежных доходах и расходах Советского государства сорвало эту стабилизацию. Нынешний бюджетный дефицит исключает возможность, немедленной денежной реформы, направленной к совдаиию устойчивой валюты. С другой стороны, невозможность немедленной денежной реформы обусловливается голодом, влияние[1] которого особо сказывается в росте цен и в обесценении денег» [3].

Ленин неоднократно подчеркивал важнейшее значение роста поступления денежных налогов. Рост налоговых доходов (был необходим для сокращения бюджетного дефицита, (для оздоровления финансовой системы. Укрепление налоговой системы являлось, таким образом, одной из важнейших финансовых предпосылок стабилизации валюты.

На основе решений XI съезда еще шире развернулась борьба за сокращение эмиссии, за экономию в расходах, за увеличение поступлений налогов. Перевод на хозрасчет большинства промышленных предприятий и организаций облегчил непосильное бремя государственных расходов и в то же время создал источники получения государством налогов и неналоговых доходов от госпредприятий. Декретом СНК от 22 августа 1921 г. «О местных денежных средствах» [4] создается система местных бюджетов: общегосударственный бюджет освобождается от обязанности покрывать все финан-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXVII, стр. 307.
[2] «ВКП(б) в революциях и решениях», ч. I, М., 1936 г., стр. 434.
[3] *Там же,* стр. 434.
[4] С. У. и Р. 1921 г., № 62, ст. 446.

совые расходы местных советских организаций. Проводится жест-кая экономия в области расходов на административный аппарат,, укрепляются органы финансового контроля. Сокращаются и социально-культурные расходы. В короткий срок (вводится система налогового обложения: акцизы, промысловый налог, подоходно-поимущественный налог и другие общегосударственные и местные налоги и сборы. В 1922—23 г. налоги дали госбюджету 407 млн. руб., или 30 проц. всех доходов, а неналоговые доходы — 441 млн. руб., или 32,5 проц. В 1922 г. выпускается первый хлебный заем на 10 млн. пудов хлеба. Облигации этого займа продавались за деньги, а оплата производилась по желанию держателей займа либо день- гами, либо хлебом. Так как облигации займа принимались в уплату натурального налога, заменившего продразверстку, юрестьянств'» охотно приобретало облигации этого займа. iВ декабре 1922 г. создается система сберегательных касс и система социального страхования, что также способствует росту государственных доходов. Наряду с Госбанком создаются спецбанки и общества взаимного- кредита в городах, а в деревне — кредитная кооперация.

Ленин уделял больрюе внимание работе финансовой и кредитной системы. Он руководил работой Наркомфина, направленной на оздоровление финансов, требуя достижения безэмиссиояного бюджета.

Товарищ Сталин был ближайшим помощником Ленина в этом деле: он поддерживал и проводил ленинский план перестройки эко- домики и финансов- Еще в декабре 1921 г. товарищ. [Сталин указы-вал, что «...без приведения в порядок денежного обращения и улучшения курса рубля наши хозяйственные операции как внутренние, так и внешние, будут хромать на обе ноги» [2]. В иллюстрированном! приложении к № 215 «Правды» за 1922 г. помещено было *сообщение товарища Сталина о беседе с В. И. Лениным* во время болезни последнего. По словам товарища Сталина, Ленин сказал ему, что

«Улучшение промышленности и финансов должно притти вслед за урожаем. Дело теперь в том, чтобы освободить государство от ненужных расходов, сократив наши учреждения и предприятия и улучшив их качественно. В этом деле нужна особая твердость, и тогда вылезем, наверняка вылезем» [2].

Ленин призывал к «твердости» при проведении этого экономического курса, И эта твердость действительно была крайне необходима, ибо иждивенчески-инфляционистские настроения еще были очень широко распространены. Эти настроения находили свое выра- жение и в периодической печати, где иногда появлялись статьи, авторы которых вели борьбу с 'этим ленинским курсом экономиче- ской и денежной политики. Предатели-троцкисты стремились сорвать мероприятия партии, направленные на стабилизацию рубля, вы-

[1] «Правда» от 18 декабря **1921 г.,** № 286.

[2] **«И.** Сталин о Ленине», сборник, изд. «Молодая Гвардия», 1939 г., стр. 13. Статья датирована 15 сентября **1922** г.

ступая будто бы в «защиту промышленности» и против «диктатуры Наркомфина».

Конечно, нельзя было оздоровить экономику страны и денежное обращение лишь *одними финансовыми мероприятиями;* нужно было активно действовать с *обоих концов,* как именно и указывал В. И. Ленин в приведенной выше беседе с товарищем Сталиным. Борьба скрытых или явных сторонников инфляции: против жесткого финансового режима и сокращения эмиссии, мотивируемая якобы «интересами промышленности», могла лишь вредить восстановительному процессу в промышленности и в сельском хозяйстве.

* *

Через 7 месяцев после XI съезда партии в своем докладе на IV конгрессе Коминтерна, 15 ноября 1922 г., Ленин дал подробный анализ и подвел итоги партийной 'политики, направленной на стабилизацию рубля.

Ленин сказал:

«Что действительно важно, это — вопрос о стабилизации рубля. Над этим вопросом мы работаем, работают лучшие наши силы, и этой задаче мы приписываем решающее значение. Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда стабилизировать рубль — значит, мы выиграли... Тогда мы сможем наше хозяйство поставить на твердую почву и на твердой почве дальше развивать».

Подводя итоги политики партии, направленной к обеспечению стабилизации валюты, Ленин заявил: «...мы... можем быть довольны уже тем, что мы постигли важнейшее: постигли условия стабилизации рубля. Это доказывается не каким-нибудь теоретическим анализом, а практикой, а она, я считаю, важнее, чем все теоретические дискуссии на свете. Практика же показывает, что мы здесь добились решающих результатов, именно — начинаем двигать хозяйство в направлении стабилизации рубля, что имеет величайшее значение для торговли, для свободного товарооборота, для крестьян и громадной массы мелких производителей» (1)

Партия к этому времени уже «постигла условия стабилизации рубля» и твердо продвигалась вперед в этом направлении.

В эти годы были проведены две деноминации совзнака, в результате которых миллион рублей прежних денежных знаков был приравнен 1 рублю новых денежных знаков.

Деноминации совзнаков были не только счетно-технической мерой, но также имели принципиальное значение, о чем можно судить по мотивировочной части декрета о первой деноминации:

«Ввиду перехода к новой экономической политике и вытекающей отсюда необходимости постепенной реорганизации системы денежного обращения для предоставления населению и торгово-промыш-

[1] Из речи В. И. Ленина на IV конгрессе Коминтерна, Соч., т. XXVII, стр. 346—347.

ленному обороту более правильных основ хозяйственного учета...» выпускаются новые денежные знаки под наименованием «государственные денежные знаки РСФСР образца 1922 г.». Один рубль новыми денежными знаками приравнивается 10 000 руб. «кредитных билетов и расчетных знаков всех прежних выпусков, а также всех обязательств, имеющих хождение наравне с ними» (1)

Прежний рубль вследствие своей «микроскопической» ценности ие мог и» существу быть д е н е ж н о й е д и н и ц е й, каковой являлась сумма этих знаков в 1000, или 10 000 руб., или 100 000 руб. Новый рубль 1922 г. мог еще являться денежной единицей, ибо но курсу совзяаков на золото 1 рубль знаками 1922 г. в момент объявления деноминации был равен 16,1 коп. по индексу. В конце 1922 г. на основании декрета от 24 октября 1922 г. была проведена вторая деноминация, которая приравняла 1 рубль денежными знаками нового выпуска (1923 г.) 100 руб. знаками 1922 г., или 1000 000 руб. знаками прежних выпусков (до первой деноминации). В результате этой деноминации пересчет прежних денежных оценок в новые происходил чрезычайно просто — отбрасывалось шесть нулей, и прежняя денежная оценка в миллионах рублей заменялась оценкой в таком же количестве рублей.

Эти мероприятия были приняты с целью поднять реальную ценность рубля как *денежной единицы* страны. Однако задача денежной .реформы заключалась не только в том, чтобы ликвидировать все ранее выпущенные обесцененные денежные знаки й заменить их новыми, более ценными *в данный момент,* но и в том, чтобы закрепить, стабилизировать эту более высокую ценность новых денежных знаков.

Ленин расценивал деноминации[1] как шаг к стабилизации рубля: «...Шаг вперед к улучшению денег тут явный, нэпман начинает видеть, как начинается стабилизация рубля...» [2]

Однако достижения организационные и экономические все еще были недостаточны для того, чтобы окончательно стабилизировать, рубль. Отмеченный Лениным в его докладе на IV конгрессе Коминтерна пятимесячный период относительной стабилизации рубля (апрель—август 1922 г.) выражался в значительном замедлении темпа обесценения совзнаков по сравнению с предыдущим и последующим периодом, а в течение одного месяца—июля — произошло также и абсолютное снижение индекса цен, а именно — на 4 проц. Но уже в октябре темп эмиссии составил 58 проц. Вредное действие эмиссии на народное хозяйство сказалось вновь с большой силой. Эта эмиссия задерживала выполнение основной задачи — развертывание товарооборота. Наши тресты медлили с продажей своих товаров из опасения потерь на обесценении сов-знаков и, наоборот, однажды реализовав товар, стремились закупать немедленно все, что попадалось под руку, лишь бы сохранить реальную ценность своих фондов.

Обесценение рубля создавало почву для спекуляции, произвольных накидок к цене товара в целях страховки от обесценения денег, вызывало поспешность закупочных операций и т. д. Усили-

[1] С. *У.* 1922 г., № 1, ст. 17.

г В. И, Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 327—328.

валась неравномерность повышения цен на товары для провинции в крупных городов и для отдельных продуктов. В некоторых рай-онах вновь стала возникать тенденция к натурализации обмена.

Все это затрудняло развитие нормальных операций государственной и кооперативной торговли. А торговля, по словам Ленина, была основным звеном в переходных формах нашего социалистического строительства 1921—22 гг.[1]. Отсюда — важность и неотложность задачи стабилизации рубля.

Отсутствие . твердой валюты остро ставило проблему единицы хозяйственного учета и межхозяйственных расчетов. Денежный учет в совзнаках превращал бухгалтерскую работу нашей промышленности в «Сизифов труд», ибо он не давал и не мог дать подлинно хозяйственного учета реальных ценностей.

Ряд обследований, произведенных в 1922 г. РКИ, ВСНХ и СТО, обнаружил, что наши тресты не знали фактической себестоимости своей продукции и, следовательно, в значительной мере работали вслепую. (Правда, в 1922 г., по прямым указаниям Ленина, уже начинает практиковаться учет в твердых единицах, а именно —в индексах и в золотом рубле по вольному или официальному курсу. Постановление СНК от 5 ноября 1921 г. предписывало, чтобы расходная часть бюджета на 1922 г. была составлена в довоенных рублях с переводом совзнаков в эти -последние по определенному коэфициенту, исчисленному на основе индекса цен («товарного рубля»). Первый коэфициент составлял 60 000. Этот коэфициент в дальнейшем получил название «курса НКФ». Он менялся ежемесячно и составлял в декабре 1921 г. 80 000, в январе 1922 г.— 100 000, в феврале—150 000, в марте —200 000. Законом (постановления СНК от 14 ноября и 15 декабря 1921 г.) этот коэфициент разрешалось применять. при заключении договоров, включающих денежные платежи. Но «курс НКФ» не устраивал хозяйственного оборота, ибо он устанавливался раз в месяц. Так как в течение месяца происходило обесценение рубля (рост цен на 50—100 проц.), то к концу месяца этот курс уже был неправильным, и поэтому выполнение договора одного контрагента разоряло, а другого—обогащало.

Госбанк с ноября 1921 г. стал объявлять в совзнаках цену покупаемого им золота. Этот курс был более гибким: он менялся по нескольку раз в течение каждого месяца (от 2 до 7 раз в месяц), и поэтому курс Госбанка многие хозорганы стали применять в качестве единицы расчетов. Практика так называемого «золотого исчисления» стала получать все более широкое распространение, и для установления курса была учреждена 25 августа 1922 г. специальная Котировальная комиссия. При отсутствии твердых советских денежных знаков и невозможности немедленно создать устойчивую валюту советская власть должна была, использовать золото в качестве твердой базы для (хозяйственных расчетов. (Этого требо-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXVII, стр. 82.

вали хозрасчет и задачи быстрейшего восстановления хозяйства. На частном рынке золото с поразительной быстротой' восстанавливало! свою покупательную силу: капиталистические элементы стреми! лись внедрить золото в. оборот и вытеснить еовзнаки, что создавало реальную угрозу подрыва финансовой системы пролетарского государства.

Перед советской властью встала задача —сломить тенденцию вытеснения золотом и инвалютой совзнаков. Первым крупным мероприятием партии в этом направлении был выпуск в обращение червонцев.

С выпуском в обращение червонцев советская денежная система вступила в период параллельного обращения твердой и падающей валют. Изучение этого периода представляет серьезный интерес.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

1.Еще в мае 1921 г., когда в центре внимания стоял товарооб мен, Ленин указывал на необходимость создания «правильно дей ствующей денежной системы» (1) Ленин считал проблему оздоровле ния денежного обращения, наряду с проблемой восстановления крупной промышленности, одной из основных проблем хозяйствен ного развития в тот период. Переход от товарообмена к государ ственному регулированию торговли и денежного обращения означал развитие всех функций советских денег и требовал активных госу дарственных мер, направленных к укреплению валюты и оздоровле нию финансовой и денежной системы.

Принимая энергичные меры к быстрому созданию и развитию операций Госбанка, Ленин считал важнейшей его задачей проведение денежной реформы, замену падающего совзнака устойчивой валютой. Партия в борьбе с предателями-троцкистами развернула энергичную работу по оздоровлению бюджета и внедрению строжайшей экономии в государственных расходах.

2.Денатурализация хозяйственных отношений выразилась в частичном переходе от натуральных налогов к денежным, в восстановлении платности снабжения и оказания услуг, в переходе к денежной форме оплаты труда. Хотя преимущества этой последней, по сравнению с натуральной зарплатой, были очевидны уже в начале нэпа, однако вплоть до 1923 г. еще сохранялись значительные элементы натуральной заработной платы, что было связано с резкими колебаниями покупательной силы рубля. В этих условиях продфонд использовался как метод компенсации для рабочих падения покупательной силы рубля.

3.Причина временной стабилизации рубля в 1921 г. заключалась в резком расширении сферы рыночного оборота, а следовательно, и сферы денежного обращения в связи с переходом к нэпу. Однако

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXVI, стр. 370.

эта стабилизация не могла быть устойчивой, поскольку не было еще достигнуто оздоровления бюджета и сокращения эмиссии до размеров, соответствующих реальному расширению товарооборота и роста потребности последнего в наличных деньгах. Опыт, 1922 г. показал, что прочная стабилизация валюты не может осуществиться «сама по себе», например, в результате хорошего урожая, что для этой стабилизации требуются огромные усилия в финансовой области и целый ряд мероприятий для проведения денежной реформы, гениально намеченных Лениным.

4. Денежный голод в течение 1921—22 гг. проявлялся столь же остро, как и в период гражданской войны. Этот денежный голод играл двойственную роль в перестройке военно-коммунистического хозяйства на принципах нэпа: с одной стороны, он осложнял эту перестройку, а с другой стороны, стимулировал ее, вынуждая местные органы изыскивать самостоятельно средства для выполнения стоявших перед ними задач.

5. В планировании распределения эмитируемых совзнаков до осени 1921 г. сохранялись принципы вертикальной системы, которые не соответствовали новой хозяйственной обстановке и новым методам хозяйственного управления. В течение 1922 г. происходит замена вертикальной системы распределения совзнаков горизонтальной системой, хотя элементы вертикальной системы сохранились вплоть до денежной реформы.

6. В связи с созданием Госбанка часть эмиссии совзнаков, выделенная последнему в качестве его основного фонда, реализовалась не через механизм бюджетного финансирования, но через механизм банковского кредита. Отсутствие твердой валюты не давало возможности установить стабильные нормальные условия бюджетного финансирования и банковского кредитования народного хозяйства.

7. Введение счета в товарных рублях и по курсу золотого рубля не устраняло отрицательного влияния эмиссии совзнаков и их v обесценения на 'хозяйство. Нуждаясь в устойчивых деньгах, советская власть использовала золото в качестве твердой единицы учета в предаряятиях последовательно социалистического типа и твердой базы расчетов внутри обобществленного хозяйства.

Глава восьмая

ПЕРВЫЙ ЭТАП ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЫ

(Выпуск червонцев)

§ 1. Проблема «кто—кого» в области денежного обращения

В период гражданской войны в качестве средств обмена на частном рынке наряду с совзнаками функционировали отдельные, наиболее ходовые товары, как, например, соль или хлеб. С весны 1921 г. товарообмен стал вытесняться куплей -продажей за деньга. Однако в первое время после введения нэпа (1921—22 гг.) некоторые товары, в особенности соль, продолжали еще функционировать на рынке в качестве орудия обмена. Золото и инвалюта, за исключением некоторых пограничных районов, в период гражданской войны не функционировали в качестве средства обмена. С переходом же к нэпу, именно с лета—осени 1921 г., в частном обороте появляются золото и инвалюта. Таким образом, в этот момент советские деньги — совзнаки — были основными, но не единственными средствами обращения. Но самое главное заключалось в том, что советская валюта—совзнаки— не была устойчивой валютой,, и поэтому в связи с оживлением капиталистических элементов возникла угроза ее вытеснения из оборота золотом.

Денежная система 1921—22 гг. не могла, конечно, сколько-нибудь длительно существовать. Ряд буржуазных экономистов старался доказать, что до тех пор, пока Советское государство не капитулирует перед капитализмом, оно не сможет урегулировать денежную систему; состояние денежного обращения 1921—22 иг. служило для этих апологетов капитализма «доказательством» якобы неспособности большевиков регулировать денежное обращение и всю экономику страны. Эти идеологи реставрации капитализма для осуществления своих контрреволюционных плавов пытались использовать также денежную систему — этот наиболее сложный я чувствительный аппарат государственного регулирования,— чтобы попытаться толкнуть большевиков на путь капитуляции перед капитализмом, перед иностранной буржуазией.

Эти контрреволюционные буржуазные экономисты выпустили в 1922 г. несколько номеров своего журнала «Экономист». В одном из номеров этого журнала была помещена статья контрреволюционного финансиста Озерова, который заявил без всякой маскировки о том, что он считает проблему урегулирования денежного обращения в существующих условиях неосуществимой и что наша страна якобы будет приближаться к ее осуществлению лишь по мере того, как будет развиваться капиталистический строй.

Большинство буржуазных экономистов не допускало и мысли о том, что советская власть сможет без иностранной помощи создать твердую валюту. В правительственные органы поступали проекты выпуска банкнот на территории Советской России иностранными банками. Так, например, в одном подобном проекте, предложенном Наркомфину в 1921 г., рекомендовалось создать валюту,, гарантированную консорциумом иностранных капиталистов с привлечением к участию в этом деле... калиталистав-белоимигрантов! В письме, приложенном к этому проекту, его автор — верный лакей русских и иностранных капиталистов — откровенно писал, что этот проект имеет конечной целью удовлетворить стремление русских капиталистов вернуться обратно в Россию и восстановить свою собственность. По его мнению, такого рода «финансовая комбинация» примирила бы капиталистический мир с советской властью и открыла бы пути для признания ее всеми мировыми капиталистическими государствами!

Буржуазные финансисты через некоторые звенья советского аппарата усиленно добивались осуществления своего проекта. Однако все эти попытки обнаглевших контрреволюционных буржуазных экономистов и их соратников—предателей-оппортунистов — были тщетны: партия категорически заявила в резолюции XI съезда РКП(б): «Эмиссионное право не может быть ни при каких условиях предоставлено иностранным банкам» (1)

Советская власть, решительно отвергнув капитулянтские проекты оздоровления денежного обращения, создала без иностранной помощи советскую банковскую валюту — червонец.

Почему денежную реформу необходимо было начать в конце 1922 г. с выпуска червонцев, сохраняя временно в обороте, наряду с червонцем, также и падающую валюту — совзнак? Быстрорастущий товарооборот требовал устойчивой валюты. Но советская власть в этот момент не имела еще возможности ликвидировать дефицит госбюджета и поэтому приходилось выпускать совзнаки. Значительная часть совзнаков обратно через бюджетные каналы не возвращалась: совзнаки обесценивались. Между тем, коммерческий; расчет госпредприятий и кооперации (а также и частник для своих оборотов) требовал твердой валюты. В качестве твердой денежной: единицы расчетов и средства обращения стали внедряться золото и инвалюта. Возникла угроза захлестывания денежного обращения;

[1] «ВКП(б) в резолюциях и решениях», ч. I, 1936 г., стр. 437.

капиталистической .валютой — золотом. Медлить с созданием устойчивой советской валюты нельзя было. В этих условиях советской власти необходимо было создать такую твердую валюту, которая могла бы вытеснить из оборота золото. Отсюда — необходимость *золотого обеспечения и поддержания в первое время золотого курса —новой устойчивой валюты* — на рынке. Но для этого новая валюта должна была выпускаться в оборот в ограниченном количестве, соразмеренном, во-первых, с потребностями товарооборота и, во-вторых, с золотыми и инвалютными запасами, позволяющими - поддерживать устойчивый курс этой валюты. Эмиссия совзнаков не могла по указанной выше причине соответствовать этим требованиям. Эмиссия же банкнот Госбанком через его краткосрочные кредитные операции удовлетворяла этим требованиям. У Госбанка *к* этому моменту уже имелся в наличии известный золотой и инвалютный запас, но самое главное заключается в том, что самый характер эмиссии денежных знаков — банкнот—для краткосрочного кредитования товарооборота ограничивал сумму эмиссии потребностями товарооборота в средствах обращения определенной 'устойчивой ценности.

Таким образом, была и возможность, и необходимость выпуска твердой устойчивой банковской валюты — червонца — при сохранении временно в обороте, падающей валюты — совзнака. Конечно, это создавало угрозу вытеснения из оборота совзнака и ускорения вследствие этого темпов его обесценения, однако это не представляло серьезной опасности для народного хозяйства по той причине, что оздоровление финансовой системы шло быстрыми темпами. Создание же твердой валюты должно было ускорить этот процесс и, следовательно, можно было рассчитывать, что при большом напряжении сил партии и Советского государства можно будет в корот-жий срок, если не отказаться полностью, то свести к минимуму выпуск бумажных денег для покрытия бюджетного дефицита и завершить денежную реформу ликвидацией совзнака и заменой его устойчивой валютой.

§ 2. Выпуск в обращение червонцев

Ленин уже с момента создания Госбанка считал, что именно Госбанк должен выступить проводником денежной реформы. Предоставление Госбанку эмиссионного права и выпуск червонцев в обращение были мероприятиями, идущими в этом направлении. Это был первый этап денежной реформы. Ряд буржуазных экономистов, привлеченный к работе советского аппарата, пытался опорочить и сорвать план выпуска банкнот. Отметая эти попытки, советская власть приступила к эмиссии банкнот.

Уже с лета 1922 г., по указаниям правительства, Госбанк готовился к выпуску банкнот. Постановлением СНК от 11 октября 1922 г. Госбанку было предоставлено право эмиссии банкнот. Госбанк приступил фактически к эмиссии банкнот в конце ноября .1922 г.

Согласно закону от 11 октября 1922 г. «цель эмиссии банковых билетов заключается в усилении оборотных средств Госбанка для его коммерческих операций». Госбанку разрешалось эмитировать билеты для выдачи краткосрочных ссуд казначейству только в том случае, если эти ссуды обеспечены драгоценными металлами не менее чем на 50 ороц. Червонец приравнивался к 1 золотнику 78,24 доли чистого золота, т. е. к прежней золотой десятирублевой монете.

Законом устанавливалось, что «банковые билеты полностью обеспечиваются не менее чем на 25 проц. драгоценными металлами и устойчивой иностранной валютой по курсу ее на золото, а в остальной части — легко реализуемыми товарами, краткосрочными векселями и иными краткосрочными обязательствами».' Банковые билеты должны были приниматься «по нарицательной цене в уплату государственных налогов и сборов в том случае, когда по закону платежи выражены в золоте». Согласно закону эмиссия является ресурсом Госбанка для краткосрочного кредитования народного хозяйства.

Кроме того, согласно специальному наказу правительства Госбанку последний был обязан беспрепятственно обменивать банковые билеты на советские денежные знаки. Таким образом, устанав- ливалась *прямая связь червонца с совзнаком,* но в законе не было определено, по какому именно курсу должен совершаться этот обмен, что и стало предметом дальнейшего регулирования.

Твердая фиксация курса совзнаков на червонцы с момента их выпуска означала бы .полное проведение реформы денежного обращения. Этого не было сделано в. конце 1922 г. потому, что именно в этот момент происходило быстрое обесценение совзнака., а наличие значительного бюджетного дефицита не позволяло еще отказаться от эмиссии совзнаков. Поэтому данный пункт наказа означал лишь обязательство государства обменивать червонцы на сов-анаки по их реальной [(золотой) ценности каждого данного момента.

Первоначально Госбанку приходилось «внедрять» банкноты в обращение, что видно из сравнения данных о сумме банкнот, переданных в кассу правления Госбанка и выпущенных в обращение (см. табл. на стр. 156).

Летом 1923 г. процесс «внедрения» 'Червонцев в обращение уже закончился. Червонец был принят оборотом в качестве *твердой валюты,* устойчивой по отношению к золоту.

Основная причина успеха червонца, *em&* .быстрого внедрения в оборот и вытеснения из оборота золота и инвалюты заключается в том, что эта валюта была выпущена советским Госбанком для кредитования в первую очередь советских промышленных и торговых организаций. А это имело огромное значение для развития кредита, так как нормальные кредитные операции возможны лишь при наличии устойчивой валютной основы для хозрасчета и финансовых расчетов между хозорганами. Червонец стал успешно выполнять

	В тыс руб.		Процентное отношение
	количество банкнот,		банкнот, выпущенных в обращение, к колич. банкнот, переданных в кассу правления Госбанка
	переданных правления Госбанка	выпущенных в обращение	
На 1 января 1923	11 180	3 562,5	31,86
„ 1 февраля	19 300	8 545,9	44,28
1 марта „ „	30 000	16 139,8	53,79
1 апреля	45 000	25 666.9	57.04
1 мая „ „	60 000	37 541.8	62.57
1 июня	80 000	47 483,5	59,35
1 июля	96 000	70001.4	72.92
д 1 августа „ „	135 000	111204.8	82.37
1 сентября. .	184 000	164 157.9	89.22
1 октября „ „	235 000	207 359,5	88,24
1 ноября „ „	254 500	224 782,4	88,32
1 декабря „ „	267 760	226 113,4	84,41

не только функции (орудия учета, средства обращения и платежного средства, но также и средства накопления и трудовых сбережений, что создавало прочную основу для развития кредитной аккумуляции денежных накоплений банковой системой. Таким образом наряду с червонной эмиссией возник новый источник кредитования народ- ного хозяйства, который до выпуска червонцев не мог получить серьезного развития.

(Советская власть могла обязать все советские хозяйственные организации принимать в платежи червонец по курсу совзнаков на золото, следовательно, принимать его как твердую валюту по золотому курсу, что и было сделано. Госбанк выдавал своим клиентам — хозорганам — червонец как твердую валюту по золотому курсу и сам принимал ,в платежи Червонцы по курсу. А этого в связи с тем, что командные экономические высоты находились в руках (Советского государства, было достаточно, чтобы заставить и частника-нэпмана признать советскую банкноту твердой валютой, ибо част-ник мог приобретать товары у советских торговых организаций по «золотой цене» в червонцах. Частник не только мог, но должен бы погашать червонцами свои долги по коммерческому и банковскому кредиту, так как Госбанк требовал погашения обязательно червонцами тех своих кредитов, которые были выданы в червонцах.

С этим, в условиях быстрорастущего товарооборота, был связан рост спроса на червонцы как на твердую валюту не только со стороны советских предприятий, но и со стороны частников-нэпманов. Имевшиеся в тот момент у Госбанка золотые и инвалютные запасы в условиях капиталистического хозяйства были бы недостаточны для покрытия быстрорастущей эмиссий банкнот, во . в СССР их было вполне достаточно, так как Госбанк СССР для поддержания устойчивого курса своей банковской валюты распо-

лагал, кроме золотого запаса, такими возможностями и такими рычагами, которых нет и не может быть у центральных эмиссионных банков буржуазных государств.

§ 3. Денежное обращение и госбюджет при наличии двух валют

В первое время введение в обращение червонца еще более увеличило валютную «чересполосицу». В одних расчетах фигурировал червонец, в других случаях пользовались общетоварным индексом Госплана, в третьих — индексом Конъюнктурного института или бюджетным индексом статистики труда, а в четвертых — курсом золотого рубля. Эта «чересполосица», которая крайне затрудняла нормальное (развитие хозяйственного оборота, в особенности организацию учета и контроля, достигла высшего' развития летом 1923 г.

Со второй половины 1923 г. среди хозорганов получает распространение «червонное исчисление» вместо ранее применявшегося всюду «золотого исчисления» (по товарному индексу или официальному курсу золота). Повышение темпа обесценения еовзнака поставило и перед госбюджетом проблему перехода к червонному исчислению. Однако бюджет на 1923 г. был еще составлен в товарных рублях по индексу Госплана с переводом на совзнзки. В то же время приказом по BGHX в госпромышленности с июля 1923 г. было введено червонное исчисление: вследствие расхождения в движении курсов червонца и товарного рубля это различие в единицах учета, принятых бюджетом, *с* одной стороны, и госпромышленностью, с другой стороны, не могло не породить серьезных ненормальноетей в их финансовых взаимоотношениях. Положение осложнялось еще более тем, что в июле сам Наркомфин стал применять ассигнования в червонном исчислении к некоторым особо важным отраслям промышленности и, следовательно, в этот момент пользовался тремя единицами учета — товарным рублем, червонцем и совзнаком.

Все это со всей серьезностью ставило проблему перевода всех бюджетных расходов на червонное исчисление.

Естественно, что перевод расходной части бюджета на червонное исчисление требовал такого же перевода и доходной части бюджета. Наркомфин не мог гарантировать реальную ценность сметного финансирования, не имея аналогичных гарантий по своим доходам. Достаточно указать, что по доходам от акцизов Наркомфин терял от обесценения сов'знаков 25—27 проц, своих сметных предположений в золотом выражении.

Перевод бюджета на червонное исчисление, в соответствии с постановлением СНК, принятом в августе 1923 г., был осуществлен с октября 1923 г. После перевода госбюджета на червонное исчисление Наркомфин стремился к ликвидации системы товарных индексов в целях закрепления за червонцем монопольного положения твердой единицы денежных расчетов. А тот факт, что в по-

вседневной практике все еще пользовались товарными индексами и по этим индексам устанавливали переменную шкалу выплаты зарплаты не только в совзнаках, но и в червонцах, наносил ущерб позициям червонца.

В первое время перевод бюджета на червонное исчисление внес серьезные затруднения в планирование эмиссии совзнаков. На одном из заседаний в Наркомфине в августе 1923 г. указывалось, что перевод бюджета на червонное исчисление осложняет и изменяет планирование эмиссии совзнаков. До этого бюджетный план исчислялся в товарных рублях Госплана, товарные рубли по известному коэфициенту переводились в советские рубли, затем определялся в товарных и в советских рублях ожидаемый доход и, наконец, раз-вица между открываемыми в советских рублях кредитами и ожидаемыми в советских рублях доходами и составляла ту сумму, которую нужно выпустить в совзнаках в виде эмиссии. Таким образом, месячный план, который утверждался в советских рублях, определял размер эмиссии на данный месяц [1].

При переводе же бюджета на червонное исчисление доходы и платежи, фиксированные на весь месяц в червонном исчислении, являлись в пределах месяца ежедневно изменяющейся величиной в связи с ежедневными колебаниями курса червонца. Таким образом, если раньше имелся твердый месячный план бюджетных расходов и доходов в совзнаках, то теперь такой план, будучи составлен на основании предположений о колебаниях курса червонца в течение месяца, лишался этой устойчивости даже в пределах месяца. *Поэтому и определение размеров месячной эмиссии затруднялось, ибо нельзя было твердо фиксировать в совзнаках размер бюджетного дефицита, покрываемого эмиссией совзнаков.*

Но трудности заключались не только в планировании эмиссии, но и в том, что эта мера увеличивала расходы государства в совзнаках, ибо, фиксируя в червонном выражении эти расходы, бюджет должен был покрывать курсовые потери ведомств на совзнаках, так как иначе нарушалось соответствие между доходами и расходами данного ведомства; таким образом, этот, на первый взгляд, будто бы технический вопрос создавал значительные затруднения.

Во второй половине 1923 г. усилилась неравномерность колебаний курса червонца и индекса и резко повысился темп обесценения совзнаков. Перевод бюджета на червонное исчисление, укрепив еще более позиции червонца в обороте, в то же время привел к увеличению нажима ведомств на печатный станок. Поэтому попытка в этот период твердо фиксировать эмиссию совзнаков в золотых (червонных) рублях, на основании постановления II сессии ВЦИК X созыва от 7 июля 1923 г. в сумме 15 млн. руб., с 1 августа 1923 г.[2] не могла (быть успешной. Фиксация суммы бюджетного дефицита предполагала наличие известного бюджетного рав-

[1] Центр, архив Наркомфина СССР, ф. к., оп. 5, д. № 70.
[2] С. У. 1923 г., № 66, ст. 637.

новесия, но подобного относительно устойчивого «равновесия» не было и не могло быть при параллельном обращении двух валют,

В сфере крупнокупюрного обращения денежных знаков банкнотная эмиссия в значительной мере удовлетворила денежный голод; поэтому в этот период денежный голод преимущественно проявлялся в виде *разменного голода.* Оборот настойчиво требовал мелкокупюрных устойчивых денежных знаков; особенно обострился разменный голод в сентябре—декабре 1923 г,, что породило на местах эмиссию денежных суррогатов в форме расчетных знаков, бон, талонов и пр. Например, в Донбассе широко практиковалась выплата рабочим зарплаты ордерами на рабочие кооперативы в золотом исчислении[1]. (Наркомфия с октября 1923 г. резко-повысил темп эмиссии совзнаков, в результате чего последовало рекордное за все время существования совзнаков падение их курса.

В течение года произошли крупные сдвиги в строении денежной массы, а именно: на 1января 1923 г. реальная ценность совзнаков в обращении по отношению ко всей денежной массе составляла 97 проц., на 1 апреля — 85,3 проц., на 1 июля — 62,9 проц., на 1 октября — 26,4 проц., на 1 января 1924 г.— 23,4 проц., на 1 марта — 7,6 проц, и на 1 апреля — 3,9 проц.

Несмотря на общее расширение товарооборота в стране, сфера обращения совзнака суживалась по мере того, как расширялось обращение банкнот. А это при непрерывно растущей эмиссии совзнаков ускоряло темп их обесценения. Возрастала скорость обращения совзнаков, что также ускоряло их обесценение. По исчислениям Тов. Струмилина, скорость обращения червонцев была довольно близкой к довоенным нормам для твердого рубля; скорость обращения совзнаков в течение 1923 г. резко возросла: от 30 оборотов в год она увеличилась до 30 оборотов в месяц, причем только за 4 месяца обращаемость совзнака возросла в 4 раза[1].

Фактическая скорость обращения совзнаков была еще выше: тов. Струмилин взял в качестве показателя скорости обращения совзнаков обороты последних через кассы Наркомфина, что не может точно отражать скорость их обращения у населения. Однако-данные тов. Струмилина вполне показательны для характеристики *тенденции* изменения скорости обращения совзнака.

В последний период жизни совзнака весь крупный платежный оборот в городах обслуживался -червонцами, а совзнаки превратились в мелкокупюрные по своей реальной ценности средства обращения.

Три фактора — эмиссия, обесценение совзнаков и скорость их обращения.— взаимно влияли друг на друга. К концу 1923 г. обесценение совзнаков достигло рекордных за весь период истории совзнака темпов, что видно из данных следующей таблицы (см. табл. на стр. 160).

[1] С. *Струмилин,* Обращаемость совзнака[1], «Экономическая жизнь» от 30 марта 1924 г., № 148.

Темп эмиссии и обесценения совзнаков в 1922 и 1923 гг.

Месяцы	1922 г.		1923 г.	
	темп эмиссии в %	темп роста цен в % (по индексу статистики труда)	темп эмиссии	темп роста цен в % (по индексу статистики труда)
Январь	69,8		31,8	30
Февраль . . .	63,0	112	23,1	12
Март	67,3	119	38,5	'26
Апрель	59,5	65	35,6	39
Май	65,0	22	16,0	42
Июнь	49,7	14	28,1	52
Июль	48,4	—4	37,9	66
Август	46,6	7	35,3	72
Сентябрь . . .	22,3	23	76,5	97
Октябрь . . .	28,7	58	131,7	67
Ноябрь	35,0	42	67,8	110
Декабрь	34,8	29	95,1	136
1924 г.				
Январь . . .			98,6	199
Февраль . . .			80,6	280

В течение первой половины 1923 г., примерно до мая, внедрение в обращение червонцев еще не отразилось на темпах эмиссии и обесценения совзнаков. Темпы обесценения совзнаков до мая 1923 г. были ниже того же периода 1922 г. Но уже май 1923 г. дает 42 проц, роста цен, .т. е. почти вдвое больше, чем май 1922 г., несмотря на то, что прирост эмиссии за этот месяц 1922 г. составлял 65 проц., а в 1923 г,.—только 16 проц. Далее, с мая темя обесценения непрерывно и значительно превышает темп эмиссии, а перед реформой (декабрь 1923 г. — февраль 1924 г.) эмиссия возрастает ежемесячно на 80—100 проц., обесценение же достигает небывалых за всю историю совзнака темпов: 136, 199, 280 проц. роста цен в месяц. Это уже была «агония совзнака».

Для обслуживания крупного платежного оборота в 1923 г. были выпущены высококупюрные банкноты — в 100 и 250 руб., но обращение этих банкнот не привилось в нашем обороте: взаимные платежи между госпредприятиями обслуживались и тогда, главным образом, безналичным чеко-жирооборотом. Банкнотная же эмиссия поступала в общее обращение и использовалась госорганами через банковский краткосрочный кредит для выплаты зарплаты и приобретения материальных ценностей

Особое назначение кредитной эмиссии (кредитование товарооборота) в отличие от эмиссии совзнаков (безвозвратное финансирование госрасходов) определяет принципиальное различие этих двух видов эмиссии и их влияние на финансовую систему и народное хозяйство. Поэтому и анализ эмиссии за этот период требует дифференцированного рассмотрения эмиссии совзнаков, с одной стороны, червонцев — с другой.

Анализ данных эмиссии двух валют позволяет сделать следующие выводы:

1. Общая ценность эмиссии с момента выпуска червонцев до денежной реформы значительно возросла по сравнению с предшествующим периодом: ценность эмиссии за 1923 г. больше ценности эмиссии 1922 г. на 187 823 тыс. руб., или на 62,8 проц.

2. Это увеличение ценности эмиссии происходило за счет банкнотной эмиссии, удельный вес которой в общей эмиссии на протяжении этого периода непрерывно возрастал.

3. Месячный эмиссионный доход государства от выпуска совзнаков до сентября 1923 г. был меньше того же дохода за предшествующий период. Эмиссионный доход от совзнаков в сентябре—декабре 1923 г. был получен путем исключительного напряжения темпа их эмиссии, причем темп обесценения значительно превышал темп эмиссии. Прирост эмиссионного дохода от совзнаков в этот период отрицательно отражался на общих доходах государства, поскольку обесценивались крупные налоговые платежи, поступавшие в казну в сентябре — декабре 1923 г.

Достаточно указать, что курсовые потери на совзначной наличности в кассах Наркомфина, Наркомпути и Наркомпочтеля в этот период составляли по оценке Наркомфина 7—8 млн. золотых рублей в месяц, или 50 проц. всей разрешенной Наркомфину эмиссии.

§ 4. Отрицательное влияние падающей **валюты на положение рабочего класса** и на развитие промышленности **и** сельского хозяйства. Угроза смычке города и деревни

Торговцы в городах в значительной мере компенсировали свои курсовые потери путем «страховых надбавок» к ценам; кроме того, среди буржуазии широко было распространено обращение твердой валюты — червонца (позднее также и транспортных сертификатов), инвалюты и золотой монеты. В деревню же червонец проникал редко, и здесь были особенно велики курсовые потери. Пе ревод зарплаты рабочих и служащих на золотое (по индексу) и червонное исчисление не устранил полностью курсовых потерь.

По данным проведенного Центральным бюро статистики труда ЦСУ обследования в ноябре 1923 г. 67 бюджетов рабочих и **22** бюджетов служащих эти курсовые потери составляли (1) (см. табл. на стр. **162).**

Мы видим, что эти потери доходили до 1/4 всего месячного заработка рабочего и служащего, а в среднем составляли 8 проц. Такова была тяжесть эмиссионного обложения для рабочих и служащих. Обращение червонца среди рабочих, в особенности получавших зарплату по низшим разрядам тарифной сетки, было весьма незначительным.

Средний срок пребывания совзнаков на руках рабочих и слу-

[1] «Денежная реформа и бюджет рабочего»—«Экономическое обозрение», апрель 1924 г., № 8, сир. 4.

жащих был равен по данным этого обследования 5 дням: в день получки или на следующий день тратилось 40—45 проц. полученного заработка. Эта величина была устойчивой для различных групп рабочих и служащих.

Районы	Число обслед. хозяйств	Среднее на хозяйство в червонн. руб.			% курсовой потери к приходу		
		приход	расход	курсов. потери	в среднем	максимум	минимум
Бюджеты рабочих	67	52,25	47,97	4,28	8,2	25,5	0,3
В т. ч.: Москва	46	55,16	50,77	4,39	8,0	25,5	0,3
Нижний и Казань . .	21	45,89	41,83	4,06	8,8	19,9	2,2
Бюджеты советск. служащих (Москва)	22	103,39	95,62	7,77	7,5	26,5	2.3
Итого по всем бюджетам .	89	64,89	59,75	5,14	7,9	26,5	0,3

Размер потерь показывает резкую дифференциацию у отдельных хозяйств, а именно от 0,3 до 26,5 проц. к заработку, что свидетельствует о крайней неравномерности распределения тяжести эмиссии среди рабочих и служащих.-

Чтобы предохранить себя от курсовых потерь, рабочие стара-лись превратить немедленно свой заработок в товарные ценности и поэтому соглашались на оплату своего труда не деньгами, а натурой, которая в ноябре 1923 г. в некоторых районах, например, на Урале, составляла до 75 проц. заработка.

Крестьянство, почти совершенно не знавшее червонцев в своем обороте, естественно, стремилось тем же путем страховать свои доходы от обесценения. Процесс денатурализации хозяйства и развития денежных отношений задерживался параллельным обращением двух валют, что усиливало тенденцию к натурализации хозяйства (1) Действие этой тенденции еще более ограничивало сферу обращения совзнаков, усиливая темпы их обесценения.

Появление червонца в обращении на первых порах не ослабило спекуляции на вольном валютном рынке. К спекулятивной куплепродаже золота, золотых десяток и инвалюты на совзнаки присоединялась еще аналогичная спекуляция с вновь выпущенными червонцами. Для этого периода типична причудливая скачка многочисленных курсов при наличии резких разрывов курсов одних и тех же валют на различных рынках. Особенно сильны были разрывы между центром и пограничными окраинами, где широко была раз-

[1] «В провинции роль твердой валюты играла натура, уменьшающая удельный вес курсовых потерь... В некоторых фабрично-заводских районах, отдаленных от губернского города, как, например, на сахарных заводах Киевщины, натура (в данном случае рожь) играет роль твердой валюты в товарообмене с окрестным крестьянским населением» («Экономическое обозрение», 1924 г., № 8, сто. 10).

вита контрабанда и где поэтому были весьма крепки позиции инвалюты и слабы позиции совзнака и червонца. Правда, чем дальше, тем больше Госбанк завоевывал командные позиции на денежном рынке, диктуя рынку валютные курсы. Однако расхождения между официальной и вольной котировками червонца почти постоянно имели место либо в ту, либо в другую сторону: эти отклонения доходили до 4—5 проц.

Так как официальный курс был обязателен при платежах, то естественно, что при превышении официального курса над вольным все стремились платить совзнаками, для чего необходимо было' предварительно продать червонцы и купить совзнаки; противоположного порядка спекуляция развивалась в том случае, когда официальный курс был ниже вольного.

Вольный курс до сентября 1923 г. был, как правило, ниже официального, а с сентября он превышал официальный курс. Это значит, что до сентября в обороте ощущался недостаток совзнаков, а поскольку соззнак был по своей реальной ценности мелкокупюр-ной денежной единицей, практически этот недостаток выражался в трудностях размена крупной купюры — червонца на мелкую — совзнаки; таким образом, наблюдался разменный голод. Напротив, с сентября—октября, в результате значительного увеличения темпа эмиссии сов знаков, стал ощущаться недостаток червонцев: червонцы обращались с лажем против официального курса, в то время как до этого они в большинстве случаев обращались с дизажио против этого курса. Иными словами, до сентября — октября валютные спекулянты брали плату («премию») за размен червонцев на совзнаки по официальному курсу, а с сентября, наоборот, взималась спекулятивная разница за размен совзнаков на червонную валюту против официального курса последней.

Наличие лажа на червонцы, когда это имело место, создавало большие трудности для хозорганов — клиентов банка, которые вынуждены были обращаться к вольному рынку за покупкой червонцев по спекулятивному курсу. По ходатайству хозорганов финансовый комитет Совнаркома 9 июля 1923 г. предписал Госбанку, чтобы «в тех случаях, когда на рынке замечается отсутствие наличия червонцев, филиалы не требовали категорически от клиентов уплаты червонцами, а допускали уплату по векселям, выраженным в червонцах — совзнаками» (1)

Официальный курс червонца (котировка Московской товарной биржи) устанавливался в Москве один раз в день и передавался по телеграфу по всей стране. Между тем вольный курс червонцев определялся спросом и предложением червонцев и совзнаков в каждый данный момент и в каждом данном пункте. Этот курс нередко изменялся по нескольку раз в течение дня: в 10 часов утра был один курс, а в 2 часа дня был уже иной. Курсы в отдельных городах часто резко отличались один от другого. Если отклоне-

[1] Центр, архив Наркомфина СССР, 1923 г., ф. к., оп. 7; д. № 14, л. 58. и*

ния вольного курса от официального составляли не более 4—5 проц. в ту или другую сторону, то в провинции эти отклонения достигали 20 проц. Легко представить, сколь значительными могли быть при таких ежедневных курсовых колебаниях спекулятивные барыши валютчиков.

Коммерческий расчет государственных и торговых предприятий в этой атмосфере валютной спекуляции неизбежно принимал ненормальный характер. Курсовая разница давала в день 3—5 проц. прибыли или убытка в зависимости от того, удавалось ли превратить своевременно данному предприятию свою совзначную наличность в червонцы. В этой обстановке не могло быть правильной калькуляции и серьезного внимания к вопросам режима экономии, накладным расходам и т. д. Внимание хозяйственников в 'значительной степени сосредоточивалось на успешном ведении валютных операций и ослаблялось внимание к вопросам производственной и торговой работы. Излишне говорить, насколько это вредно отзывалось на производстве, а также на нормальном развитии государственно-кооперативной торговли.

Расхождения в движении общего и частных товарных индексов, разрывы между изменениями курса червонца в совзнаках и индексах были весьма значительными, а эти разрывы отражались на финансовом положении отраслей промышленности и предприятий.

Движение курса банкнот и товарных индексов (а течение первой половины 1923 г. по сравнению с данлыми на 1 декабря 1922 г., принятыми за 100) (1)

	1 декабря	1 января	1 февраля	1 марта	1 апреля	1 мая	1 июня	1 июля
Курс банкнот *в %*	10!)	149,5	181Л	205,1	258,1	390,5	495,7	649,5
Общетоварный индекс . .	10	128,	166,	213,3	259,	363,	512,	798,4
Индекс промышл. товаров	10	137,	187,6	245,	317,	476,	672.	993,4
„ пищевой промышл	10	126,	171,	226,	297,	434,	632,	981,0
„ металл. **товаров .**	10	125,	169,	240,	344,1	586,	905,	1 349,4
„ текстильн. „	10	154,	190,	236,	317,	534,	748,	1 058,4
„ кожевен. »	10	124,	156,	207,	278,	379,	535,	343,0
„ химическ. „	10	138.	168,	199,	210,	359,8	512.	709,2
„ сельскохоз. „	10	121,	148,	186,	213,	273,	391,	646,0
	0	0	5	9	3	8	1	

Таблица показывает, что для одних отраслей промышленности, как, например, для химической и кожевенной, повышение курса червонца было недостаточным по сравнению с индексом цен товаров этих отраслей. Поэтому реализация этих товаров при неизменных прочих условиях давала убыток. Для других же отраслей, как, например, текстильной и металлической промышленности, изменения курса червонца по сравнению с индексом цен производимых ими товаров были благоприятны, поскольку в отиошении зарплаты, погашения кредитов в Госбанке и т. д. они были в одинаковом положении с другими отраслями промышленности. Конъюнктура отдельных отраслей промышленности находилась **в** большой зависимости от конъюнктуры валютного рынка.

[1] «Экономическое обозрение», 1923 г., № 8, стр. 74,

Главное зло «параллельного обращения» было не только и даже не столько в перечисленных выше ненормальных язлениях, которые угрожали устойчивости самого червонца. Главное заключалось в той угрозе «размычки» города и деревни, которая в известной мере создавалась этой системой денежного обращения. Как показывает ряд материалов, червонец вплоть до 1924 г. был по преимуществу «валютой города», а совзнак почти монопольно сохранял своя позиции в деревне.

В городе наличные червонцы всегда можно было достать, заплатив небольшой процент сверх официального курса. Постоянный спрос на червонцы в крупных городах не давал возможности развиваться червонному обращению в деревне: город задерживал у себя червонцы. В деревне, наоборот, редко и с большим трудом можно было достать червонец: крестьянство по существу в 1923 г. еще не знало этой валюты. Проникновению червонца в деревню препятствовала также высокая купюрность червонца: при низкой доходности крестьянского хозяйства, .в связи с низкими ценами на хлеб, червонец вообще был недоступен для широких масс трудового крестьянства. Но невыгодность позиций деревни при этой системе «двухчленной валюты» заключалась не только в том, что в деревне не было наличных червонцев. Деревня, кроме того, не имела тех возможностей для предохранения своих денежных доходов от обесценения, которые уже в 1923 г. были широко распространены в городах, как, например, исчисления зарплаты в товарных рублях, а затем по курсу червонцев[1]. Сюда же относится введение государственными сберкассами приема вкладов в червонном исчислении. Сумма вкладов совзнаками в червонном исчислении, составлявшая по правлению и филиалам Госбанка на 1 октября 1923 г. всего 9,6 млн, руб., быстро росла и достигла к 1 января 1924 г. 47 млн. руб., а к 1 февраля 1924 г.— 66,5 млн. руб.

Индекс цен с.-х. продуктов показывал наибольшее отставание по сравнению с индексами цен всех других отраслей народного хозяйства. И это отставание в росте совзначных цен на с.-х. товары по сравнению с промтоварами усиливалось тем, что деревня не могла пользоваться выгодами не только червонного обращения, но также и червонного исчисления.

В отношении использования уже получившего значительное развитие кредита (главным образом за счет банкнотной эмиссии) сельское хозяйство было также в неблагоприятном положении: кредит для сельского хозяйства 1923 г. был недоступен, так как цены на с.-х. продукты и хлеб (до осени 1923 г.) систематически отставали от курса червонца. По этой причине общее улучшение условий кредитования в 1923 г., о чем писало правление Госбанка

[1] Деревня почта совершенно не имела систематической информации о движении курса червонца в сошниках, что также препятствовало проникновению червонца в деревенский оборот.

в своем отчете за 1922/23 г.[1], не распространилось на сельское хозяйство. В создании «ножниц цен» на промтовары и с.-х. продукты система обращения двух валют сыграла немаловажную роль, хотя, конечно, одной этой причиной ни в коем случае нельзя объяснить появление этих «НОЖНИЦ».

Рост товарности сельского хозяйства, рост денежного хозяйства деревни задерживался параллельным обращением падающей и твердой валют. Не приходится доказывать, насколько серьезные экономические и политические последствия вытекали из этой угрозы «размычки» города и деревни и какое огромное значение для связи города и деревни должно было иметь введение единой твердой валюты.

«Все невыгоды падающих в цене денег,—читаем мы в обращении ЦК о денежной реформе,— давали себя чувствовать в деревне еще в большей степени, чем в городе. При медленности торгового и денежного оборота в деревне крестьянство или должно было нести крупные потери, если прибегало к пользованию совзнаками, или встречало хозяйственные затруднения, если пыталось обходиться без них. Твердые деньги несут крестьянству освобождение от эмиссионного налога. Твердые деньги войдут в мелкий деревенский оборот, они облегчат развитие торговли в деревне, они перестроят торговлю на более здоровых началах. Твердые деньги открывают крестьянству возможности сбережений для улучшения своего хозяйства. Твердые деньги в крестьянской среде явятся активным агитатором за советский строй, неопровержимым доказательством того, что финансовая политика Советского государства ведется так, чтобы дать возможность крестьянскому хозяйству залечить свои раны и твердо стать на путь укрепления и улучшения» [2].

§ ft. Оценка опыта параллельного обращения твердой и падающей валют

Анализ опыта параллельного обращения падающей и твердой валют дает возможность ответить на вопрос о той, может ли пролетарское государство для покрытия бюджетного дефицита пользоваться одной валютой (падающей), имея наряду с ней другую валюту (устойчивую), которая бы служила надежным орудием учета и контроля и обеспечивала бы укрепление смычки города и деревни. Один из буржуазных экономистов — Железное— считал, что вредные последствия системы параллельных валют вытекали не из сущности самой системы, а из «неровностей ее применения»[5]. На этой же точке зрения стоял Кузовков[4], который создал целую «теорию» для обоснования «двухчленной системы».

[1] «Годовой отчет Госбанка за 2-й год деятельности» (1923 г.), М., 1924 г., стр. 9.

[2] «Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам», М., 1931 г., стр. 163.

[3] Статья *Железнова* в «Социалистическом хозяйстве», кн. III, 1925 г., стр. 72. Статья была помещена как дискуссионная.

[4] Статья *Кузовкова* «Двухчленная система бумажных денег в условиях кри тической эпохи» в «Социалистическом хозяйстве», 1925 г., № 1.

На самом же деле именно развитие этой системы, как было показано, с неизбежностью содействовало нарастанию серьезных экономических и политических противоречий.

Опыт применения «двухчленной системы» показал, что такая система не может соответствовать задачам нормальной хозяйственной политики рабочего класса в переходный период. Такая система, необходимая в определенных конкретных условиях, может рассматриваться лишь как временное и переходное валютно-политическое мероприятие, как подготовка последнего этапа денежной реформы. Эта система не разрешает в конечном счете ни проблемы эмиссионного дохода для государства, ни проблемы всеобщей и устойчивой единицы учета и контроля для экономики в целом, ни тем более проблемы смычки города и деревни и проблемы создания приспособленного к задачам народнохозяйственного планирования денежного механизма. В то же время нельзя считать ошибкой применение этой системы. По сравнению с предшествующим периодом эта система была шагом вперед.

Червонец, пробивая себе дорогу сквозь «чересполосицу» валютных курсов и индексов, вносил все же некоторое единство в систему хозяйственного учета и контроля и создавал условия для расширения кредита, игравшего важную роль в восстановительном процессе. Это означало, конечно, и улучшение финансов промышленности, что было вполне ощутимо уже в течение первых месяцев 1923 г.

В течение 1923 г. была завершена перестройка финансовой системы: с I квартала 1922—23 г. в бюджете предусматривались ассигнования на оплату продукции госпромышленности по полной ее стоимости, хотя этот принцип не всегда соблюдался на практике. Цены, по которым определялась сумма этих расходов, устанавливались Госпланом «на основе обеспечения воспроизводства».

С I квартала 1922—23 г. в госбюджет впервые вносятся ассигнования на капитальные затраты и в оборотные фонды по тяжелой промышленности (уголь, нефть, металл, военная промышленность) и частично по легкой промышленности. Твердо устанавливаются отрасли и предприятия, для которых сохраняется система бюджетного финансирования, причем вводится принцип *целевого финансирования.* Все остальные отрасли и предприятия никаких бюджетных дотаций не получают и сами вносят в бюджет свои налоговые платежи. Банкнотная эмиссия Госбанка становится основным источником краткосрочного кредита и формирования оборотных средств; из эмиссии же совэнаков авансируются предприятием, оставшимся на бюджетном финансировании, средства в основные фонды и на покрытие дефицитов. Таким образом, проводится линия твердого разграничения банковского кредитования и бюджетного финансирования.

X1 съезд партии указал, что «необходимо устранение случай»

ностей в разассигновании денежных средств и выработка твердой финансовой практики» (1)

Выработку новых, соответствующих условиям первого этапа нэпа организационных принципов финансирования и кредитования обобществленного хозяйства следует считать крупным шагом вне! ред в борьбе за радикальное оздоровление всей финансовой системы страны.

Создание червонца было крупным завоеванием партии, явившимся важнейшим этапом на пути проведения намеченной Лениным денежной реформы. Но партия во-время вскрыла противоречия «двухчленной валюты» и ликвидировала эту систему, завершив в начале 1924 г. денежную реформу.

Система параллельного обращения устойчивой и падающей валют сыграла свою положительную роль, облегчив и ускорив проведение денежной реформы. Этот метод был правильным и удачным валютно-политическим маневром в той конкретной исторической обстановке.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

1. Выпуск и обращение червонцев (банкнот) был фактически началом денежной реформы, ее первым этапом. В экономических условиях 1922—23 гг. это был единственно правильный путь проведения денежной реформы, так как в этот момент еще имелся весьма значительный бюджетный дефицит и поэтому совзнак невозможно было стабилизировать. С другой стороны, растущий товарооборот создавал возможность и необходимость эмиссии твердой банковской валюты.

2. Основная причина успеха червонца заключается в преимуществах советской системы хозяйства и, в частности, в наличии у советского Госбанка мощных рычагов воздействия на хозяйственный оборот. Только советскому Госбанку имевшиеся у него в наличии небольшие запасы золота и инвалюты позволили поддерживать устойчивость червонца, несмотря на быстрый рост эмиссии и снижение процента золотого покрытия по мере роста эмиссии. Природа советской банкноты с первого же момента ее появления отличалась коренным образом от природы банкноты капиталистического общества. Эмиссия банкнот использовалась как ресурс для кредитования, главным образом, социалистических предприятий. Помимо золотого запаса, мощной основой обеспечения устойчивости червонца были и являются товарные массы, принадлежащие государству.

3. Червонец в качестве твердой советской валюты с большим успехом, чем совзнак, мог выполнять функции советских денег. Падающий совзнак не был надежным средством' учета, червонец сразу же стал им. Пользуясь червонцем, государство могло более

[1] «ВКП(б) в резолюциях и решениях», ч. I, М., 1939 г., стр. 435.

эффективно осуществлять контроль над мерой труда и мерой потребления, чем посредством совзнаков. Червонец стал средством сбережения, а совзнак эту функцию выполнять не мог.

4. Червонец не сразу "утвердился в качестве твердой денежной единицы. В первое время введение в обращение червонцев увеличило валютную «чересполосицу» платежного и расчетного оборота. Перевод бюджета на червонное исчисление затруднил планирование эмиссии совзнаков.

5. Процесс вытеснения совзнака червонцем порождал серьезные противоречия в экономике. Курсовые колебания стимулировали валютную спекуляцию, отрицательно отражались на финансовом положении ряда отраслей промышленности, усиливали расхождение цен на промышленные и с.-х. товары. Система параллельного обращения создавала угрозу «размычки» города и деревни, ибо крестьянство наиболее страдало от обесценения совзнаков. Необходима была срочная ликвидация этой системы, переход к единой устойчивой валюте.

6. Вопреки мнению апологетов так называемой «двухчленной системы валют» (Кузовков, Железнов) опыт применения этой системы показал, что она не может являться нормальной денежной системой Советского государства. Эта система, будучи, необходимой в определенных конкретных условиях, должна рассматриваться как временное и переходное валютно-политическое мероприятие, подготовившее завершение денежной реформы.

Глава девятая

ПРОБЛЕМА ЗОЛОТА

§ 1. Исторические указания Ленина о роли золота для Советского государства

ля денежной политики советской власти огромную роль сыграли ленинские указания о роли золота в нашей экономике. Эта указания должны быть проанализированы в связи с исторической обстановкой первого периода нэпа и в связи с теми тактическими задачами в области экономической политики, которые в то время стояли перед партией и Советским государством.

Учение товарища Сталина о двойственной природе нэпа дает методологическую основу для правильного анализа роли золота на различных этапах нэпа и, в частности, для понимания тех особых методов использования золота диктатурой рабочего класса, которые применялись советской властью в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства.

С переходом к нэпу было допущено для всего населения свободное владение, хранение и распоряжение золотом и серебром в слитках и монете, а также иностранной валютой.

Этой свободой накопления и реализации золота и валютных ценностей, конечно, могли воспользоваться и воспользовались капиталистические элементы.

Однако факт использования золота и иностранной валюты капиталистическими и мелкобуржуазными элементами отнюдь не означал, что в тот период был восстановлен закон стоимости, что золото стало деньгами советской экономики. Закономерности движения советской экономики и в тот период определялись диктатурой рабочего класса., Поскольку все командные экономические высоты советская власть держала крепко в своих руках, постольку использование капиталистическими элементами золота, а также и советских денег ограничивалось определенными рамками: не могло быть и речи о восстановлении той «власти золота», которая господствует в капиталистических странах.

Золото использовалось для выполнения задач экономической политики диктатуры рабочего класса в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства: для оживления мелкотоварного хозяйства в городе и деревне и для восстановления, социалистической промышленности путем, во-первых, ис-пользования золота как твердой единицы учета и контроля и, во-вторых, как покупательского средства на мировом рынке. Необходимо со всей силой подчеркнуть, что золото в обобществленном хозяйстве, а следовательно, и в советской экономике в целом в рассматриваемый период не являлось воплощением стихийных закономерностей — закона СТОИМОСТИ: золото было в руках диктатуры рабочего класса орудием' выполнения хозяйственного плана этого периода — восстановления народного хозяйства в целом, укрепления социалистических элементов и их борьбы против капиталистических элементов.

Учение товарища Сталина о коренном изменении функций и назначения инструментов буржуазной экономики в советском хозяйстве относится, конечно, полностью и к золоту, поскольку оно используется диктатурой рабочего класса для разрешения ее исторических задач.

Это изменение роли золота в СССР произошло не автоматически. Капиталистические элементы пытались овладеть этим инструментом, использовать его для подрыва социалистических элементов. То новое, противоположное капитализму назначение, которое золото получило в условиях диктатуры рабочего класса, утверждалось в ожесточенной борьбе против капиталистических элементов, пытавшихся использовать золото для подрыва социалистических элементов, для восстановления капитализма.

В попытках капиталистических элементов противопоставить золото советской валюте — совзнакам и вытеснить последние из оборота выражалась борьба социалистических и капиталиетических элементов, находила своеобразное выражение проблема «кто—кого» в сфере денежного обращения.

Анализ проблемы золота в период перехода на мирную работу по восстановлению хозяйства должен показать, с одной стороны, угрозу, которая возникла для советской валюты со стороны золота в той степени, в какой последним еще распоряжались капиталистические элементы, с другой стороны, показать те особые методы, посредством которых советская власть использовала золото для осуществления своих задач в период перехода на мирную работу по восстановлению хозяйства; следовательно, показать особую роль и особое, принципиально отличное от капитализма назначение золота в советском хозяйстве.

*

Переход к нэпу в условиях продолжающейся эмиссии совзна-ков создал условия для быстрого подъема «покупательной силы»

золота, что находилось также в связи с оживлением внешнеторгового оборота.

В 1920 г. «покупательная сила» золотого рубля в Москве снижалась до 16 довоенных копеек (по индексу) и не поднималась' выше 40 коп. В 1921 г. подъем «ценности» золотого рубля имел своей исходной точкой 18 коп. и дошел до 74 коп. Если в сентябре 1921 г. «товарный рубль» в совзнаках стоил на 200 проц. дороже золотого рубля, то в сентябре 1922 г. эта разница составляла уже только 107 проц., а в декабре 1922 г. — всего 10 проц.; после ряда колебаний вверх и вниз золотой рубль к концу 1922 г. по своей «покупательной силе» в общем уже был равен довоенному золотому рублю.

При отсутствии устойчивой советской валюты было необходимо использовать золото как средство учета и контроля в обобществленном хозяйстве. Первый декрет, в котором предлагался «счет на золото», был издан 14 ноября 1921 г.,[1] на практике же «счет на золото» применялся хозорганами уже летом — осенью 1921 г. Именно на основе изучения и обобщения этой практики Ленин в своем заключительном слове на VII Московской губпартконференции заявил:

«В настоящее время небольшое число предприятий уже переведено на коммерческий расчет, оплата рабочего труда производится в них по ценам вольного рынка, в расчетах перешли на золото. Но число таких хозяйственных единиц ничтожно, в большинстве же господствует хаос, полное несоответствие между заработком и условиями существования; часть предприятий снята с государственного снабжения, часть осталась на неполном снабжении. Где искать выход? Только в том, что мы научимся, приспособимся, сумеем разрешать эти задачи так, как их необходимо разрешить, т.-е. соответственно данным условиям» [2].

Ленин относился положительно к этой практике «расчетов на золото», ибо считал, что это в той или иной мере дает возможность преодолеть господствовавший в хозяйственных делах «хаос».

Наркомфин еще до создания Госбанка, летом 1921 г., принимает меры к сосредоточению в руках государства золота, необходимого для международных платежей я для стабилизации валюты. На заседании коллегии Наркомфина 15 июня 1921 г. был поставлен вопрос о скупке золота и постановлено: «отпустить 10 миллиардов советских дензнаков на скупку золота» (3). Еще летом 1921 г. Наркомфин разрабатывал вопрос создании устойчивой валюты на золотой основе Эта работа велась по директивам' партии, по прямым указаниям Ленина, который писал в декабре 1921 г. о необ-

[1] Декрет СНК от 14 сентября 1321 г. о порядке исчисления денежной оплаты на право эксплоатации сдаваемых в аренду предприятий.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXVII, стр. 76. (Заключительное слово на VII Московской губпартконференции).

[8] Центр, архив **Наркомфина** СССР, ф. к., он. 9, д. № 1, л. 12,

ходимости восстановить денежное обращение «на основе золотой валюты» (1)

С развертыванием в 1921 г. государственного регулирования торговли и денежного обращения Левин и партия ставят как важнейшую экономическую задачу — накопление золота государством и его рациональное использование. Ленин выступил в «Правде» в ноябре 1921 г. со статьей «О значении золота теперь и после полной победы социализма». Самый этот факт свидетельствует о том большом значении, которое Ленин и партия придавали проблеме золота в тот период.

Эта статья была посвящена не только золоту: с проблемой золота Ленин связывал более широкий вопрос об изменении экономической тактики, а именно — о необходимости постепенного обходного метода действий в коренных вопросах экономического строительства, т. е. перехода от «штурма» к «осаде». Новые общеэкономические тактические задачи ставили по-новому и вопрос о деньгах и золоте. В этой замечательной статье Ленин писал о том, что после победы советской власти в мировом! масштабе не будет надобности накапливать золото, из золота можно будет сделать «...общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира...

Пока же: беречь надо в РСФСР. золото, продавать его подороже, покупать на него товары подешевле. С волками жить — по-волчьи выть...» [2]

Проблема золота поставлена здесь Лениным в связи с проблемой «кто—«ого» в мировом масштабе, в связи с сосуществованием двух систем в мировой экономике.

По мысли Ленина, золото нужно использовать в тех случаях, когда это необходимо для приобретения товаров государством, и нет поэтому никакого основания тратить золото, когда и на советскую бумажную валюту можно приобрести товарные ценности.

Ленин в своей речи на XI партсъезде отмечал как весьма положительный для нас факт то, что иностранные капиталисты «...берут советские деньги за настоящие консервы!» [3]

В .статье Ленина о золоте речь идет о приобретении товаров на золото *за границей в целях индустриализации* страны. Ленин придавал огромное значение правильному использованию государственных экспортных фондов в целях получения золота и инвалюты, необходимых для импорта промышленного оборудования.

«Беречь золото», концентрировать золото в руках государства; использо'вать золото на мировом рынке для восстановления хозяйства и социалистической индустриализации — таковы ленинские директивы о золоте, осуществленные на практике партией под гениальным руководством товарища Сталина в ожесточенной борьбе с контрреволюционными течениями всех мастей и оттенков.

[1] В И Ле*нин,* Соч, т. XXVII, стр. 142.
[2] *Там же,* стр. 82—83.
[8] *Там же,* стр. 249.

золота в руках государства. Соответствующий закон был издан через 3 1/2 месяца после указанного постановления Наркомфина.

Декретом СНК от 4 апреля 1922 г. взамен всех ранее изданных постановлений относительно валютных ценностей было предложено:

1. Отменить обязательную сдачу государству имеющихся у населения золота, серебра, платины и металлов платиновой группы в изделиях, слитках и монете, а равно драгоценных камней и иностранной валюты.

2. Допустить свободное распоряжение указанными в ст. 1 металлами в изделиях и слитках и драгоценными камнями.

3. Сохранить за Государственным банкам монопольное право на покупку и продажу золотой, серебряной и платиновой монеты и иностранной валюты[1].

Монопольное право на покупку и продажу золота и иностранной валюты сохранялось за Госбанком до 1923 г. Сделки же на золото и иностранную ва люту для госорганов и частных лиц были допущены декретом от 15 февраля 1923 г.,[2] т. е. уже после того как в оборот была выпущена твердая советская валюта — червонец.

§ 3. Методы регулирования советской властью валютного рынка. Победа твердой советской валюты —червонца—над золотой десяткой и иностранной валютой

В восстановительный период нэпа существовала определенная угроза вытеснения из обращения советской валюты — совзнаков золото. Золото в некоторых окраинных районах фактически функционировало и как средство обращения, и как платежное средство.

В печати в свое время сообщалось, что некоторые окраины фактически переходят к золотому обращению. В Закавказье были случаи, когда госпредприятия требовали в уплату за своя товары золото. В Бухаре золото являлось весьма распространенным платежным средством. В западной пограничной полосе золото в значительной зтелени вытеснило соззнаки и даже были случаи, когда население предлагало золото в уплату налогов. Однако золото обращалось не только на окраинах.. Очень важен факт повсеместного существования лажа на золотую монету по отношению к слитковому золоту. Этот лаж составлял от 27 до 65 проц. в 1921—22 г.; он территориально возрастал в направлении от центра к периферии. Капиталистические элементы стремились превратить золото в платежное и покупательное средство, а для этого им требовалось золото именно в монетной форме. Только этим можно объяснить столь значительный лаж на золотую монету по отношению к слитковому золоту.

Декрет от 27 июля 1922 г., допустивший прием госорганами платежей золотой монетой, был временным и вынужденным' мероприятием, когда не было еще твердой советской валюты — червонца: этим путем государство могло мобилизовать золотые и инвалютные фонды, находившиеся на руках у населения[8]. Контрреволюционные буржуазные экономисты-сменовеховцы, поддерживая это мероприятие, рассматривали его не как тактику партии, но как

[1] С. У. 1922 г., № 28, ст. 318.

[2] С. У 1923 г., № 15, ст. 189.

[3] Постановление **СТО** от 27 июля, разрешая **госорганам** и предприятиям принимать в платежи инвалюту и благородные металлы в монете, обязывало их немедленно передавать эти ценности в Госбанк для помещения на текущий счет этих органов и организаций (С. У. 1922 г., № 48, ст. 604).

§ 2. Допущение свободы владения золотом частными лицами и накопление золотых запасов Советским государством

В условиях нэпа проблема мобилизации золота государством не могла быть разрешена административными, военно-коммунистиче| скими методами: необходимо было осуществлять эту мобилизацию мерами чисто экономическими, не нарушая допущенной свободы оборота. Ленин указывал на основной метод этой мобилизации: продавать «подороже» на золото имеющиеся в распоряжении государства товары. В этих же целях создания государственного золотого фонда были приняты меры к возрождению и развитию золотодо-бычи и, в частности, был заключен концессионный договор на разработку золотых приисков с иностранной фирмой «Лена-Гольд-фильс». X съезд советов РСФСР указал на необходимость развития экспорта и накопления золотого запаса. Съезд указал, что валютные фонды, потраченные в голодный год на покупку хлеба за границей, должны быть возвращены государству, «поскольку наличие золотого фонда является необходимым страховым запасом государства на случай повторения неурожая или возможных внешних осложнений и для обеспечения золотом твердой валюты страны» (1)

Через месяц после опубликования статьи Ленина о золоте Наркомфии принимает практические меры для осуществления указаний Ленина. В заседании коллегии Наркомфина 17 декабря 1921 г. стоял вопрос «О продаже товаров «а золотую и серебряную монету».

Коллегия вынесла следующее решение по этому вопросу:

«Признать принципиально возможным^ прием Центро - и Губсоюзами при товарообмене с крестьянами золотой и серебряной монеты с тем, чтобы она немедленно сдавалась в кассы по курсу, объявленному Госбанком» [2].

Советская власть, разрешая продавать товары на золото, в то же время категорически воспрещалось покупать товары на золото внутри страны, в частности в пограничной полосе.

Приведем для иллюстрации этого следующую выдержку из телеграммы в Витебск от 10 декабря 1921 г.:

«Наркомвнешторг разрешает закупку в пограничной полосе импортных товаров через губсоюзы с условием платежа малоценным сырьем, не имеющим сбыта в Европе, но воспрещает платежи золотом, романовскими или сырьем фонда» [3].

Однако вполне естественно, что легализация приема золота в обмен за товары фактически означала легализацию владения золотом и отчуждения золота и золотой монеты их владельцами. Без этой легализации нельзя было осуществить и задачу мобилизации

[1] X съезд советов РСФСР, «Съезды советов в постановлениях и резолюциях», М., 1935 г., стр. 242.

[3] Центр. архив Наркомфина СССР, ф. к., оп. 9, д. № 1, л. 44. [8] ЦАОР, ф. 130, он. 21, д. № ДОЗ, л. 181.

эволюцию в направлении подчинения советской денежной политики стихийным силам рынка, действующим в направлении восстановления капитализма.

На самом же деле выпуск в обращение червонцев и активное регулирование их курса, создание и развитие системы планового регулирования товарных цен (см. гл. X) и, наконец, отмена декретом от 15 февраля 1923 г. приема платежей золотой монетой и закрепление монополии законного платежного средства только за советской валютой означали *в* сфере денежного обращения переход з наступление на капиталистические элементы.

Далее, внедрение з оборот червонцев и активное валютное маневрирование внутри страны и за границей были такими мероприятиями денежной политики пролетарского государства, которые означали ограничение и борьбу со стихийными силами рынка и денежного обращения при посредстве тех методов, которые присущи самому товарному хозяйству.

Так называемая «валютная интервенция» заключалась в том, что Госбанк выбрасывал на вольный валютный рынок золотые монеты и инвалюту и этим снижал курс последних и повышал курс червонца, имея конечной своей целью достигнуть паритета червонца с золотой десяткой и инвалютой по установленному законом золотому содержанию червонца. Валютные курсы испытывали давление валютной интервенции.

Чтобы вскрыть происшедшие в период 1922—1924 гг. сдвиги на валютном рынке в связи с внедрением в обращение червонца, затем казначейской валюты, а также в связи с мероприятиями по воздействию на курсы золота и инвалюты, нам необходимо рассмотреть данные о движении валютных курсов.

Лаж золотой десятки по отношению к золотым слиткам на Московском рынке 1 апреля 1923 г. составлял 4 руб. 29 коп., а к 1 декабря 1923 г. лаж золотой монеты упал до 2 руб. 40 коп.

С лета 1923 г., т. е. с момента завершения процесса «внедрения» червонца в оборот, в итоге колебаний вверх и вниз лаж на золотую монету по отношению к слитковому золоту обнаруживает резкую тенденцию к понижению, которая в конце концов после завершения денежной реформы в 1924 г. приводит к уравнению «цены» золота в монете и слитках.

Эта тенденция имела своим конечным результатом то, что золотая монета была вытеснена из оборота в качестве средства обращения и платежа твердой советской валютой. Потеряв свои преимущества., золотая монета превратилась в такое же орудие тезаврирования, как и золотые' слитки, и поэтому произошло уравнение «цены» золотой монеты и золотого слитка.

Закрепление позиций червонца в обороте лишило золотую десятку ее преимуществ на рынке по отношению к инвалюте так же, как и по отношению к золотым слиткам.

По всем линиям золотой монете был нанесен удар. Что же касается инвалюты и прежде всего английского фунта стерлингов, то лаж последнего по отношению к червонцу исчез уже в октябре 1923 г.

Таковы результаты борьбы Советского государства на валютном рынке за твердую советскую валюту. Эту борьбу советская власть начала осенью 1922 г. и успешно завершила ее в течение очень короткого срока — двух лет.

Конечно, проведение маневров валютной интервенции стоило государству денег (золота и инвалюты). Некоторая сумма брошенных на вольный рынок фондов золота и инвалюты не возвратилась обратно в банк и осела в частных руках; немало золота «прилипло» к рукам спекулянтов. Однако в общем валютная интервенция в тех условиях была необходима[2] и дала положительный эффект: валютный курс червонца укрепился, а золотые запасы, несмотря на сброску части фондов, не только не уменьшились, но на протяжений 1923 г. непрерывно возрастали.

Возможность успешного валютного маневрирования базировалась на благоприятном платежном балансе, который давал превышение предложения инвалюты над . спросом. Эта активность платежного баланса была достигнута благодаря директивам партии и правительства в этой области, т. е. явилась результатом плановых мероприятий пролетарского государства.

Эти мероприятия создали конъюнктуру валютного рынка, благоприятную для червонца и укрепившую его позиции. Но для этого необходима также была сдержанная эмиссионная политика Госбанка.

К концу 1923 г. червонец повсеместно, даже на пограничных окраинах, вытесняет из платежного оборота золото и инвалюту.

К концу 1923 г. были созданы все условия для обеспечения полного единства советской денежной системы на базе твердой валюты и вытеснения из оборота золота где бы то ни было на территории Советского Союза.

§ 4. Борьба **партии** против буржуазных контрреволюционных **установок** в вопросах теории **и** политики денежного обращения **СССР**

Ленин на XI съезде партии сказал, что «Управлять хозяйством мы сможем тогда, если коммунисты сумеют построить это хозяйство чужими руками, , а сами будут учиться у этой буржуазии и направлять ее по тому пути, по которому они хотят» [2]. На первых порах пролетарскому государству приходилось, действительно, кое-чему учиться у буржуазии. Госбанк применял методы валютного маневрирования на вольном рынке, известные в практике буржуазных государств. Советское государство пользовалось для осуществлен

[1] В дальнейшем после завершения денежной реформы, когда окончательно была стабилизована валюта, валютная интервенция стала ненужной и вредной: она создавала угрозу потери государством золотого и инвалютного фонда.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXVII, стр. 246.

ния своих задач денежной политикой «чужими руками». Но партия Ленина—Сталина сумела поставить границы участию этих «чужих рук» в практической работе советских учреждений, лишив их возможности направить по своему пути денежную политику, как того хотели троцкистско-бухаринские предатели.

В коренных вопросах теории советских денег и денежной политики существовало полное единство взглядов между троцкистами и правыми, с одной стороны, и буржуазными реставраторами типа Юровского, с другой стороны. И те и другие считали, что никакого иного пути денежной политики, кроме восстановления и неуклонной охраны золотого механизма денежного обращения, у нас нет и не может быть.

Они всемерно пропагандировали ту «идейку», что стихийная тенденция завоевания золотом роли действительных денег в нашей экономике — якобы «здоровый и неотвратимый процесс» и что всякие попытки регулировать советскую бумажную валюту не через золотой механизм, но иными путями представляют собой будто бы плод кабинетных размышлений.

Юровский являлся главой контрреволюционной буржуазной «школы» в области денежного обращения: троцкисты, зиновьевцы и правые повторяли по существу его вульгарные «теории» [1].

Практика социалистического строительства не оставила камня на камне от прогнозов этого реакционного финансиста. Жалкими и ничтожными выглядят теперь те «страшные» прогнозы неизбежности хозяйственного кризиса и развала, которые поддерживали предатели-троцкисты и правые.

Юровский утверждал, что в советской хозяйственной системе равновесие должно достигаться как равновесие товарно-денежного хозяйства. Согласно этой контрреволюционной буржуазной концепции планирование экономики в СССР — лишь результат... «нарушенного равновесия»: и планирование материального производства, и планирование товарооборота, и, наконец, кредитное планирование есть якобы только «аномалии», которые наблюдаются... и в капиталистическом хозяйстве.

«Концепция» Юровского снимала, конечно, проблему особого качества и коренного изменения функций денег в советском хозяйстве, а следовательно, и особых принципов регулирования советской денежной системы по сравнению с капиталистической. Вопрос о денежной системе решался весьма «просто». Юровский считал, что в целях укрепления золотого курса советской валюты необходимы кредитно-денежная рестрикция и увеличение золотых запасов в несколько раз и этому должна быть подчинена экономическая политика Советского государства; никаких планов индустриализации осуществлять нашему правительству Юровский не «разрешал», хотя сие, конечно, от него никак не зависело! Таким образом, в лице Юровского злейший враг социализма, реакционный буржуа, выступал открыто. «Теоретические аргументы» здесь «пришивались» к контрреволюционным реставраторским требованиям...

Аналогичные взгляды развивал Сокольников, разоблаченный впоследствии в качестве участника троцкистско-бухаринской банды. Перенося закономерности денежного обращения капиталистического общества на советскую экономику,

[1] См. критику теории Юровского в статье Г. Козлова «Заметки о кулацкой денежной политике» в «Проблемах экономики» № 10 за 1930 г.

Сокольников требовал саздания «классического» золотого механизма денежного обращения, как якобы единственно приемлемого и нормального денежного механизма для советской экономики.

Требуемое Сокольниковым постоянное и неуклонное поддержание паритета между инвалютой и червонцем означало на практике не что иное, как фактическое осуществление размена советских денег на золото в форме золото-девизного стандарта. Но при этой системе политика кредитования и финансирования целиком и полностью связана «золотыми оковами», и в эти оковы хотел Сокольников заковать развитие нашей экономики, чтобы сорвать индустриализацию и восстановить капитализм. Сокольников толкал наше государство на путь «смычки» с капитализмом не только внутренним, но и мировым, причем в этой «смычке» советское хозяйство должно было играть пассивную роль по отношению к мировому рынку и мировой валюте.

Развивая и пропагандируя эту капитулянтскую, контрреволюционную «теорию», предвещая в дальнейшем целый ряд денежных и валютных кризисов, Сокольников стремился подчинить все экономическое развитие нашей страны полигике накопления золотых запасов и сорвать индустриализацию страны.

Товарищ Сталин на XIV съезде партии дал уничтожающую критику капитулянтской концепции Сокольникова.

Товарищ Сталин доказал, что «генеральная линия» Сокольникова — это дауэсизация нашей страны. Разоблачая троцкистско-меныпевистский характер разговоров оппозиции о госкапитализме, товарищ Сталин доказал, что Сокольников стоял целиком на этой троцкистско-меныневистской позиции. Товарищ Сталин вскрыл антиленинскую теоретическую основу политических ошибок Сокольникова и в связи с этим дал свое замечательное определение сущности нэпа, а также особой природы и функций советских денег.

Предатели-троцкисты были заодно с правыми предателями, в частности они также ставили целью нашей денежной политики восстановление золотого обращения. Так, Преображенский возражал лишь против целесообразности размена советских денег на золото в данный момент, в 1922—23 гг., но в перспективе ему рисовалось полное и безусловное восстановление роли золота в СССР в качестве действительных денег, а именно переход советского хозяйства к «нормальному» золотому обращению. Различие тактических установок троцкистов и правых предателей в области денежного обращения заключалось лишь в том, что правые пытались через золотое денежное обращение содействовать реставрации капитализма в нашей стране, а троцкисты, проповедуя инфляцию, пытаясь сорвать денежную реформу, хотели притти к той же целя путем развала нашей денежной системы и разрыва смычки рабочего класса и крестьянства, а затем уже восстановить золотое обращение.

'Ленинскую теорию советских денег поднял на высшую ступень товарищ Сталин, который не только развил ленинское учение о деньгах и золоте и отстоял его против оппортунистических искажений, но и гениально применил его в практике осуществления генерального плана социалистической индустриализации страны.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

1. Проблема золота была поставлена Лениным з связи с проблемой «кто—«ого?» в мировом маштабе в связи с сосуществованием и борьбой двух систем хозяйства — советской и капиталистической. Концентрация золота в руках государства, лозунг «беречь

золото», использование золота и выручки от экспорта товаров на мировой рынок для восстановления хозяйства и проведения социалистической индустриализации страны — таковы ленинские директивы о золоте и деньгах, осуществленные на практике партией под руководством товарища Сталина в ожесточенной борьбе с контрреволюционными течениями в финансовой и денежной политике.

2. Активное валютное маневрирование методами так называемой «валютной интервенции» в 1923—24 гг. следует рассматривать как временный, необходимый в условиях первого периода нэпа тактический прием денежной политики советской власти. Эта валютная политика имела целью регулирование и ограничение стихийных сил рынка и денежного обращения. Она содействовала созданию условий для роста обеспечения советской валюты, для концентрации золота в руках Советского государства.

3. В результате применения этой политики золотая монета была вытеснена из оборота твердой советской валютой — червонцем. Позиции золота и инвалюты внутри страны были подорваны в корне и в окраинных районах. Это было одним из важных условий для достижения полного единства советской денежной системы на базе твердой валюты.

4. Имея общую «теоретическую» основу и общую конечную цель, различные контрреволюционные течения отличались друг от друга различием тактических установок: одни хотели добиться реставрации капитализма через возврат к золотому денежному обращению и допущение неограниченной свободы капиталистического накопления, другие — путем инфляции, подрыва денежной системы, развала хозяйства и обострения противоречий рабочего класса и крестьянства. Однако партия обеспечила правильное в интересах социализма руководство денежной системой, разоблачила и уничтожила все антиленинские установки *в* области теории денег и денежной политики.

Глава десятая

РЕГУЛИРОВАНИЕ РЫНКА И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

(1921 —1923 гг.)

§ I. Перестройка системы регулирования цен после перехода к нэпу

Свобода оборота, допущенная нэпом, не означала неограниченной свободы торговли.

«Пролетарское государство, — писал Ленин, — не изменяя своей сущности, может допускать свободу торговли и развитие капитализма лишь до известной меры и только при условии государственного регулирования (надзора, контроля, определения форм, порядка и т. д.) частной торговли и частно-хозяйственного капитализма» [1].

Регулирование рынка и денежного обращения не должно было на первых порах препятствовать развитию мелкого хозяйства и в известных пределах частного предпринимательства, капитализма.

Задача пролетарского государства заключалась в том, чтобы на первом этапе нэпа через торговую смычку установить прочный экономический союз рабочего класса и крестьянства и подготовить производственную смычку. Политика цен должна была обеспечить укрепление смычки города и деревни и содействовать восстановлению хозяйства.

Переход к нэпу потребовал коренного изменения той системы цен, которая сложилась в процессе развития советской экономики в период гражданской войны. С пересмотра и перестройки военно-коммунистических принципов регулирования цен начинается развитие системы регулирования цен при нэпе.

Через несколько месяцев после перехода к нэпу, летом 1921 г., Комитет цен при ВСНХ разработал новые принципы промышленной калькуляции. Если раньше твердые цены были оторваны от рыночных цен, то теперь была поставлена задача установления себестоимости на уровне, покрывающем издержки производства по рыночным ценам. А это означало ликвидацию двойственности цен, установление системы единых цен. В новой инструкции Комитета указывалось, что материалы, топливо и другие расходы натурой

[1] *В, И. Ленин,* Соч., т. XXVI!, стр. 148.

расцениваются по их рыночной стоимости, независимо от того, когда и по каким ценам они поступили в предприятие. В случае же невозможности установления цен на них «а вольном рынке предлагалось устанавливать их довоенную цену и переводить последнюю на совзнаки по курсу.

Вопросы политики цен обсуждались в Финансовой комиссии Совнаркома 16 и **19** июля **1921 г. На** этих заседаниях были установлены следующие принципы регулирования цен.

На товары строго монопольного характера (сахар, соль, керосин, спички, табак и пр.) устанавливались розничные твердые цены, по которым повсеместно производится продажа. На все прочие товары устанавливались оптовые цены с учетом довоенных цен' и обесценения совзнака. По этим ценам производились расчеты между ведомствами и отпуск товаров кооперативам. Последним разрешалось свободно устанавливать продажные цены. Цены на товары устанавливались Комиссией цен при Наркомфиие из представителей Наркомфина, ВСНХ, Наркомпрода, Наркомзема, Наркомвнешторга и Комиссии использования. Комиссия разрабатывала цены, исходя в основном из довоенных цен.

Декретом от 5 августа 1921 г. был создан, кроме Комитета цен при ВСНХ, Комитет цен при Наркомфиие, который сконструировался во второй половине августа [x].

Следуя директивам Правительственной комиссии, Комитет цен Наркомфина главное свое внимание обращал на то, чтобы реализация госорганами товаров на рынке не приносила государству убытков.

В одном из постановлений Комитета цен Наркомфина указывалось, что «по общему правилу цены должны быть не ниже себестоимости товаров и не выше рыночных цен. Низший предел диктуется требованием, чтобы продажа не производилась в убыток, высший обусловливается невозможностью сбыта выше рыночной цены...» [2]

Обязательное покрытие себестоимости в ценах реализуемых товаров вытекало из перевода предприятий на хозрасчет, который требовал от предприятий безубыточной работы.

В этот период реализация товаров на рынке еще сочеталась с организованным товарообменом, с одной стороны, и натурснабжением по твердым фиксированным ценам, с другой стороны. Однако Комитет цен основной расчетной ценой для всех государственных и кооперативных организаций считал не твердые цены карточного снабжения, но оптовые цены, устанавливаемые им самим. А эти цены устанавливались с учетом уровня рыночных цен. Так, Комитет вынес решение о том, что «предметы, распределяемые между населением по карточкам, и продукты детского питания расцениваются на общих основаниях», т. е. по ценам Комитета, близким к рыночным ценам, и оплачиваются соответствующими учреждениями [3]

[1] «Известия НКФ», 1921 г., № 12, стр. 17. После создания Комитета цен при Наркомфиие Комитет цен при ВСНХ не был ликвидирован, но был лишен права непосредственно регулировать цены, что перешло к Наркомфину. Представитель Комитета цен при ВСНХ входил в Комитет цен при Наркомфиие; причем ВСНХ представлял в Наркомфин калькуляцию себестоимости, на осно ве которой Комитет цен Наркомфина устанавливал оптовые продажные цены.

[2] «Известия **НКФ», 1921 г., № 12,** заметка «В Комитете цен», стр. 18. -

[8] ***Там же.***

Комитет цен считал, что карточная система и вообще натуральное снабжение по твердым ценам должны быть в ближайшее время ликвидированы. На оплату же некоторых продуктов, отпускавшихся' населению по ценам значительно ниже рыночных цен и цен Комитета, государство отпускало соответствующие бюджетные дотации.

Таким образом, основными расчетными ценами для государственных и кооперативных организаций, находящихся на хозрасчете, стали цены Комитета, в основном соответствующие рыночным ценам.

Первоначально оптовые цены, устанавливаемые Комитетом цен Наркомфина, были обязательными для государственных организаций. Однако в начале 1922 г. Госплан и ВСНХ подвергли коренной (ревизии этот принцип, выдвинув вместо него принцип так называемых *«ориентировочных цен».*

Финансово-бюджетная подсекция Госплана 2 января 1922 г. постановила «признать, что Комитет цен Наркомфина и Губкомцен не предписывают твердых цен, но определяют лишь ориентировочные отпускные цены»[1]. Аналогичный проект в феврале 1922 г. был выдвинут также и ВСНХ.

По этому проекту цены, устанавливаемые Комитетом, должны рассматриваться как минимальные цены, максимальная же цена—это та цена, по которой удастся реализовать продукт на рынке. Принцип фиксации минимальных цен имел основание в условиях 1922 г., когда продажные цены товаров в госпромышленности были ниже себестоимости и таким образом разбазаривались государственные ценности. Но в конце 1922 г. разбазаривание прекратилось. После того как были созданы синдикаты, тресты, они, используя свое монопольное положение, стали безудержно повышать цены. В этой обстановке задачи регулирования цен коренным образом изменились. Предоставление госорганам (трестам) права устанавливать любые максимальные. цены, которые приемлет рынок, означало по существу отказ от регулирования цен. И на эту вреднейшую троцкистскую позицию встали руководители Комитета цен Наркомфина, обосновывая ее необходимостью предоставить трестам так называемую «хозяйственную автономию».

§ 2. Роль частника в товарообороте — слабость органов регулирования торговли

XI Всероссийская конференция партии в 1921 г. в своей резолюции подчеркивала, что задача партии «...исходя из наличия рынка и считаясь с его законами, овладеть им и путем систематических, строго обдуманных и построенных на точном учете процесса рынка экономических мероприятий взять в свои руки регулирование рынка и денежного обращения»[2].

Приостановка отступления и переход в наступление требовали в отношении рынка не только наблюдения и изучения торговли, учета конъюнктуры, но и перехода к активному регулированию, основанному на «точном учете процесса рынка», и прежде всего упорядочения и регулирования государственной и кооперативной торговли,

[2] Центр, архив Наркомфина СССР, ф. к., оп. 8, д. № 6, лл. 114 к 111. [3] «ВКП(б) в резолюциях и решениях», ч. I, стр. 416.

Местные органы уже в октябре 1921 г. ставили вопрос о необходимости создания организаций для регулирования торговли и в ряде мест были созданы комиссии по регулированию торговли[1].

Через два месяца после речи Ленина на XI съезде партии, на котором Ленин заявил, что отступление окончено, в мае 1922 г. при Совете труда и обороны была создана комиссия по внутренней торговле (Комвнуторг), а на местах—местные комвнуторги. Эта комиссия должна была взять на себя выполнение функций по регулированию товарооборота и цен.

Для регулирования цен советская власть уже в тот период обладала большими возможностями. В беседе с иностранным корреспондентом Рансомом Ленин в ноябре 1922 г. говорил: «Самостоятельного влияния на цены нэпман не сможет иметь, ибо он не производитель» [2]. Наличие в руках пролетарского государства всей крупной промышленности и, следовательно, подавляющей части фабрично-заводской продукции давало полную возможность поставить и разрешить проблему регулирования рынка и регулирования цен. Перевод предприятий на коммерческий расчет не означал, что они могут вести 'монополистическую торговую политику, не считаясь с общегосударственными задачами в области политики цен и прежде всего не считаясь с задачей укрепления смычки города с деревней.

Предатели родины — троцкисты—в тот период вели провокационную кампанию за так называемую «автономию» трестов, за освобождение их от контроля государства и активно боролись против политики снижения цен. Гнусный предатель Пятаков своим приказом от 16 июня 1923 г. категорически предписывал предприятиям строить всю свою деятельность с расчетом на получение наибольшей прибыли. Эта политика вела к монопольному повышению цен, к затовариванию, к расхождению цен на промышленные и с.-х. товары и, в конечном счете, к подрыву смычки рабочего класса с крестьянством и срыву социалистического строительства. Эта политика была иаруку частному капиталу, который захватил в свои руки до 80 проц. всей розничной торговли.

На рынках особенно ходовых товаров, как, например, на мануфактурном рынке, частник играл крупную роль также и в оптово-посреднической торговле.

Старые мануфактуристы-оптовики первоначально выступали под разными псевдонимами («Югпромторг», «Снабпродукт» и т. д. и т. п.), затем стали появляться вывески мануфактурных торговых предприятий уже с собственными именами. Крупные провинциальные оптовики имели своих представителей в Москве для поддержания непрерывных связей с трестами и регулярных закупок мануфактуры на вольном рынке.

[1] В телеграмм из Гомеля в СТО от 25 октября 1921 г. сообщалось о соз-дании комиссии по регулированию торговой деятельности хозорганов. {ЦАОР, ф. 130, оп. 21, д. № 103, лл. 94—95).

[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXVII, стр. 33S.

«В то время советская торговля была еще очень слаба. Очень слаб был торговый аппарат, навыков к торговле у коммунистов еще не было, врага-нэпмана еще не изучили, не научились еще бороться с ним. Частные торговцы, нэпманы, воспользовались слабостью советской торговли и захватили в свои руки торговлю мануфактурой и другими ходовыми товарами. Вопрос об организации государственной и кооперативной торговли приобретал громадное значение» (1).

Некоторые советские мануфактурные тресты широко пользовались посредничеством частника. Иваново-Вознесенский трест даже устанавливал для частников более льготные условия продажи, чем для госорганов и кооперации. Госорганам не давалось никаких скидок с прейскуранта, а частникам — 5 проц. скидки; при продаже в кредит госорганы вносили 25 проц. наличными, а частники— не более 10 проц. и т. д. «Частный капитал пользуется обширными привилегиями при отправке своих грузов: частные отправители любезно осведомляются железнодорожной администрацией о наличии свободных вагонов, запрашиваются, сколько оставить подвижного состава в их распоряжении. Неудивительно, что срочные грузы хозорганов и кооперации отправляются несвоевременно» [2].

В некоторых местах филиалы Госбанка вели преступную антигосударственную политику: они прямо или косвенно (через общества взаимного кредита, а также путем учета предъявляемых госорганам векселей частных капиталистов) направляли на кредитование частных капиталистов более половины своих ресурсов (например, в некоторых городах на Северном Кавказе).

Подобные действия нэпманских и вредительских элементов грубейшим образом извращали политику, проводимую партией в отношении частного капитала.

Не удивительно, что в результате таких предательских действий отдельные государственные и кооперативные организации оказывались «неконкурентноспособными». А ведь предателям и нэпманам только этого и надо было: их задача была дискредитировать государственные и кооперативные организации, доказать их «нежизненность» и «плодотворность» деятельности частного капитала. Наряду с определенной политической линией в этой практике сказывалась также и личная заинтересованность некоторых засевших в госорганах дельцов, которые делили с частными капиталистами спекулятивную прибыль от реализации товаров.

Немало подобных «меценатов» частного капитала попало за эти преступные антисоветские «коммерческие» дела на скамью подсудимых и получило по заслугам от пролетарского суда.

Приобретение товаров одним госорганом у другого госоргана при посредничестве частника было до 1924 г. весьма обычным явлением.

Слабость государственного регулирования торговли, кредита и цен до осени 1923 г. была наруку частному капиталу. Последний проникал повсюду, использовал рыночную обстановку для получения больших конъюнктурных прибылей. В то же время политика высоких цен ряда трестов содействовала увеличению расхождения

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», 1938 г., гл. IX, стр. 248. [5]
«Экономическое обозрение», апрель 1925 г., стр. 192.

цен промышленных и сельскохозяйственных товаров, что угрожало серьезными экономическими и политическими последствиями,

В этой обстановке политика «регулирования» рынка путем лишь «наблюдения» за конъюнктурой рынка и пассивного приспособления к ней, которую, как мы указали, стремились проводить предательские элементы, пробравшиеся в аппарат ряда ведомств, приносила большой экономический и политический вред.

Так как основная масса фабричной продукции, поступавшая на рынок, принадлежала государству, то все элементы себестоимости, определявшие продажные цены, так или иначе устанавливались государством. Правильное руководство рынком требовало полного единства действий советских организаций в отношении цен. чего не удалось достигнуть вплоть до начала 1923 г.

*

В 1922 г. продажные цены устанавливались в совзнаках. Летом—осенью 1922 г. темп роста цен в совзнаках замедлился. Ком-внуторг в интересах стабилизации совзнака стремился с начала 1923 г. сдержать рост цен — обесценение совзнака. Комвнуторг в этот момент мог и должен был регулировать рыночное соотношение цен (в совзначном и золотом выражении) на промышленные и сельскохозяйственные товары, а также соотношение оптовых и розничных цен.

О так называемом «растворе ножниц» (процентное отношение индекса цен промтоваров к индексу цен сельскохозяйственных товаров, .принятому за 100 проц.) можно судить по следующей таблице [1]:

Даты	Розничные	Оптовые	Даты	Розничные	Оптовые
1 августа 1922 г. . .	99	74	1 апреля 1923 г. . .	186	199
1 октября 1922„ . .	138	111	1 июля 1923 „ . .	220	206
1 января 1923 „ . .	170	152	1 октября 1923 „ . .	315	320

1921—22 г. характеризуется ввиду неурожая высокими ценами на с.-х. товары и относительно низкими ценами на промтовары, причем последние были значительно ниже себестоимости, что и приводило к «разбазариванию» основных фондов госпромышленности. Разрыв цен в этот период был в пользу сельского хозяйства.

Из приведенной таблицы мы видим, что еще к августу 1922 г. индекс оптовых цен сельскохозяйственных товаров был на 26 проц. выше индекса цен промтоваров.

С осени 1922 г. под влиянием хорошего урожая темп роста цен на с.-х. товары значительно отстает от темпа роста цен на промтовары, «разбазаривание» принадлежащих государству ценностей прекращается, отпускные цены на продукцию госпромышленности пересматриваются в сторону повышения и, как показывает таблица, расхождение цен с сентября — октября происходит уже в обратном направлении — в пользу промышленности, в ущерб сельскому хозяйству. ....

[1] «Экономическое обозрение», 1923 г., № 12, стр. 15.

В прекращении «разбазаривания» и в укреплении коммерческого расчета (хозрасчета) среди наших промышленных и торговых организаций большую роль сыграло проведение *первого этапа денежной реформы,* а именно — выпуск в обращение червонцев.

Государственная промышленность и торговля получили благодаря эмиссии червонцев значительные суммы кредитов в твердой валюте.

§ 3. Причины кризиса сбыта 1923 г. и мероприятия партии для ликвидации этого кризиса. Необходимость денежной реформы для ликвидации трудностей восстановления хозяйства

Многие госорганы с осени 1922 г. от чрезмерно низких цен, ведущих к «разбазариванию», перешли к 'Противоположной крайности — к политике высоких цен и накоплению сверхприбылей. Комвнуторг в этот момент не препятствовал проводимой трестами и синдикатами политике высоких цен. Напротив, в отношении, например, основных товаров массового крестьянского потребления — хлопчатобумажных тканей «Комиссия обращалась с чрезвычайной бережностью с представляемыми на ее утверждение ценами. Не было ни одного случая неутверждения представляемых синдикатом цен с точки зрения себестоимости и рыночной конъюнктуры. Правом утверждения цен Комиссия пользовалась лишь как орудием контроля над ценами» (1) Как мы видим, в этот момент (декабрь 1922 г.) Комиссия под влиянием троцкистских элементов занимала оппортунистическую позицию: она осуществляла «последующий», а не «предварительный» контроль над ценами, *фактически лишь штампуя синдикатские цены*.

От метода «регулирования» цен путем деклараций и академических исследований себестоимости продукции и конъюнктуры рынка необходимо было перейти к активному нажиму по линии цен на промышленные и торговые организации, которые за счет улучшения организации производства и торговли, экономии накладных расходов, ограничения своих аппетитов в отношении прибылей и т. д. имели большие резервы для снижения своих отпускных цен в золотом или червонном исчислении.

Уже весной 1923 г. рыночная конъюнктура сигнализировала об угрозе «кризиса сбыта».

XII съезд партии, происходивший в апреле 1923 г., в своей резолюции о промышленности, отметив успехи, достигнутые нами в развитии хозяйства, вместе с тем *сигнализировал о явном неблагополучии в сфере рынка,* а именно об отсутствии правильного регулирования цен легкой промышленности [2].

Съезд поставил перед планирующими и регулирующими органами задачи Достижения более отвечающего потребностям промыш-

[1] «О регулировании цен на хлопчатобумажные изделия»—«Экономическая жизнь» от 13 декабря 1922 г., № 282.

[8] «ВКП(б) в резолюциях и решениях», ч. I, стр. 487—488,

ленного развития регулирования цен и установления более йога мальных соотношений между отраслями промышленности.

Съезд особо подчеркнул: *«Взаимоотношения между легкой промышленностью и тяжелой никак не могут разрешаться только рыночным путем, ибо это фактически грозило бы в ближайшие годы разрушением тяжелой промышленности, с перспективой восстановления ее затем в результате стихийной работы рынка, но уже на основах частной собственности» (1)*

Восстановление народного хозяйства было связано с трудностями. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» дан глубокий анализ трудностей восстановления народного хозяйства: «Первые же годы борьбы за восстановление народного хозяйства привели к значительным успехам. К 1924 году подъем наблюдался во всех областях...

Но все еще давали себя знать результаты еще неликвидированной разрухи. Промышленность еще отставала от довоенного уровня, ее рост значительно отставал от роста потребности страны. К концу 1923 года насчитывалось около миллиона безработных,— медленный рост народного хозяйства не давал возможности рассосать безработицу. Торговля развивалась с перебоями ввиду чрезмерно высоких цен на городские изделия, навязанных стране нэпманами и нэпманскими элементами в наших торговых организациях. В связи с этим советский рубль стал сильно колебаться, ценность его падала. Все это тормозило улучшение положения рабочих и крестьян» [2].

Задача обеспечения рентабельности промышленности, усиления социалистического накопления отдельными трестами и синдикатами, а также в некоторой мере планирующими и регулирующими органами была истолкована как предоставление неограниченной свободы получения прибылей и монопольного установления в этих целях максимальных продажных цен, что противоречило указаниям XII съезда РКПб)[8].

И после съезда себестоимость промышленных товаров продолжала подниматься, а цены — интенсивно расти, что в связи с падением цен на с.-х. товары привело к дальнейшему и резкому увеличению раствора «ножниц цен».

Если в апреле 1923 г. индекс цен промтоваров составлял 186 проц. по рознице и 199 проц. по опту по отношению к индексу цен с.-х. товаров, то к октябрю 1923 г. этот разрыв увеличился до 315 и 320 проц.; цены на промтовары превышали цены на с.-х. товары в три

[1] «ВКП(б) в резолюциях и решениях», ч. Т. стр. 489.

[3] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 252.

[s] «В погоне за покрытием убытков, понесенных промышленностью за первый год нэпа, ряд хозорганов неправильно применил директиву ХП съезда о необходимости стремиться к прибыльности и чрезмерно поднял цены до уровня, доступного лишь более платежеспособному рынку». (Из резолюций XIII конференции РКП(б). См. сб. «ВКПб) в резолюциях и решениях», ч. I, М, 1936 г., стр. 559).

с лишним раза по сравнению с 1913 г. В отношении ходовых товаров, как, например, ситца, сапог, керосина; разрыв цен был еще больше.

Этот разрыв цен резко снизил покупательную способность крестьянства, а следовательно, емкость рынка промтоваров; ВОЗНИКЛИ затруднения сбыта промтоваров («кризис сбыта»). Эти затруднения сбыта ни в коем случае нельзя объяснить тем, что промышленность производила слишком много товаров; напротив, промышленность еще не достигла довоенного уровня, ее рост значительно отставал от роста потребности страны в промтоварах. Поэтому для преодоления этих трудностей сбыта в противоположность тому, что происходит при кризисах в капиталистических странах, необходимо было, наряду с другими мероприятиями, *не сокращение производства, а, наоборот, его максимальное расширение.* Это ярко показывает, «что кризис сбыта» 1923 г. не имел ничего общего с кризисами перепроизводства в капиталистических странах: он был связан с трудностями восстановления народного хозяйства, с слабостью наших планирующих и регулирующих органов, с нарушением этими органами советской политики цен и с большим удельным весом частника в товарообороте.

'2 ноября 1923 г., уже после того как начался перелом конъюнктуры (уменьшение расхождения цен, рассасывание «кризиса сбыта»), в Госплане состоялось заседание, на котором тов. Струмилин сделал доклад на тему «К проблеме расхождения цен».

Видя главную причину образования ножниц в отставании темпов восстановления промышленности от сельского хозяйства (сбор хлебов в 1923 г. составил около 75 проц. довоенного, в то время как продукция промышленности — только 35 проц.), тов. Струмилин пришел к тому выводу, что «нам прежде всего придется в порядке рассмотрения производственных планов нашей промышленности обеспечить возможно более быстрое их расширение. Дальнейшее повышение нагрузки и производительности труда в нашей промышленности — вот основное условие успешной борьбы с расхождением цен. А все остальное уже само собой приложится». В этом утверждении, что «все остальное уже само собой приложится», сказалась недооценка роли этих так называемых «дополнительных» причин.

Осуществление задачи преодоления хозяйственных трудностей было невозможно без оздоровления всей хозяйственной обстановки, что отнюдь не могло «приложиться само собой», но требовало активных плановых мероприятий по линии торговли и цен, кредита, денежного обращения, т. е. регулирования сферы обращения в целом. Наши болезни в этой сфере не могли не отражаться отрицательно на производстве: как показал дальнейший опыт, устранение их сыграло важную роль в успехах восстановления и развития промышленности в течение последующих лет.

Кризис сбыта 1923 г. выразился в резком уменьшении подвоза с.-х. продуктов из деревни на городские рынки; крестьянство в некоторых районах начало бойкотировать городской рынок; вновь возродилась тенденция деревни к изоляции от города, стремление деревни перейти к натуральному хозяйству. XIII партконференция подчеркнула: «Переживаемые нами хозяйственные затруднения

(кризис сбыта) в значительной степени объясняются недостаточным учетом этих указаний партии на роль и значение крестьянского хозяйства и на особенности, вытекающие из задачи осуществления диктатуры пролетариата в стране с преобладающим крестьянским населением» (1)

Хозяйственными трудностями воспользовался, как указывал товарищ Сталин, частный капитал, который внедрился в торговлю, «...в ту самую торговлю, которая составляет, как говорит Ленин, основное звено в цепи процессов в наше переходное время. И, внедрившись в торговлю, частный капитал укрепился там до того, что у него оказалось в руках около 80 проц. всей розничной торговли и около 50 проц. всей оптово-розничной торговли в стране. Объясняется это молодостью и неналаженностью наших торговых и кооперативных аппаратов, неправильной политикой наших синдикатов, злоупотреблявших своим монопольным положением и вздувавших цены на товары, слабостью нашего Комвнуторга, обязанного регулировать торговлю под углом зрения государства, наконец, неустойчивостью нашей тогдашней совзначной валюты, бившей, главным образом, крестьянина и тем понижавшей его покупательную способность» [2].

1922—23 г. расширил экономические возможности планового воздействия на народное хозяйство.

XII съезд РКП(б) указал, что «государственный план должен охватывать взаимоотношения промышленности, с одной стороны, земледелия, финансов, транспорта, торговли внутренней и внешней, с другой стороны [3].

Решения XII партсъезда и XIII партконференции четко указывали пути и направление развития системы планирования народного хозяйства вообще и регулирования рынка и цен в частности.

Необходимо было добиться снижения цен на промтовары, сжатия раствора ножниц. В отношении госорганов для осуществления этой политики необходимо было использовать не только рычаги финансово-экономического воздействия (в особенности по линии банковского кредита), но широко применить меры прямого контроля и регулирования цен.

Одним из важнейших мероприятий, принятых ЦК РКП(б) для преодоления трудностей восстановительного периода, было решение о проведении денежной реформы — ликвидации совзнака и перехода к твердой и устойчивой валюте:

«Центральный Комитет партии наметил пути устранения всех этих трудностей и недостатков. Приняты были меры к ликвидации кризиса сбыта. Было проведено снижение цен на предметы широкого потребления. Решено было провести денежную реформу — пе-

[1] «ВКП(б) в резолюциях и решениях», т. I, стр. 557.
[2] *И. Сталин,* Об итогах XIII съезда РКП(б), Харьков, изд. «Пролетарий», 1924 г., стр, 10.
[8] «ВКП(б) в резолюциях и решениях», т. I, 1936 г., стр. 489.

рейти к твердой и устойчивой валюте, к червонцу. Упорядочили дело с выдачей рабочим заработной платы. Намечены были меры по развертыванию торговли через советские и кооперативные органы и вытеснению из торговли всякого рода частников и спекулянтов»[1].

Проведенные накануне денежной реформы меры, направленные на снижение цен промтоваров как по линии ВСНХ и Комвнуторга {снижение себестоимости на основе развертывания производства, снижение накладных расходов, увеличение производства промтоваров, снижение торговых накидок и прибылей и пр.), так и по линии кредитной политики Госбанка (сжатие кредитования затоварившихся предприятий, увеличение кредитов на заготовки хлеба и сырья), быстро дали положительные результаты.

Начиная с октября 1923 г., лезвия «ножниц цен» стали смыкаться. Оптовый индекс цен промтоваров Госплана снизился с 2,76 на 1 октября 1923 г. до 2,43 на 1 ноября и 2,29 на 1 декабря, 2,29 на 1 января 1924 г. и 2,26 на 1 февраля, а индекс цен сельскохозяйственных товаров возрос с 0,88 на 1 октября 1923 г. до 1,53 на 1 февраля 1924 г.

Успешная борьба с хозяйственными трудностями показала наличие больших возможностей для государственного воздействия на уровень цен товаров и обеспечения этим методом устойчивости советской валюты.

К моменту завершения денежной реформы в 1924 г. хозяйственные трудности этого периода еще не были преодолены, но они и не могли быть до конца преодолены, пока сохранялась система двух валют. Ликвидация этой системы, переход к единой устойчивой валюте был одним из важнейших и необходимых шагов на пути ликвидации обострившихся в конце 1923 г. хозяйственных трудностей.

Воздействие на отпускные цены промышленности еще не разрешало проблемы регулирования рынка и цен в целом. Необходимо было осуществлять снижение цен и в розничной торговле, где большую роль играл частник. Цены же частной розничной торговли не являлись и не могли быть объектом *прямого* планирования или административного контроля и регулирования. Увеличение разрыва оптовых и розничных цен могло свести на-нет политику снижения цен и привести лишь к тому, что вся разница между сниженными оцтовыми ценами и стабильными или возросшими розничными ценами попала бы в карман частных торговцев, которые стремились к повышению розничных цен, но к этому же стремились подчас и многие кооперативные организации в целях накопления прибылей.

В этот момент разрыв между оптовыми и розничными ценами был весьма значительным. До войны розничные цены в Москве в среднем по 13 ходовым товарам превышали оптовые цены на 21 проц. По исчислениям Госплана, в октябре — декабре 1922 г. по 19 товарам 19 крупнейших рынков это превышение составляло око До

История ВКП(б). Краткий курс», стр. 253.

50 проц. (49,1 проц.), в январе—марте 1923 т.—46,4 проц,, в апреле—июне—42,7 проц., в июле—сентябре—38,7 проц. В среднем за 1922—23 г. розничные цены промтоваров превышали оптовые цены на 51,3 проц., с.-х. товаров—на 38,3 проц., а в целом—на 43,9 проц. К 1 октября 1923 г. это превышение составляло 41 проц. Хотя разрыв между оптовыми и розничными ценами в течение 1922—23 г. уменьшился, однако все же это расхождение было чрезмерно большим, что ставило под угрозу эффект мероприятий по снижению отпускных (оптовых) цен госпромышленности.

Чтобы политика снижения цен оказалась эффективной, необходимо было довести это снижение до потребителя, а это можно было сделать лишь путем воздействия *на спрос и предложение* товаров на рынке. В этих целях еще в 1922 г. проводилось *маневрирование товарными массами* по отдельным районам. Резкое увеличение предложения определенного товара на определенном рынке, естественно, в данный момент снижало цены или замедляло темп их роста.

Этот метод государственного регулирования рынка являлся в то же время и специфическим методом регулирования ценности и *обеспечения устойчивости советской валюты.*

Однако маневрирование товарными массами не при всяких условиях может обеспечить устойчивость советской валюты, но лишь при наличии определенных экономических и финансовых предпосылок. Как общее состояние экономики страны, так, в особенности, состояние финансовой системы, а именно огромный дефицит бюджета, лишали советскую власть возможности приостановить эмиссию бумажных денег и обеспечить устойчивый уровень покупательной силы рубля.

Когда же общая экономическая обстановка позволила подойти вплотную к завершению денежной реформы, то маневрирование товарными массами явилось весьма действенным методом стабилизации валюты, наряду с другими финансово-экономическими мероприятиями пролетарского государства, и одновременно сильным орудием социалистических элементов в борьбе против капиталистических, развернувшейся в связи с осуществлением задачи стабилизации рубля.

Маневрирование товарными массами, главным образом за счет внутренних товарных ресурсов, широко применялось в 1924 и 1925 гг.: это был один из (важнейших моментов денежной реформы Советского государства.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

1. В сфере обращения приостановка отступления и переход в наступление на капиталистические элементы требовали активных мер по регулированию рынка, основанному на учете его закономерностей, и прежде всего упорядочения и регулирования государственной и кооперативной торговли. Как указывал Ленин в декабре

1922 г., для регулирования цен советская власть уже в тот период располагала большими возможностями.

2. Проведение на практике некоторыми советскими органами при активном содействии троцкистов принципов «автономии трестов» и «максимума прибыли» вело, наряду с другими факторами, к монопольному повышению цен, к затовариванию и в связи с удержанием низких цен на сельскохозяйственные продукты — к образованию «ножниц цен» на промышленные и сельскохозяйственные товары. А это в конечном счете угрожало подрывом смычки рабочего класса и крестьянства и срывом всего хозяйственного строительства. Эта политика была наруку частному капиталу, который захватил в свои руки ряд участков товарооборота, а предательские оппортунистические элементы и нэпманы в советском аппарате старались оказывать поддержку частнику в его борьбе против государственных и кооперативных торговых организаций.

3. Для преодоления кризиса сбыта 1923 т. необходимо было усилить государственное регулирование цен, снизить оптовые и розничные цены промтоваров и подтянуть цены на сельскохозяйственные товары. Для этого необходимо было не только воздействовать на промышленность (увеличить Производство, снизить себестоимость, повысить производительность труда), но и активно воздействовать на сферу обращения по линии заготовок сельскохозяйственных продуктов, товаропроводящей системы, банковского кредита, денежного обращения; необходима была и активная борьба с частным капиталом. Эти меры быстро дали положительные результаты. Но для того, чтобы окончательно выйти из хозяйственных трудностей того периода, необходимо было ликвидировать хаотическое движение цен вследствие непрерывного обесценения совзнака и колебаний курса червонца, следовательно, необходимо было завершить денежную реформу..

4. Еще в 1922 г. советская власть применяла маневрирование товарными массами на рынке, используя это как метод воздействия на рыночные цены. Применение этого метода в 1923 г. являлось одним из важных мероприятий в борьбе за ликвидацию финансового кризиса и за стабилизацию рубля. Товарные массы, которыми маневрировало на рынке пролетарское государство, являлись уже в этот период (до реформы 1924 г.) специфическим обеспечением советской валюты наряду с золотым запасом. Однако при наличии весьма значительного бюджетного дефицита в 1922 и 1923 гг. этот метод регулирования рынка и денежного обращения не мог обеспечить устойчивости совзнака.

Глава одиннадцатая

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ФИНАНСОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАВЕРШЕНИЯ ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЫ В 1924 г.

§ 1, Хозяйственный подъем и достижения в оздоровлении финансовой системы

Восстановление хозяйства в 1922—23 г. шло быстрыми темпами. В 1922—23 г. легкая и тяжелая промышленность значительно подвинулась вперед.

Быстро росло производство сырья для легкой промышленности и товаров широкого потребления. Так, производство гражданской обуви возросло с 1355 тыс. пар в 1921/22 г. до 2 718 тыс. пар в 1922/23 г., т. е. в два раза; производство хлопчатобумажной пряжи — с 3 104,9 тыс. пудов до 4 494,4 тыс пудов, или на 44,8%; шерстяной пряжи—с 643,5 тыс. пудов до 888,7 тыс. пудов, или на 38,1%; льняной пряжи —с 989,9 тыс. пудов до 1783,0 тыс. пудов, или на 80,1%. Значительные успехи были достигнуты в восстановлении тяжелой промышленности и транспорта. Так, производство чугуна с 10,6 млн. пудов в 1921/22 г. возросло до 18,4 млн. пудов в 1922/23 г., или на 73,6%; мартеновское производство — с 19,3 млн. пудов до 36 млн. пудов, т. е. почти в два раза; добыча каменного угля — с 588 млн. пудов до 659,1 млн. пудов, или на 17,1%. Весь грузооборот железных дорог, составлявший в 1921/22 г. 4 млрд. пудов, достиг в 1922/23 г. 5 1/2 млрд. пудов, т. е. возрос на 37,5%.

Годы голодовок остались позади, материальное положение рабочего класса значительно улучшилось. Уровень средней реальной заработной платы рабочих крупной промышленности по СССР в IV квартале 1923 г. был выше уровня I квартала 1922 г. на 144,7%. Быстрый рост реальной заработной платы, обусловленный восстановлением хозяйства, создавал стимулы для дальнейшего подъема производительности труда в промышленности.

Валовой сбор зерновых хлебов составил в 1923 г. 2 801,9 млн. пудов — 72,7% довоенного сбора хлебов (3 854 млн. пудов). Средний урожай всех хлебов на десятину с 32 пудов в 1921 г. возрос в 1923 г. до 42 пудов, или иа 31,3% (1)

Нэп полностью оправдал себя. Хозяйственные успехи 1922—23 г., несмотря на наличие ряда неизжитых трудностей и противоречий в экономике, вопреки троцкистским «прогнозам», создавали уверенность в быстром восстановлении промышленности, сельского хозяйства и транспорта и на этой базе развертывания товарооборота страны.

[1] Все приведенные статистические данные взяты из сборников «Народное хозяйство СССР в цифрах», изд. 1924 и 1925 гг.

В течение 1922—23 г. серьезные успели были достигнуты И в оздоровлении финансовой системы. Значительно были сокращены административно-управленческие расходы. Большие, по тому времени, средства были направлены в 1922—23 г. на финансирование народного хозяйства, а именно из ресурсов госбюджета — 335 млн. червонных руб. и из ресурсов кредитной системы — 541 млн. руб. Эти средства шли главным образом на формирование оборотных фондов и на ремонт предприятий, на развитие торговой сети, на сельское хозяйство. Они сыграли крупную роль в ускорении темпов восстановления хозяйства и укреплении финансовой базы социалистических предприятий. Начала создаваться система госкредита. На 1 октября 1923 г. остаток госдолга составлял 79,8 млн. червонных руб., в том числе 27,9 млн. руб.—по натуральным займам и 51,9 млн. руб.— по рыночным денежным займам.

В течение 1922—23 г. развернулось строительство кредитной системы: учреждается Промбанк, создается система сельскохозяйственного кредита, кооперативные банки (Всекобанк и Украинбанк), об-во «Электрокредит», городские коммунальные банки, Банк для финансирования внешней торговли (Роскомбанк), развертывается сеть филиалов Госбанка на периферии, появляются общества взаимного кредита, находившиеся под контролем Госбанка. Создание разветвленного кредитного аппарата давало возможность концентрации денежных накоплений и использования их для восстановления хозяйства, для социалистического строительства. Внедрение в оборот червонца создало твердую базу для развития операций кредитной системы.

XII съезд РКП(б) в своей резолюции указал на необходимость перехода от натуральных налогов к денежным, что должно было содействовать росту торгового оборота и укреплению финансовой и денежной системы. В результате огромной, напряженной работы партии и государства по оздоровлению финансовой системы уменьшилась роль эмиссионного дохода в покрытии расходов госбюджета.

Всего за 1922—23 г. доходы единого госбюджета составляли 1,1 млрд. червонных руб., а расходы—1,5 млрд. руб., и, следовательно, дефицит, покрываемый эмиссией, составлял 400 млн. руб., или 26,6 проц. расходов.

Эмиссия сов знаков, покрывавшая в I квартале 1922—23 г. 30.8 проц. всех расходов государства (с учетом в денежном выражении доходов от сельхозналога), в III квартале покрывала только 14.8 проц. всех расходов, и, следовательно, к этому моменту эмиссия играла сравнительно небольшую роль в бюджете государства.

В результате укрепления финансовой системы и развития кредитной системы в области денежного обращения совершались процессы, облегчавшие завершение денежной реформы. Значительно увеличилась реальная ценность денежной массы в обращении, несмотря на резкое повышение темпов обесценения совзнаков. Это было следствием, с одной стороны, расширения товарооборота и роста

потребности последнего в средствах обращения, а с другой — внедрения в обращение устойчивой валюты — червонца. Последний, в отличие от совзнака, выполнял функции не только средства обращения и платежа, но также и средства накопления. Если реальная ценность денежной массы составляла на 1 января 1923 г. 96 837 тыс; руб. по бюджетному индексу статистики труда, то через год — на 1 января 1924 г.— эта ценность уже была почти вдвое выше, а именно—176 917 тыс. руб. Ввиду перспективы неизбежного значительного увеличения реальной ценности денежной массы, находящейся в обращении (что и произошло в действительности), ликвидация совзнаков открывала довольно широкие возможности для эмиссии устойчивых денег в купюрах ниже 10 руб.

Следует отметить создание в течение 1923 г. золотого и инвалютного фонда. Если на 1 января 1923 г. золотой и инвалютный запас Госбанка был равен совершенно ничтожной сумме—15 млн. руб., то к 1 январи 1924 г. этот запас уже возрос до. 147,9 млн. руб., что составляло более 50 проц. обеспечения всей массы банкнот, переданных эмиссионным отделом в кассу правления Госбанка для его кредитных операций. Это накопление золотого и инвалютного запаса находилось главным образом в прямой связи и зависимости от достигнутых к этому времени успехов нашей внешней торговли. Активное сальдо платежного баланса составляло за 1923 календарный год по некоторым оценкам не менее 150—175 млн. руб.

Проводимая партией в тот период политика активного торгового и платежного баланса обеспечивала благоприятные перспективы для поддержания устойчивого курса валюты в течение 1924 г.

Общеэкономические и финансово-валютные условия денежной реформы 1924 г. кратко были сформулированы в тезисах Агитпропа ЦК РКП(б) в следующих словах: «...достигнутые успехи в восстановлении народного хозяйства, увеличении государственных доходов и сокращении перевеса расходов над ними, рост торговли с заграницей, при перевесе вывоза над ввозом, создают условия, при которых денежная реформа вполне возможна и осуществима» (1)

Однако эти благоприятные экономические и финансовые предпосылки сами по себе еще не гарантировали успеха денежной реформы. Необходимо было преодолеть ряд серьезных экономических и финансовых трудностей и бешеное сопротивление классовых врагов, чтобы добиться успешного завершения денежной реформы.

§ 2. Экономические и финансовые трудности на пути завершения денежной реформы в 1924 г.

Золотой запас Госбанка СССР составлял на .1 января 1924 г. 147,9 млн. руб., или 8,7 проц. золотого запаса царской России накануне мировой империалистической войны 1914 г. Золотой запас царской России на 1 января 1897 г. составлял 1 016 млн. руб., сле-

[1] Из тезисов Агитпропа ЦК РКП(б) о денежной реформе 1924 г.— «Денежная реформа», Л., 1924 г., стр. 11.

довательно, золотой запас Госбанка СССР накануне завершения советской денежной реформы составлял всего 13 проц. золотого запаса царского правительства в период проведения денежной реформы 1897 г. — так называемой реформы Ватте. Для царской России, для любого буржуазного государства такой золотой запас был бы совершенно недостаточен для проведения денежной реформы без иностранных займов. А Советское государство смогло провести денежную реформу и при наличии такого незначительного золотого- запаса. Этот золотой запас был, в частности, необходим в качестве резерва для проведения операций по поддержанию устойчивости курса советских денег по отношению к золоту; небольшие размеры этого запаса создавали известные трудности при проведении денежной реформы. Требовалось создать такие условия, чтобы не прибегать к золотому запасу, для чего необходимо было обеспечить значительную и устойчивую активность платежного баланса СССР. А это в свою очередь требовало усиления экспорта и ограничения импорта, что, естественно, могло отра- зиться на состоянии внутреннего ринка.

Другая трудность заключалась в том, что, хотя к моменту реформы был сильно сокращен, но еще не был ликвидирован бюд- жетный дефицит. При отсутствии больших валютных резервов у государства и слабом развитии госкредита дефицит госбюджета создавал известную угрозу устойчивости валюты, в особенности на первых порах — в период замены падающей валюты устойчивой. Наконец, отметим, что валютные позиции червонца к моменту денежной реформы не были еще вполне прочными. Золотая десятирублевая монета по курсу червонца стоила на московском рынке на 1 февраля 1924 г. 14 руб. 10 коп., а на местах этот курс был еще выше.

В результате проводимых в этот момент партией мероприятий, направленных на повышение цен на с.-х. товары и рост покупательной способности крестьянства, среднемесячный индекс оптовых цен с.-х. товаров Госплана возрос с 0,788 в январе 1923 г. до 1,642 в феврале 1924 г., т. е. более чем в два раза. Это повлияло на движение общего индекса цен — среднего уровня цен товаров: индекс оптовых цен Госплана возрос с 1,006 в январе 1923 г. до 1,922 в феврале 1924 г., т. е. почти в два раза. Вопреки утверждениям ряда буржуазных экономистов рост индекса отнюдь не был результатом и показателем «инфляции червонцев». Как было показано выше, рост индекса отражал процесс выравнивания цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, установления между ними правильных пропорций, что было совершенно необходимо для ликвидации «кризиса сбыта» 1923 г. Но этот процесс был использован нэпманскими элементами для борьбы против червонца, для усиления спекуляции.

Частник начал усиленно сбрасывать на рынок червонцы и делать спекулятивные запасы мануфактуры. Эти действия спекулятивных элементов, конечно, создавали угрозу устойчивости червонца, создавали трудности, которые должны были быть преодолены актив-

ной борьбой против частного капитала и его агентуры в хозяйственных организациях.

Далее, следует отметить, что некоторое повышение индекса оптовых, а также розничных цен, вызванное указанными выше причинами, создавало в ряде отраслей промышленности финансовые затруднения, так как заработная плата исчислялась на многих предприятиях в товарных рублях, а продажа товаров совершалась -в червонцах. К тому же рост цен на сырье при снижении или стабилизации продажных цен фабричной продукции еще более усугублял финансовые затруднения ряда предприятий легкой промышленности, несмотря на увеличение выработки продукции и преодоление «кризиса сбыта».

Не менее напряженным было и положение тяжелой промышленности, которая финансировалась бюджетом. В угольной промышленности Донбасса зарплата возросла в январе 1924 г: на 20 проц. и в феврале—на 33 проц. Это вызвало рост издержек производства, который либо перелапался «а предприятия легкой промышленности — покупателей продукции тяжелой промышленности, либо, при сохранении отпускных цен, требовал соответственного увеличения финансирования из бюджетного источника. По. информации Совета съездов промышленности, торговли и транспорта, вследствие указанного обстоятельства в тресте ГОМЗА ,в январе—-феврале 1924 г. стоимость текущей месячной продукции лишь покрывала месячную зарплату, связанные с ней накладные расходы и оплату железнодорожных перевозок, а на приобретение сырья, топлива и вспомогательных материалов не оставалось никаких средств; в Югостали с осени 1923 г. к февралю 1924 г. удельный вес зарплаты к продажной цене с 30 проц. поднялся до 60 проц.[2]

В то же время на транспорте ставки рабочих и служащих в червонном исчислении за январь и февраль 1924 г. остались неизменными, и в связи с этим, естественно, был поднят вопрос о подтягивании этих ставок к тому значительному росту зарплаты, который, как мы указали, имелся в промышленности. Пересмотр ставок в сторону повышения должен был усилить нажим на эмиссию, ибо было лишь два пути финансового покрытия этих возросших расходов: либо увеличение железнодорожных тарифов, что привело бы к соответственному росту себестоимости продукции промышленности, а также росту хлебных цен в местах потребления, либо ассигнование новых крупных дотаций из бюджета ж.-д. транспорту.

Мы указали, что к моменту реформы лезвия «ножниц цен» стали смыкаться. Это был положительный момент. Однако общий уровень цен товаров, вследствие роста цен на сельскохозяйственные товары с октября 1923 г. и вплоть до реформы, непрерывно возрастал (см. таблицу на стр. 199).

Мы видим, что за эти пять месяцев, предшествовавших заклю-

1 Центр, архив Наркомфина СССР, ф. к., оп. 5, д. № 70, л. 952.

Общесоюзные индексы товарных цен (1913 г.=1) (1)

Сроки	Индекс оптовых цен Госплана			Индекс розничных цен Конъюнкт. института			Бюджетный индекс статист. труда		
	с.-х. товары	промтовары	общий	с.-х. товары	промтовары	общий	с.-х. товары	промтовары	общий
1923 г. октябрь	0,877	2,525	1,488	0,92	2,58	1,61	1,041	2,794	1,670
ноябрь	0,981	2,350	1,518	1,12	2,51	1,70	1,121	2,591	1,649
декабрь	1,168	2,280	1,632	1,26	2,43	1,75	1,290	2,569	1,749
1924 г. январь	1,327	2,277	1,738	1,42	2,47	1,88	1,462	2,571	1,859
февраль	1,642	2,251	1,922	1,62	2,56	2,06	1,710	2,656	2,046

чительному этапу денежной реформы, все три индекса возросли: оптовый — Госплана — на 29,2 проц., розничный — Конъюнктурного института — на 28,0 проц. и бюджетный индекс статистики труда — на 22,5 проц. Нельзя было не видеть серьезности той угрозы, которую эта тенденция движения рыночных цен представляла для денежной реформы.

Но приведенная таблица свидетельствует также и о другом важном факте. Если разрыв между ценами промышленных и сельскохозяйственных товаров значительно сократился, то разрыв между оптовыми и розничными ценами товаров полностью сохранился в течение 5 месяцев, предшествовавших завершению реформы. Этот разрыв между оптово-розничными ценами также создавал серьезное затруднение для успешного завершения денежной реформы, ибо, во-первых, затруднял доведение до потребителя того снижения цен промтоваров, которое требовало известных жертв от промышленности, и создал отмеченное выше финансовое напряжение; во-вторых, этот разрыв цен повышал роль и возможности роста накопления частного капитала и срыва последним политики советской власти, направленной на снижение цен и стабилизацию покупательной силы червонца.

§ 3. Заинтересованность частного капитала в срыве реформы и в сохранении падающей валюты

Позиция частного капитала по отношению к денежной реформе должна быть проанализирована особо. Мы знаем, что в капиталистических странах инфляционисты обычно выражают интересы крупного промышленного капитала и экспортеров — помещиков и капиталистов. Однако те возможности финансирования за счет инфляции, которыми, например, располагал крупный капитал в Германии в 1923 г. и во Франции в 1923 и 1924 гг. и которыми он поль-

[1] «Статистический ежегодник НКФ СССР» за 1923—24 г., М,, 1926 г., стр. 269,

зовался для мобилизации эмиссионного дохода в свое распоряжение за счет ограбления трудящихся масс, в СССР отсутствовали. Нэпманская буржуазия в СССР не имела верхушечного слоя крупного, концентрированного капитала; эта буржуазия не могла также - получать экспортных премий от низкого курса валюты.

Правда, частный капитал имел некоторые возможности для концентрации накоплений в своих руках через свой кредитный аппарат (общества взаимного кредита), а также для использования в своих интересах части ресурсов государственной банковой системы. Однако образование крупного капитала лишь рисовалось в мечтах реставраторам капитализма и их идеологам всех мастей— от буржуазных экономистов старой школы До троцкистско-бухаринских предателей. В действительности же такого капитала не было налицо, и ленинско-сталинская партия ни при каких условиях не допустила бы его образования.

Обычно в капиталистических странах мелкий и средний торгово-промышленный капитал является противником инфляции и не выступает против стабилизации валюты. Между тем, в СССР нэпманская буржуазия, представленная массой мелких и распыленных капиталистов, являлась активной силой, враждебной денежной реформе. Сопротивление этой нэпманской буржуазии нужно было сломить, чтобы добиться успеха реформы.

Параллельное обращение двух валют представляло собой такую систему денежного обращения, которая облегчала частному капиталу рвачески-спекулятивные операции, получение высоких конъюнктурных прибылей. Это спекулятивное обогащение могло происходить лишь за счет трудящихся. Оно являлось угрозой для самого существования пролетарского государства, угрозой для построения социализма. Ряд фактов свидетельствует о том, что накануне реформы на ряде участков хозяйственного фронта происходило известное усиление частного капитала и завоевание им некоторых важных позиций в ущерб госорганам и кооперации.

Укажем на отдельные моменты этой борьбы. Частный капитал в период низких хлебных цен осенью 1923 г. скупил значительные запасы хлеба и в связи с ростом хлебных цен с октября 1923 г. по февраль 1924 г. усиленно спекулировал на этих своих запасах. Таким образом, частному капиталу удалось в известной мере воспользоваться теми выгодами, которые получило крестьянство от проводимой советской властью политики повышения хлебных цен. Увеличение разрыва между оптовыми и розничными ценами вполне естественно давало крупные выгоды частному капиталу, которому принадлежала значительная часть всей розничной торговли.

Частный капитал пользовался товарным кредитом у государственных и промышленных и торговых предприятий и денежным кредитом в форме главным образом учета векселей и подтоварного кредита как непосредственно у наших банков, так и через посредство обществ взаимного кредита. Если исключить те- извращения в кредитовании частника, о которых была речь выше, то это кредитование при недостаточном развитии государственной и кооперативной товаропроводящей сети было необходимо для роста нашей промышленности — расширения сбыта ее продукции.

Задолженность частного капитала государственным, смешанным и частным

кредитным учреждениям на 1 октября 1922 г, и 1 октября 1923 г. составляла (в тыс. червонных рублей):

	1 октября 1922 г.	1 октября 1923 г.
Госуд. кредитные учреждения:		
Госбанк	862,2	13 142,3
Промбанк		4 296,4
Мосгорбанк		1 103,0
Всего	32,2	18 543,7
Смешанные кредитные учреждения:		
Роскомбанк		1533,6
Юго-Вост. комбанк	109,2	794,4
Всего	109,2	10 328,0
Частные кредитные учреждения:		
Общества взаимного кредита	219,0	4811,4
Итого	1 190,4	33 683,1

Всего лишь за один год задолженность частного капитала банкам возросла с 1,2 млн. руб. до 33,7 млн. руб.

На 1 октября 1923 г. вклады частных лиц по отношению к их задолженности составляли!: в Госбанке — 45,8 проц., Промбанке — 27,7 проц., Роскомбаи-ке—10,5 проц., Юго-Восточном коммерческом банке—1,8 проц. и обществах взаимного кредита — 43,7 проц. Таким образом, частный капитал в этот период получал от государства через кредит средств значительно больше, чем давал сам в виде вкладов на текущие счета банков.

Но приведенная выше сумма задолженности частного капитала банкам — 33,7 млн. руб. — это лишь часть, и к тому же меньшая, общей задолженности частного капитала, ибо заемные оборотные средства частник получал в форме товарного кредита у госорганов в большей мере, чем в форме денежного кредита у банков.

Этот товарный кредит перекрывался банковским кредитом, который госорганы получали в банках в форме учета векселей частных лиц. На основании данных 'Произведенного НКРКИ в 1923 г. обследования банковского кредитования частного капитала, по нашим расчетам, из общей суммы учтенных банками векселей приходилось на частных лиц: по Орехово-Зуевскому тресту — 37 проц., по Резиногресту — 28 проц., по Краснопресненскому хлопчатобумажному тресту—20 проц., по Богородско-Щелковскому тресту—19 проц.

Для должников рост цен и обесценение валюты выгодны в той же мере, в какой они разорительны для кредитора. В данном случае должником являлся класс частных капиталистов-нэпманов, кредитором — Советское государство.

Погашая свои кредиты, частники в этих условиях получали безвозмездно в свою собственность от государства ту сумму средств, которая составляла разницу между ценой товара в момент получения кредита и в момент его погашения минус проценты за этот срок.

Как должники государства частники были сторонниками падающей валюты (совзнаков). Они стремились ради наживы взвинчивать цены не только в совзнаках, но и в твердой валюте (червонцах), пытаясь вызвать обесценение червонца. Используя указанные выше

финансовые трудности государственных организаций, частник стремился к срыву стабилизации валюты.

Нэпманская буржуазия имела немалое количество своих глашатаев и адвокатов в советском аппарате в лице троцкистско-бухаринских предателей, буржуазных экономистов и некоторых бывших царских чиновников, находившихся на работе в советских учреждениях.

Наконец, отметим еще один момент. Система параллельного обращения двух валют и наличие частного валютного рынка создавали самостоятельный источник крупных спекулятивных оборотов частного капитала.

В 1923 г. были созданы во всех крупных центрах фондовые отделы товарных бирж. Спекулянты не только заполняли целыми толпами улицы и переулки, где концентрировались сборища «черных бирж», но принимали участие также в оборотах официальных бирж. Так, по фондовым отделам товарных бирж Москвы, Петрограда и Тбилиси (Тифлиса) обороты частных лиц составляли (в **тыс.** руб.):

	Москва		Петроград		Тбилиси	
	покупка	продажа	покупка	продажа	покупка	продажа
За I кв. 1923 г. 11	717,2 3111,6 3 366,0 6 360,1	1 298,6 2 103,7 4 578,5 14 986,3	1 488,1 3 077,5 2 487,2	1 526,1 3 600.6 2 877,0	30,7,7 1 425,5 2 087 0 708,2	151,6 457,6 987,1 399,1

Из общего оборота Петроградской фондовой биржи на долю частных лиц приходилось от 35 до 58 проц.

Участие частного капитала в оборотах фондовых бирж **в течение 1923 г.** имело тенденцию к росту, причем, главным объектом сделок была купля-продажа червонцев на совзнаки и на втором месте стояли обороты с инвалютой.

В мутной воде валютного рынка того периода спекулянты-валютчики получали обильный улов за счет непрерывных и резких курсовых колебаний. «Параллельная валюта» создала весьма многочисленный слой профессионалов-спекулянтов, которым никак не улыбалась перспектива денежной реформы, лишавшая их «легкого заработка», быстрого обогащения.

Равным образом и деревенская буржуазия — кулачество — занимала враждебную позицию по отношению к проводимой советской властью денежной реформе. Кулаки в качестве сельских торговцев-спекулянтов были так же, как и городские нэпманы, заинтересованы в обесценении валюты. Падающая валюта для кулаков создавала весьма благоприятную почву для спекуляции, для ограбления бедняков и середняков и для эксплоатации их через ростовщический кредит. При этом в условиях обесценения совзнаков кулаки оказывали кредит натурой, а такая форма кредита является наиболее удобной формой ростовщической эксплоатации. Кулаки вообще были заинтересованы в ослаблении советской власти.

в усилении хозяйственных и финансовых трудностей и поэтому боролись против укрепления валюты, являющейся мощным орудием Советского государства в наступлении «а капиталистические элементы.

Капиталистические элементы города и деревни являлись основной враждебной проведению денежной реформы силой. Борьба за завершение денежной реформы не могла не быть острейшей классовой борьбой рабочего класса и трудящихся масс крестьянства против буржуазии на экономическом фронте.

Перед диктатурой рабочего класса стояли, таким образом, серьезные экономические и политические трудности и опасности на пути завершения денежной реформы в 1924 г. Отсрочка же денежной реформы означала бы дальнейшее обострение трудностей восстановления хозяйства и усиление позиций капиталистических элементов.'

§ 4. План завершения денежной реформы в 1924 г. и борьба партии против попыток троцкистов и буржуазных экономистов сорвать этот план

Уже с начала 1923 г. было ясно, что система параллельного обращения двух валют—падающей (казначейской) и устойчивой (банковской) — является временной, переходной и что падающая валюта должна быть ликвидирована. Но как окончательные сроки, так и конкретные валютно-политические методы завершения реформы еще не были и не могли быть в этот момент точно определены. Одно было ясно: реформу нужно было завершить в самое ближайшее время и при этом собственными силами, ибо партия категорически отвергла те условия, на которых иностранный капитал согласился бы оказать «помощь» в проведении реформы.

Завершение денежной реформы в тот момент (в первой половине 1923 г.) мыслилось в основном одним из двух путей: либо путем резкого сокращения, а затем ликвидации эмиссии совзнаков, что дало бы возможность стабилизировать курс совзнаков, а затем девальвировать совзнак, либо путем ликвидации совзнака в результате расширения сферы обращения червонца, вытеснения совзнаков из обращения и в дальнейшем замены совзнаков мелкими купюрами червонцев или казначейской валюты, «прикрепленной» к червонцу. В первой половине 1923 г. на первой точке зрения стоял Наркомфин, который в марте 1923 г. предлагал очень резко поставить вопрос о срочном сокращении эмиссии для того, чтобы ее ликвидировать в течение ближайших месяцев. В апреле 1923 г. в «Правде» была напечатана статья, в которой обосновывался этот путь проведения денежной реформы.

Однако план крутого поворота эмиссионной политики, предложенный в марте — апреле 1923 г., не был осуществлен, ибо существовали серьезные для этого трудности и. следовательно, опасения за его успех. Вместо этого 7 июля ВЦИК вынес постановление об ограничении эмиссии совзнаков с 1 августа 1923 г. суммой

в 15 млн. руб. в золотом исчислении по официальному курсу первого дня соответствующего месяца. В мотивировочной части этого постановления указывалось, что оно принято «в интересах выполнения первостепенной задачи скорейшего упорядочения государственного финансового хозяйства и обеспечения устойчивого характера денежного обращения», следовательно, *для проведения денежной реформы*.

Этим постановлением фиксировалась «реальная ценность» эмиссии, но не ее номинал. Количество денег росло бы, а ценность их падала, если бы Наркомфин и не выходил за рамки этого контингента эмиссии. На практике же, в связи с переходом Наркомфина к платежам сначала в золотом, а затем в червонном исчислении, бюджетные расходы не могли быть ограничены рамками этого контингента эмиссии.

Постановление ВЦИК не было выполнено: эмиссия совзнаков составила в червонном исчислении в августе 29,2 млн. руб., в сентябре— 42,5 млн. руб., в октябре — 71,1 млн. руб., в ноябре — 47,6 млн. руб. и в декабре—54,6 млн. руб., т. е. была в несколько раз больше установленного контингента.

Значительная эмиссия червонцев лётом 1923 г. была проведена до реализации урожая. Осенью же 1923 г. Госбанк стал сокращать кредитование с целью ускорения реализации возросших запасов готовых товаров у промышленности, но зато усиленно эмитировались совзнаки для кредитования хлебозаготовок. Результатом этого, в условиях исключительно высокой скорости обращения совзнаков и узкой сферы их обращения, 'было дальнейшее их *обесценение* резко возраставшими темпами.

Темп роста массы совзнаков в ноябре 1923 г. составил 67,8 проц., в декабре—95,1 проц., в январе 1924 г.—98,6 проц. и в феврале — 80,6 проц., а темп их обесценения—рост цен за те же месяцы — на ПО, 136, 199, 280 проц. Совэнак обесценивался ежедневно и ежечасно, а удельный вес совзнаков в денежной массе упал до 16,8 проц. на 1 февраля 1924 г. и 7,6 проц. — на 1 марта. В этот момент не было уже никакой возможности лечить еовзнак, его нужно было ликвидировать и этим путем завершить реформу.

В борьбе за осуществление плана денежной реформы, выдвинутого Лениным в начале перехода к нэпу, партия должна была преодолеть отчаянное сопротивление классово-враждебных пролетариату сил, которые в тот период имели свою агентуру в рядах партии, в особенности в лице троцкистской «оппозиции». Последняя сначала стремилась опорочить план завершения денежной реформы и добиться его отмены, а затем, когда эта карта была бита, троцкисты пытались на практике сорвать проведение денежной реформы.

Троцкисты спекулировали на трудностях проведения денежной реформы. Троцкисты, подписавшие «заявление 46», точно так же, как и целый ряд буржуазных экономистов, пророчили осенью

1923 г. гибель страны, провал денежной реформы! Они требовали от партии отказа от проведения денежной реформы \

Троцкисты, пытаясь сорвать проведение денежной реформы в начале 1924 г., рассчитывали, что партия пойдет на капитуляцию перед иностранным капиталом. *Предатели-троцкисты хотели превратить нашу страну в колонию иностранного капитала.*

Как указывалось в резолюциях XIII партконференции, «часть «оппозиции» (Радек) выступила с прямыми предложениями пересмотреть те условия, которые партия наметила в связи с Генуэзской конференцией, и пойти на большие экономические уступки международному империализму, в целях усиления деловых сношений с иностранным капиталом»[2]. Партия без всяких колебаний отвергла это требование.

План завершения денежной реформы обсуждался на XIII партконференции; «оппозиция» стремилась на конференции саботировать осуществление плана денежной реформы, пользуясь обычным для предателей методом — двурушничеством.

«Оппозиция» не решалась открыто защищать на конференции позицию 46 по вопросу о денежной реформе, ибо опасалась своего полного провала, поскольку весь рабочий класс и трудящееся крестьянство требовали проведения реформы и только буржуазные элементы в стране были ее противниками.

Тов. Микоян в своей речи на XIII партконференции разоблачил это позорное «маневрирование», двурушническую тактику «оппозиции» по вопросу о денежной реформе [3].

«Оппозиционеры» говорили о смычке рабочего класса с крестьянством, но тов. Микоян раскрыл лицемерный характер этих заявлений, доказав, что смычка невозможна без денежной реформы: «...никакой борьбы с «ножницами», никакой смычки с, крестьянством не будет, пока не будет твердых денежных знаков для деревни» [4]. Партия, руководимая великим Сталиным, имела перед собой ясную революционную перспективу и поэтому не боялась трудностей при проведении денежной реформы.

Товарищи Молотов и Микоян в своих речах на XIII партконференции дали резкую критику требованиям «оппозиции», разоблачив

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», М., 1938 г., стр. 253 и 254, а также стенографический отчет XIII партконференции, М., 1924 г., стр. 46, 87 и др.

В резолюции январского объединенного пленума ЦК и ЦКК РКП(б) 1925 г. дана была оценка пророчества троцкистов о «гибели страны» осенью 1923 г., как выражения мелкобуржуазного испуга, неверия в силу нашей революции и полного непонимания нашей экономики. Пленум отметил, что «денежная реформа, которой Троцкий противопоставлял «план» и которой пророчил неуспех, 'оздоровила хозяйственное положение и явилась крупнейшим шагом по пути хозяйственного возрождения страны». («ВКП(б) в резолюциях и решениях», ч; I, 5-е изд., 1936 г., стр. 652).

[2] XIII конференция РКП(б), М., 1924 г., стр. 200.

[3] *Там же,* стр. 77.

[4] *Там. же.*

за «левыми» фразами правую капитулянтскую сущность их требований.

Тов. Микоян доказал, что, выступая против денежной реформы, «оппозиционеры» защищали интересы буржуазии в ущерб интересам рабочих и крестьян. .Они,—сказал тов. Микоян,—«...выступают как-будто защитниками рабочих и крестьян, но на кого ложится денежная эмиссия? На буржуазию? Вовсе нет. Когда вы идете по Москве, то вы везде слышите, как черная биржа предлагает червонцы. Буржуазия не держит в карманах советских знаков, а превращает их в червонцы, а рабочие и крестьяне теряют на этом... Без денежной реформы нельзя изжить то положение, которое имеется. Выступающие против денежной реформы показывают свою беспочвенность» (1).

Если среди широких масс рабочих и крестьян выступления оппозиции вообще и по вопросу о денежной реформе в частности не имели никакой почвы, то эта враждебная денежной реформе позиция троцкистов имела в то же время базу в классовых интересах буржуазии.

XIII партконференция подтвердила правильность финансовой политики ЦК партии, направленной на скорейшее проведение денежной реформы. В резолюции по докладу «Об очередных задачах экономической политики» («Финансовая политика», раздел VII) конференция, отметив, что «Червонное обращение в настоящее время является одной из существеннейших опор для дальнейшего развития хозяйства», выдвинула задачу завершения денежной реформы и указала на значение реформы для подъема хозяйства: «Дальнейшая политика партии должна заключаться в охранении устойчивости червонца и завершении денежной реформы. Интересы широких масс требуют завершения денежной реформы, т. е. замены падающего совзнака твердой валютой. Завершение денежной реформы должно, стать одной из основных задач Советской власти на предстоящий период» [2].

Далее конференция указала: «Уже введение червонной валюты значительно облегчило возможность учета и, следовательно, планового руководства как хозяйством в целом, так и отдельными предприятиями. Улучшение и уточнение бюджетных планов состави-. вило следующий шаг. *Но только завершение денежной реформы позволит на основе устойчивой денежной единицы создавать реальные финансовые планы промышленности и торговли, наладить правильную калькуляцию и организовать действительную отчетность»* [3]. (Подчеркнуто мною.— *З. А).*

Вместе с троцкистами против плана завершения денежной реформы в 1924 г. боролся и целый ряд буржуазных экономистов, пророча ее провал. Известные

[1] XIII конференция РКП(б), М., 1924 г., Стр. 77.
[2] *Там же,* стр. 212.
[3] *Там же,* стр. 213.

в тот момент буржуазные финансисты Гензель, Шапошников, Соколов и др. выступали на .заседаниях в Наркомфине с декларациями против денежной реформы.

Уже после того как партия приняла решение о завершении денежной реформы, а на Наркомфин было возложено практическое осуществление связанных с реформой финансовых мероприятий, Соколов заявил на одном из деловых совещаний по денежной реформе в коллегии Наркомфина, что якобы у нас для целого ряда лет устойчивой валюты быть не может и что было бы полезнее иметь единую валюту, хотя и падающую, но падающую более или менее равномерно. Став в позу пророка, этот «финансист» заявил, что советская власть не сможет создать твердую валюту, что новый денежный знак должен проделать историю совзнака (1)

Не только отдельные буржуазные экономисты, но и целая «ученая» коллегия при Институте экономических исследований Наркомфина вынесла резолюцию, в которой предсказывала крах реформы, мотивируя это невозможностью надлежащего сокращения бюджета н изыскания в короткий срок других средств покрытия дефицита . Эти прогнозы, имевшие целью посеять панику в сорвать проведение реформы, позорно провалились всего лишь через 2—3 месяца после того, как они были высказаны или напечатаны.

С, полной уверенностью можно предполагать, что буржуазное государство, если бы оно располагало в аналогичной обстановке всего лишь 150 млн. руб. 'Валютных резервов, не смогло бы без иностранной помощи сломить «инерцию» обесценения бумажных денег и обеспечить устойчивость валютного курса и покупательной силы рубля. Реформа оказалась бы сорванной и превратилась бы в простую деноминацию денежных знаков. Но этого не произошло в СССР потому, что партия в полной мере учла и использовала те особые возможности обеспечения устойчивости валюты, которыми располагает Советское государство и которых нет и не может быть в буржуазных государствах.

Каковы же те особенности нашей экономики и нашего государства, которые, несмотря на все указанные трудности и опасности, позволили партии в начале 1924 г. рассчитывать на успех завершения денежной реформы?

Финансово-экономические предпосылки, созданные в СССР к началу 1924 г., *при наличии командных экономических высот в руках диктатуры рабочего класса и правильной, твердой и последовательной политики ЦК партии* были совершенно достаточны для успешного завершения денежной реформы в течение 1924 г.

К моменту реформы Советскому государству принадлежала подавляющая часть промышленной продукции, ресурсы кредитной системы, весь железнодорожный транспорт, внешняя торговля, значительная часть оптовой торговли. Все это являлось результатом завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции: национализации промышленности, транспорта, кредитной системы, монополии внешней торговли. Частичная денационализация мелких промышленных предприятий, частичное возрождение под контролем государства частнокапиталистических торговых предприятий и кредитных учреждений, допущенные нэпом, не затрагивали экономи-

[1] Центр, архив Наркомфина СССР, ф. к., оп. 5, д. № 61.
[2] *Тал же.*

ческах основ диктатуры рабочего класса. Наличие командных экономических «высот позволяло диктатуре рабочего класса осуществлять плановое руководство' развитием переходной экономики в направлении роста социалистических элементов и подъема производительных сил страны. Советское государство к моменту проведения денежной реформы располагало такими мощными экономическими ресурсами, которые были вполне достаточны для ее проведения.

Лишь Советское государство могло поставить и разрешить задачу стабилизации не только курса, но и покупательной силы валюты путем регулирования оптовых и розничных цен товаров. Излишне доказывать, что подобное регулирование не могло бы быть осуществлено, если бы государство не владело командными экономическими высотами, которые позволили ему путем маневрирования товарными массами на рынке обеспечить эффективность политики снижения и стабилизации уровня товарных цен. Монополия внешней торговли обеспечивала эффективность мероприятий по линии платежного и расчетного баланса, создание конъюнктуры валютного рынка, благоприятной для укрепления советской) валюты. Государственная кредитная система и государственное управление фондовыми биржами давали возможность обеспечить проведение системы мероприятий для быстрого и единообразного по всей отраве воздействия на курс советской валюты и для борьбы против валютных спекулянтов. Наличие государственной кредитной системы с централизованным руководством и разветвленной сетью филиалов являлось серьезной опорой для проведения всех мероприятий денежной реформы.

Партия была уверена в том, что не только кредитный аппарат, но и все государственные и кооперативные промышленные и торговые организации будут служить проводниками экономической и финансовой политики Советского государства, направленной на завершение денежной реформы, что все организации подчинит свою деятельность в этот момент осуществлению этой задачи. Наконец, партия вполне могла рассчитывать не только на сочувствие рабочего класса и крестьянства денежной реформе, но и на активное участие трудящихся масс в борьбе государства против частного капитала за успешное завершение реформы. Наличие советов рабочих и крестьянских депутатов в каждом городе и каждой деревне, наличие партийных и профессиональных организаций представляло собой такую гигантскую политическую силу в руках партии и государства, которая могла действовать как могучая экономическая сила, как важнейший и надежный рычаг осуществления необходимых для успеха реформы финансово -экономических мероприятий. В некоторых случаях, как, например, при проведении контроля за розничными ценами товаров, эти массовые организации трудящихся могли сыграть и действительно сыграли решающую роль, Впервые денежная реформа и стабилизация валюты, проводи-

мая в интересах трудящихся, могла быть, в буквальном смысле этого слова, *делом самих трудящихся масс*.

Партия могла вполне рассчитывать на то, что рабочий класс, поняв значение и необходимость реформы, пойдет на временные трудности и известные жертвы, которые потребовались бы с связи с переводом зарплаты с товарных рублей на червонное исчисление. Важную роль имело также политическое единство многонационального Союза ССР.

В своих докладах на X Всероссийском съезде советов и на I съезде советов СССР в декабре 1922 г. товарищ Сталин связывал необходимость образования СССР также и с задачей мобилизации финансовых ресурсов всех советских республик: при «...скудных .возможностях нашего финансового развитая без сплочения сил, без сложения финансовых сил отдельных республик в одно целое, нам не удастся разрешить основных и очередных задач финансового хозяйства наших республик» (1)

Задача проведения денежной реформы была в этот период основной и общей задачей всех советских республик. Образование СССР неизмеримо укрепило финансовую мощь и финансовое единство страны.

Образование Союза ССР и создание в связи с этим, на основании постановления III сессии ЦИК СССР от 12 ноября 1923 г., Наркомфина Союза ССР облегчили проведение денежной реформы на основе единых принципов во всех республиках Союза ССР и обеспечили единое централизованное оперативное руководство финансовыми и экономическими мероприятиями, необходимыми для успеха реформы. Партия могла твердо рассчитывать на поддержку реформы со стороны трудящихся масс всех национальностей Союза ССР.

Наконец, отметим еще одну важную финансово-экономическую предпосылку реформы, созданную пролетарской революцией,— аннулирование не только внутренних, но и внешних займов государства. До войны Россия уплачивала ежегодно около 400 млн. руб. золотом, из них 214 млн. руб. — по заграничным долгам; в результате военных займов и нарастания процентов по этим займам внешняя задолженность России составляла 16 млрд. руб. При наличии около 150 млн. руб. золотого запаса Госбанка ни о какой денежной реформе без получения нового займа на сотни миллионов рублей золотом и, следовательно, без закабаления страны иностранным финансовым капиталом не могло быть и речи. Полное освобождение от бремени внутренней и иностранной задолженности явилось, таким образом, одной из существенных предпосылок, обеспечивших *независимый* характер реформы, успех ее без иностранной «помощи».

Таковы те особые экономические и (политические предпосылки, которые имелись у Советского государства для завершения денежной реформы. Партия не побоялась серьезных трудностей, стояв-

[1] *И. Сталин,* Марксизм и национальный вопрос—Сборник статей, М., 1937 г., стр. 31.

щих перед реформой, и приняла решение о завершении денежной реформы в начале 1924 г.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

1. Быстрое восстановление промышленности, транспорта и сельского хозяйства, развитие товарооборота и кредитной системы и достигнутые к концу 1923 г. успехи в укреплении финансовой системы создали прочную основу для оздоровления денежного обращения.

2. В финансовой области благоприятные условия для завершения денежной реформы заключались в следующем:

а) неуклонное сокращение покрываемого эмиссией совзнаков бюджетного дефицита;

б) значительный рост реальной ценности денежной массы в обращении в результате расширения товарооборота и все большего проникновения в товарооборот устойчивой валюты — червонца;

в) быстрый рост золотого и инвалютного запаса Госбанка;

г) активный торговый и платежный баланс.

3. В то же время налицо был и ряд неблагоприятных условий, создававших серьезные трудности и опасности для успешного завершения денежной реформы. Ни одна капиталистическая страна не была бы в состоянии провести самостоятельно, без иностранной помощи, денежную реформу при тех финансовых трудностях, которые имелись у СССР к моменту завершения денежной реформы.

В СССР в 1924 г. были такие условия для проведения денежной реформы, которых не было никогда и не может быть у буржуазного государства: распоряжение государством всеми командными экономическими высотами, активная поддержка денежной реформы трудящимися массами страны, укрепление политического единства советских республик — создание СССР. Относительная слабость валютного (золотого) обеспечения компенсировалась наличием особого обеспечения советской валюты — товарными массами, принадлежащими государству, и возможностью на этой основе регулировать уровень покупательной силы валюты.

4. Частный капитал занимал резко враждебную позицию в отношении проводимой советской властью денежной реформы. Частный капитал был заинтересован в сохранении падающей валюты, ибо он выигрывал на спекулятивном! росте цен наиболее ходовых товаров, на уменьшении своей задолженности по линии коммерческого и банковского кредита, полученного от госорганов, выигрывал на колебаниях валютных курсов. Нэпманская буржуазия и деревенское кулачество являлись в тот момент весьма серьезной экономической силой, сопротивление которой надо было сломить, чтобы добиться успеха реформы.

Политической агентурой нэпманской буржуазии и кулачества являлись троцкисты, которые, защищая их интересы, вели бешеную кампанию против проведения денежной реформы, но были разоблачены и разбиты партией под руководством товарища Сталина.

Глава двенадцатая

ЗАВЕРШЕНИЕ ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЫ В 1924 г.

(Анализ финансовых мероприятий)

§ 1. Опыт эмиссии транспортных сертификатов

Проанализировав экономические, финансовые и политические предпосылки завершения денежной реформы 1924 г., мы переходим к анализу финансовых и экономических мероприятий правительства по проведению реформы.

К денежной реформе 1924 г.[1] Наркомфин по директивам партии начал готовиться со второй половины 1923 г. В этот период был произведен опыт эмиссии средств обращения с твердым курсом на золото достоинством ниже червонца — транспортных сертификатов 5-рублевыми купюрами. Сертификаты являлись краткосрочными беспроцентными заемными обязательствами правительства, выпущенными «в целях усиления средств НКПС в период реализации урожая» (2).

С сентября 1923 г. по март 1924 г. всего было выпущено транспортных сертификатов на 20 786 тыс. золотых рублей. Сертификаты были обязательны к приему для всех касс железных дорог, морского *я* речного транспорта по курсу золотого рубля (постановление СТО от 26 июля 1923 г.). Несмотря на указанное ограничение платежной функции, сертификаты охотно принимали не только государственные учреждения, но и частные лица, которые считали сертификат мелкой купюрой червонца: он был усвоен оборотом) в, качестве твердой валюты.

Таким образом, в результате законодательного закрепления за сертификатом платежной силы по золотому курсу этот денежный знак без особых мероприятий по поддержанию курса успешно внедрился в обращение, имея твердый паритет по отношению к червонцу, а следовательно, и к золоту,

---

[1] В дальнейшем для краткости мы будем говорить о «денежной реформе 1924 г.», понимая под этим, последний этап денежной реформы, начатой выпу ском червонцев и завершенной в 1924—25 г.

[2] Ив постановлений Коллегии Наркомфина СССР о выпуске транспортных обязательств от 11 июня 1923 г.

Сумма эмиссии сертификатов, сама по себе незначительная — 20,7 млн. золотых рублей — по отношению к реальной ценности совзнаков, представляла весьма заметную величину в обращении.

Если перед реформой, в январе 1924 г., ценность сертификатов составляла 12,1 проц. ценности совзнаков, а в феврале—22,8 проц., то к моменту проведения реформы ценность сертификатов в обращении возросла до 71,6 проц. в марте и 136,3 проц. в апреле по отношению к ценности всей массы совзнаков, находившихся в обращении.

Нельзя, однако, переоценивать значение опыта эмиссии сертификатов в том смысле, что для завершения денежной реформы можно было бы «просто» расширить границы эмиссии твердых денежных знаков путем, например, предоставления другим ведомствам права эмиссии подобных денежных знаков с гарантией Нар-комфина или путем эмиссии торговыми организациями разменных бон в червонном! выражении, обеспеченных товарными запасами. Такие тенденции проявлялись и до и во время реформы: на местах практиковалась эмиссия денежных суррогатов с фиксированной ценностью.

Но партия и правительство не стали на *этот* путь замены совзнаков устойчивыми разменными денежными знаками.

Необходимо было сохранить и укрепить *централизацию и единство государственного планирования денежной системы.* Поэтому эмиссия сертификатов осталась в этом смысле изолированным актом в истории нашей денежной реформы. Как особая валюта или денежный суррогат сертификаты имели смысл лишь до реформы: они были изъяты из обращения после ее завершения.

§ 2. Денежная реформа — в центре внимания всех партийных и советских организаций. Законодательные акты реформы

От частичных мероприятий по оздоровлению денежной системы (две деноминации, выпуск червонцев и сертификатов) советское правительство на основе решений XII съезда партии (апрель 1923 г.), XIII конференции партии (январь 1924 г.) и II съезда советов Союза ССР (январь—февраль 1924 г.) перешло с начала 1924 г. к осуществлению мероприятий, которые должны были завершить денежную реформу, привести к полному оздоровлению денежной системы.

II съезд советов в своей резолюции одобрил финансовую политику правительства, направленную на завершение денежной реформы:

«Важнейшей очередной хозяйственной задачей съезд советов считает упорядочение денежного обращения, для чего необходимо в кратчайший срок закончить денежную реформу, правильно начатую введением! черзонца взамен падающего знака, и ввести в обращение устойчивые казначейские билеты. Съезд предлагает Центральному Исполнительному Комитету Союза Советских Социалистических Республик принять все необходимые меры к возможно

более безболезненному проведению важнейшего для Союза дела денежной реформы и обязывает все государственные учреждения и предприятия оказывать Народному комиссариату финансов максимальное содействие в этом деле» (1)

Проведение реформы было делом всей партии и всех трудящихся масс страны. Придавая огромное политическое значение успешному завершению реформы, ЦК РКП(б) облагался с директивным обращением ко всем организациям РКП(б). В этом воззвании ЦК указывал, что «успех денежной реформы — победа в бою с рыночной стихией за твердую советскую валюту — не может быть обеспечен одними лишь финансовыми мероприятиями, равно как и значение реформы выходит далеко за пределы финансовой политики»; «...победа в борьбе за твердую валюту будет достигнута вне всяких сомнений сплоченным выступлением партии, широким развертыванием инициативы партийных масс, направленной к единой цели» [2].

Центральные и местные органы партийного я советского контроля приняли активное участие в проведении денежной реформы, мобилизуя на это дело широкий партийный и беспартийный актив. Органы ЦКК — РКИ должны были обеспечить строжайшую финансовую дисциплину, которая была необходима для успешного проведения реформы. В своем обращении ЦКК—НКРКИ указали на следующие пять условий, необходимых для успешного проведения денежной реформы:

«1) Сведение бюджетного дефицита до минимума как в центре, так и на местах.

2) Оживление товарного обращения на почве снижения и стабилизации цен, в особенности на продукты городской промышленности, и уменьшения всяческих накладных как производственных, так и торговых расходов.

3) Активный торговый баланс.

4) Строжайшая финансовая дисциплина.

5) Поддержка реформы со стороны широких рабочих масс и со стороны всей партии»[3].

Основными законодательными актами по завершению денежной реформы были следующие декреты правительства:

1. *Декрет ЦИК и СНК СССР от 5 февраля 1924 г.,* которым был объявлен выпуск в обращение государственных казначейских билетов, достоинством в 1, 3 и 5 руб. золотом. В законе эта мера мотивировалась так:

«Исходя из несомненного роста народного хозяйства, рабоче-крестьянское правительство считает необходимым теперь же приступить к ряду мер, направленных к созданию устойчивых денег, достоинством менее одного червонца, сообразуя размеры выпуска их с потребностями торгового оборота» (4).

Новые денежные знаки в отличие от совзнаков должны выпускаться в обращение соразмерно с потребностями товарообо-

[1] «Съезды советов в постановлениях и резолюциях», М., 1935 г., стр. 305.
[2] «Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам», М-, 1931 г., стр. 161 и 163.
[3] Сборник «Денежная реформа», Ленинград, 1924 г., стр. 6.
[4] С. У. 1924 г., № 32, ст. 288,

рота. Новым денежным знакам была присвоена сила законных платежных средств по золотой нарицательной стоимости этих знаков (§ 2 декрета).

Предел эмиссионного права для Наркомфина был установлен в размере не более половины всей суммы выпущенных в обращение червонцев (§ 3 декрета).

В соответствии с планом денежной реформы, установленным декретом ЦИК и СНК СССР от 5 февраля 1924 г., того же 5 февраля СТО принял постановление о первом выпуске казначейских билетов в сумме 20 млн. руб.,[1] а 22 февраля — о втором выпуске казначейских билетов в сумме 30 млн. руб., а также о выпуске на 3 млн. золотых рублей временных бон достоинством! в 1, 2, 3, 5,руб. и 50 коп. с зачетом этой суммы в счет второго выпуска казначейских билетов.

Хотя золотое содержание нового рубля декретом[1] определено не было, однако было указано, что новая казначейская валюта имеет платежную силу «по официальному курсу золотого рубля в тех случаях, когда платеж исчислен в советских денежных знаках» (§ 2 декрета ЦИК и СНК от 5 февраля 1924 г.). Курс «червонного рубля», публикуемый фондовым отделом Московской товарной биржи, и курс «золотого рубля», публикуемый специальной котировальной комиссией, с 5 сентября 1923 г. неизменно совпадали.

Отсутствие в декрете указания на твердый паритет между казначейским рублем и червонцем не было случайным: при обсуждении вопросов денежной реформы имелось в виду при неблагоприятном течении реформы сохранить устойчивость червояца как валюты чисто банковской и в этом смысле «независимой» от казначейства, т. е. от состояния бюджета. Эта мера предосторожности мотивировалась наличием в момент выпуска казбилетов дефицита в госбюджете. Но, как показал ход денежной реформы, опасения насчет устойчивости казбилетов не оправдались, и поэтому не встретилось надобности в изо» ляции червонца от казначейской валюты. Эта изоляция означала бы возврат к прежяему положению — параллельному обращению двух валют.

Однако, поскольку в декрете не было указаний, что платежи, выписанные в червонцах, могут погашаться также и казначейскими билетами, на практике наблюдались случаи отказа в приеме казбилетов по этим платежам. Наркомфин в своем письме ВСНХ от 11 марта 1924 г. сообщал, что

«По имеющимся в НКФине сведениям нотариальные конторы затрудняются принимать казначейские билеты в платежи по представленным к протесту векселям, выписанным в червонцах, банковыми билетами, не имея соответствующих указаний от векселедержателей» [2].

Соответствующие указания были даны ведомствами: административная практика первых месяцев реформы фактически установила полную идентичность в платежно-расчетном обороте казначейской валюты и червонцев. Оборот не только охотно принял казначейские билеты по паритету 1 червонец = 10 рублям, но даже вследствие разменного кризиса (о чем ниже) расценивал казначейские билеты выше червонца.

2. *Декрет ЦИК и СНК СССР от 14 февраля 1924 г.* о прекращении с 15 февраля печатания и выпуска в обращение совзнаков;

[1] «Известия ЦИК СССР й ВЦИК» от 7 февраля 1924 г.

[2] Центр, архив Наркомфина СССР, ф. к., оп. 5, д. № 11, л. 50.

имевшиеся запасы совзнаков в центре и на местах предлагалось уничтожить \

3. *Декрет ЦИК и СНК СССР от 22 февраля 1924* г.[3], которым «в развитие мероприятий, направленных к созданию устойчивых денег» объявлялось о чеканке и выпуске в обращение серебряной и медной монеты. В декрете дано подробное описание лигатурного веса, диаметра и формы разменной монеты: новые монеты выпускались такого же качества и формы, как это было до войны, но с новым рисунком и текстом. Серебряная монета чеканилась двух видов: высокопробная (так называемое «банковское серебро») достоинством в 1 руб. и 50 коп. и низкопробная — достоинством в 20, 15 и 10 коп. Декретом были установлены обычные для монетных уставов ограничения при приеме при платежах разменной монеты, а именно: низкопробной серебряной монеты и медной на сумму 3 руб. при одном платеже.

4. *Декрет СНК от 7 марта 1924 г.,* которым «в виду введения в оборот твердой валюты и в целях полного прекращения потерь, которые несут трудящиеся массы и народное хозяйство от обесценивающихся советских дензнаков» объявлялось об изъятии из обращения совзнаков «путем выкупа их по твердому курсу»[3]. Этот курс был установлен с 10 марта 1924 г. по паритету 1 рубль золотом (казначейскими билетами) равен 50 тыс. руб. денежными знаками 1923 г, Остающиеся в обращении совзнаки обязательны к приему по этому курсу до 10 апреля, обмен производится до 30 апреля.

Один рубль денежными знаками 1923 г. был равен 1 млн. руб. денежными знаками всех выпусков до первой и второй деноминации; следовательно, реформа означала, если исключить деноминации, приравнение 50 млрд. руб. 1 золотому рублю, т. е. фиксацию обесценения рубля в 50 миллиардов раз.

Экономическое содержание денежной реформы 1924 г. заключалось не только в изложенных выше изменениях советской денежной системы, но прежде всего в тех мероприятиях, которые были осуществлены для обеспечения устойчивости новой валюты в отношении курса на золото и инвалюту, с одной стороны, и покупательной силы — с другой.

На основании директив партии и законодательных актов правительства была разработана программа общеэкономических и финансовых мероприятий по проведению денежной реформы 1924 г.[4] Эта

[1] С. У. 1924 г., № 34, ст. 308.
[2] *Там же,* ст. 325.
[3] *Там же,* № 45, ст. 433.
* См. постановление ЦК РКП(б) в марте 1924 г. «О финансово-экономических мероприятиях в связи с проведением денежной реформы». («Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам», М., 1931 г., стр. 163—165). В тексте, кроме основных мероприятий, указанных в этом постановлении, приводится и ряд других конкретных мероприятий, проводимых финансовой системой.

программа представляла[1] собой *систему мероприятий,* которая заключалась в следующем

I. Мероприятия по воздействию на денежное обращение и кредитную систему

1. Максимальное ограничение бюджетных дефицитов и сведение к минимуму казначейской эмиссии, назначенной для покрытия этих дефицитов.
2. Сжатие банкнотной эмиссии и сокращение кредитов на хлебозаготовки для экспорта.
3. Энергичное воздействие на золотой и валютный курс рубля на денежном рынке.
4. Предоставление банкам новой твердой валюты в порядке обмена на банкноты и образование фонда червонцев для обратного беспрепятственного обмена казначейских билетов.
5. Снабжение кооперации и госторговли твердой валютой путем льготного досрочного выкупа совзнаков для облегчения проведения политики снижения цен.
6. Категорическое воспрещение выпуска денежных суррогатов.
7. Повышение процента по пассивным операциям Государственного банка и понижение процента по его активным операциям.
8. Повышение процента по вкладам в государственных трудовых сберегательных кассах.

II. Мероприятия по воздействию на товарооборот

1. Временная приостановка экспорта хлеба (вывоз уже твердо запроданного хлеба продолжается).
2. Продажа хлеба, принадлежащего госорганам и кооперации, в потребляющем районе по лимитным ценам — максимум.
3. Организация продовольственной интервенции по товарам рабочего питания (мясо, сахар, жиры и т. п.).
4. Понижение цен на хлопок, ткани, резину и другие товары.
5. Расширение ввоза промышленного сырья (хлопка и т. п.).
6. Ликвидация товарного рубля.
7. Обязательное понижение розничных цен при переходе на твердую валюту.
8. Введение публикации цен розничной торговли.

Анализ важнейших из перечисленных выше мероприятий мы даем ниже.

§ 3. Ликвидация бюджетного дефицита

В отношении возможности сокращения бюджетного дефицита, покрываемого эмиссией денежных знаков, реформа превзошла самые оптимистические предположения. Большие успехи в этой области были достигнуты широкой и активной борьбой трудящихся масс за сокращение расходов, за бюджетную экономию, эа строжайшее соблюдение финансовой -ДИСЦИПЛИНЫ. В этой борьбе совет-

ская власть не останавливалась перед тем временным ущербом, который наносило это резкое сокращение расходов отдельным ведомствам и отраслям хозяйства. ЦКК и НКРКИ в своем обращении к местным организациям со всей остротой поставили эту проблему[1].

Введение твердой валюты при повышении процентных ставок по вкладам создало возможность для широкого по тому времени развития государственных кредитных операций в этой валюте. В течение 1923—24 хозяйственного года была завершена реализация займов 1922 и 1923 гг. и выпущены следующие займы: Второй государственный выигрышный заем 1924 г., 8-процентный внутренний золотой заем и Крестьянский выигрышный заем 1924 г. Общий доход от кредитных операций за 1923—24 гг. составил 181,3 млн. руб.

В 1923—24 гг. значительно выросли также поступления налогов и неналоговых доходов.

Весь доход от эмиссии составил за весь 1923—24 г. 126 282 тыс. руб., или всего 6,3 проц. всех доходов госбюджета.

Структура актива эмиссионного баланса Наркомфина СССР в течение 1924 г. изменялась следующим образом:

	Выкуп денежн. знаков прежних эмиссий	Обменный фонд НКФ СССР в банкнотах Госбанка и инвалюте	Бюджетные расходы 1923—24 г.	Бюджетные расходы серебром и медью в 1924—25 г.
На 1/III 1924 г.	374	23 257	—	—
„ 1/IV 1924 „	1 534	46 268	19 946	—
„ 1/V 1924 „	1 925	78 591	28 005	—
„ 1/VI 1924 „	7 049	105 759	43 643	—
„ 1/VII 1924 „	22 005	105 678	55 236	—
„ 1/VIII 1924 „	26 215	120 487	70 186	—
„ 1/IX 1924 „	26 221	141 346	78 550	—
„ 1/X 1924 „	27 590	163 689	84 891	—
„ 1/XI 1924 „	28 762	183 337	84 891	8 224
„ 1/XII 1924 „	30 656	197 935	84 891	8 218
„ 1/I 1925 „	32 292	204 633	84 891	10 000

С нового бюджетного года, т. е. с 1 октября 1924 г., статья «Бюджетные расходы» заменяется статьей «Бюджетные расходы

[1] «Помня о том, что успех денежной реформы является главным условием для успешности экономического развития в целом, не нужно останавливаться перед таким сокращением расходов, которое приносит временный ущерб той или иной отрасли государственного управления или хозяйства. Успешность денежной реформы — этого залога нашей экономической победы — должна стать во главу угла и отодвинуть на задний план интересы временные и частные. В силу этого все заключения, даваемые органами РКИ и контрольными комиссиями в высшие правительственные и партийные учреждения, должны быть проникнуты бережным отношением к совершающейся денежной реформе и революционной решимостью жертвовать временными и частными интересами, как бы они ни казались на первый взгляд важными». (Сборник «Денежная реформ», Л., 1924 г., стр. 71).

серебром и медью»; эмиссия казначейских билетов проходит с этого момента исключительно по статье «Обменный фонд Наркомфина СССР в банкнотах Госбанка и иностранной валюте». Фактически же выпуск казначейских билетов для покрытия бюджетного дефицита был прекращен не с 1 октября, но уже с 1 июля 1924 г.

Бюджетные расходы в 1923—24 г. против первоначально предположенных были увеличены в ходе исполнения бюджета на 100 млн. руб., но эти возросшие расходы были покрыты путем увеличения государственных кредитных операций и за счет других доходных источников бюджета (1)

Практика исполнения бюджета за последний квартал 1923—24 г. (июль — сентябрь) показала, что при известном напряжении бюджет 1924—25 г. может быть сведен без использования эмиссии бумажных денег для покрытия дефицита.

Постановление ЦИК СССР «О запрещении казначейской эмиссии бумажно-денежных знаков для покрытия бюджетного дефицита» было принято 29 октября 1924 г. С этого момента Нарком» фин имел право эмитировать казначейские билеты только для размена на червонцы по статье «Обменный фонд». Завершение борьбы партии за бездефицитный бюджет являлось важнейшим условием оздоровления финансовой и денежной системы страны.

§ 4. Политика активного торгового баланса и сокращения банкнотной эмиссии для приобретения иностранной валюты

Проведение политики сжатия банкнотной эмиссии, главным образом путем сокращения закупки иностранной валюты Госбанком в целях уменьшения опроса на эту валюту, должно было облегчить проведение мероприятий по повышению и стабилизации курса советской валюты на золото и инвалюту. Как же эта политика проводилась на практике? Была ли она необходима?

Рассмотрим прежде всего общие данные об эмиссии банкнот Госбанка с 1 августа 1923 г. по 1 января 1925 г. (см. табл. на стр. 219).

С сентября 1923 г. эмиссия банкнот Госбанка начала уменьшаться, однако сжатия массы банкнот в обращении не произошло. Имела место не абсолютная, но относительная рестрикция Госбанка. «Кредитный зажим» Госбанка осенью 1923 г. выразился в сокращении эмиссии, достигшем максимума в ноябре 1923 г. (1,2 млн. руб. — вся эмиссия); этот «зажим» ударил по отдельным организациям, но не было даже в ноябре 1923 г. ни общего сокращения задолженности банковской клиентуры, ни сжатия денежной массы в обращении. Январь и февраль 1924 г. дали значительное увеличение эмиссии банкнот (22 и 27,6 млн. руб.).

[1] Центр, архив Наркомфина СССР, ф. к., оп. 5, д. № 70, л. 762. (Докладная записка Наркомфина СССР «О первоочередных финансово-экономических мерах на полугодие июль — декабрь 1924 г. в связи с денежной реформой»).

Эмиссия банкнот Государственного банка в 1923 и 1924 гг.
(в тыс. руб.)

Месяцы	- В 1 червон.	В 3 червон.	В 5 червон.	В 10 червон.	В 25 червон.	Всего
1923 г.						
август	15 054,7	5 988,9	11 559,6	16 960,9	3 889,0	52 953,1
Сентябрь	11025,0	1 996,1	7 862,8	18 930,8	3 387,0	43 201,6
октябрь	9 351,5	4 655,7	106,8	3 9 28,7	— 406,2	17 422,9
ноябрь	7 104.1	2 019.8	989.3	- 3 943.4	—1 960.2	1231.0
декабрь	8 483,2	5 089,3	206,1	- 2 490,0	— 143,1	11 145,5
1924 г.						
Январь	9 274,5	12 806,7	541,6	1 948,8	— 1534,1	22 037,5
Февраль . .	11 839,5	7 691,7	1994,1	5 109,7	1 052,1	27 687,1
Март . . .	2 957,«	2 960,6	- 4 147,4	- 830,1	1 843,8	2 784,7
Апрель . .	18 672,5	1 298,0	— 2 677,6	- 6 789,2	-5 072,8	5 430,9
Май	8 528,5	- 603,9	- 3 746,1	-14 170,5	— 2 010,7	-12 002,7
Июнь . . .	12 767,4	— 699.4	— 3 695,2	226,0	2 880,8	11 479 6
Июль . . .	6 700,2	- 3 193,1	- 31437,6	- 2 854,0	1 270,4	— 3 684,9
Август . .	21 536,5	6 066,5	- 2 907.6	— 2 752,8	— 717,9	21 224,7
Сентябрь .	215136	19 377.0	— 3 282,7	- 1 174,6	—2 049,9	34 883,4
Октябрь . .	6 645,0	24 793,9	- 4 093,0	— 3 128,0	— 431,3	23 786.6
Ноябрь . .	9 929,4	23 369,5	- 2 240,0	— 2 292,2	— 83,5	2S 683,2
Декабрь . .	7 830,1	6 617,0	— 2 681,6	889,7	- 292,2	11863,0

Начиная с последнего этапа денежной реформы, Госбанк вновь стал проводить политику «кредитного зажима», сразу уменьшив эмиссию банкнот с 27,6 млн. руб. в феврале до 2,7 млн. руб. в марте и 5,4 млн. руб. в апреле; в мае же было проведено изъятие банкнот из обращения на 12 млн. руб.; вновь, хотя и в меньших размерах, это повторилось в июле (сокращение на 3,68 млн. руб.).

Для правильного суждения об этой политике необходимо проанализировать, во-первых, за счет каких именно купюр червонцев происходило это новое, в период завершения реформы, сокращение эмиссии червонца и, во-вторых, сопоставить это сокращение с эмиссией казначейской валюты. Приведенная выше таблица показывает, что сокращение общего размера эмиссии происходило прежде всего за счет изъятия высококупюрных банкнот из обращения (номинальной ценности в 5, 10 и 25 червонцев). Сокращение банкнотного обращения в мае 1924 г. на 12 млн. руб. произошло исключительно за счет изъятия этих купюр.

Изъятие из обращения червонцев ценностью в 100 и 250 руб. золотом происходило без вмешательства Госбанка: эти банкноты выталкивались из обращения самим хозяйственным оборотом, для которого такие купюры были неприемлемы.

Общее же сокращение банкнотной эмиссии было полностью компенсировано эмиссией казначейской валюты, что показано в следующей таблице (см. табл. на стр. 220).

В месяцы изъятия банкнот из обращения (май и июль) масса денег в обращении продолжала расти за счет казначейской эмиссии. В результате первых выпусков казначейской валюты в феврале произошло расширение всей эмиссии сразу на 58 млн. руб. В последующие же месяцы, вплоть до июля, эмиссия была меньше февральской, причем в каждом последующем месяце она была ниже

Эмиссия червонцев и казначейских билетов
(в тыс. червонных рублей)

	Эмиссия червонцев	Эмиссия казнач. валюты	Эмиссия в целом
1924 г.			
Февраль	27 687,1	30 409,8	58 096,9
Март	2 784,7	45 692.5	48 477,2
Апрель	43'>,9	41 332,4	46 763,3
Май	5 002,7	55 750,5	43 747,8
Июнь	— 12 479,6	5 256,9	16 736,5
Июль	11 684,9	31 779,2	28 094,3
Август	—3 234,7	29 223,1	50 447,8
Сентябрь	21 383,4	28 794,1	63 177,5
Октябрь	34 786,6	27 919,3	51 705,9
Ноябрь	23 683,2	14 778,3	43 461,5
Декабрь	28 863,0	8 479,5	20 342,5
	11		

предыдущего месяца; денежная же масса в обращении непрерывно росла на протяжении всего года.

Таким образом, в период завершения реформы (1924 г.) происходили следующие процессы в денежном обращении: а) увеличение эмиссии в целом, б) рост реальной ценности денежной массы' в обращении, в) изменение состава денежной массы в обращении (уменьшение удельного веса высококупюрных и увеличение удельного веса низкокупюрных денежных знаков). Эти внутренние связанные друг с другом процессы отражали собой закономерности, характерные для периода ликвидации падающей валюты и построения нормальной, устойчивой денежной системы. *Небходимо было своевременно предвидеть и учитывать эти закономерности, чтобы осуществлять правильное регулирование денежного обращения.*

Как мы указали выше, политика сокращения банковой эмиссии мотивировалась необходимостью сокращения закупки иностранной валюты Госбанком в целях повышения и стабилизации курса советской валюты. Денежная реформа, проводимая в условиях восстановительного периода нэпа, должна была обеспечить и стабилизацию цен и стабилизацию курса советской валюты. А такая стабилизация при ограниченности наших золотых запасов необходимо требовала наличия в период завершения денежной реформы активного торгового и платежного баланса. Такова была линия партии в этом вопросе.

Партии по этому вопросу экономической политики также пришлось выдержать бой с троцкистами, которые стремились к срыву этой политики. В «заявлении 46» троцкистов требовалось вместо этой политики проводить политику «широкой товарной интервенции» путем массового ввоза товаров широкого потребления из-за границы. Уничтожающую критику этого провокационного требо-

'* Включая транспортные сертификаты.

вания троцкистов дал тов. Молотов в своей речи на XIII парткон-ференции.

Троцкисты требовали растраты нашего золотого и инвалютного запаса, подрыва этой особенно важной в тот момент базы устой-чивости денежной системы. Это требование было только наруку иностранным капиталистам, которые при такой политике могли бы «голыми руками» завоевать наш рынок, подорвать социалистическую промышленность.

Но проводимая партией в борьбе с троцкизмом политика ак-тивного баланса явилась одним из важных факторов успеха ре-формы. По данным Наркомвнешторга, наш торговый баланс в це-нах 1913 г. составлял (в млн. руб.):[1]

Годы	Экспорт	Импорт	Баланс
1922	81,6	269,8	—188,2
1923	218,0	143,2	+ 74,8
1924	337,0	260,0	+ 77,0

Активное сальдо платежного баланса в 1923 и 1924 гг. значи-тельно превышало активное сальдо торгового баланса, так как нами были получены за границей краткосрочные товарные кредиты, а также имел место некоторый приток иностранной валюты по кон-цессионным предприятиям и пр.

Неуклонное проведение политики активного торгового баланса в течение 1923 и 1924 гг. обеспечило и активность платежного баланса, в результате чего образовался избыток предложения инвалюты над спросом. Однако, если бы Госбанк форсировал скупку инвалюты сверх суммы активного сальдо платежного баланса, то он мог бы этим подорвать благоприятную для червонца рыночную конъюнктуру внутри страны и за границей, ибо искусственно повысил бы спрос на инвалюту. Поэтому имела основание политика сокращения той части эмиссии, которая использовалась для скупки инвалюты.

Государственный банк, сильно увеличивший свой запас. инвалюты до реформы, а именно с 5,5 млн. руб. на 1 августа 1923 г. до 74 млн. руб. на 1 марта 1924 г. (для чего была использована эмиссия банкнот), к 1 июля доводит этот запас до 100 млн. руб., и на этом примерно уровне инвалютный запас остается до конца 1924 г:

Накопление инвалютных фондов было следствием главным образом активности торгового и платежного баланса. При этом накопление Госбанком инвалютных фондов с начала реформы — с 1 марта 1924 г. до конца года — составляло всего 21,3 млн. руб. Это увеличение запаса инвалюты было много меньше активного сальдо торгового баланса. Таким образом:, Госбанк не использовал тех возможностей накопления инвалюты, которые имелись благодаря

[1] Исчислен на основании данных внешнеторгового оборота, опубликованных в сборнике «XV лет борьбы за монополию внешней торговли», Партиздег, 1932 г., стр. 111.

активности торгового и платежного баланса. *Поэтому на валютных рынках не могло не сказываться давление избытка предложения инвалюты и увеличение спроса на советскую валюту, что обусловило повышение курса советской валюты.*

Курсы доллара и стерлинга падали в течение всего года, причем это падение вышло за пределы монетного паритета: червонец оценивался временами выше паритета не только в отношении стерлинга (позиции которого в этот момент не были вполне устойчивыми на мировом рынке), но и в отношении доллара.

Тогдашние руководители финансового ведомства хвастливо заявляли, что победа на валютном рынке явилась результатом якобы искусного применения имя политики золотой и валютной интервенции. В действительности же в условиях обрисованной выше конъюнктуры валютного рынка, обусловленной активным торговым балансом, не нужно было никакого' искусства, чтобы применять политику «валютной интервенции»: эта политика лишь усиливала действие тех тенденций на рынке, которые вытекали из активного баланса. Наша победа на валютном рынке явилась, следовательно, результатом неуклонного проведения партией в борьбе с оппозиционерами политики активного баланса, но отнюдь не «валютной интервенции» как таковой.

§ 5. Разменный кризис и вызванные им затруднения в проведении денежной реформы

После издания декрета от 22 февраля 1924 г. и последовавшего вслед за ним выпуска в обращение разменной монеты и до установления твердого курса совэнаков продолжала существовать система параллельного обращения твердой и падающей валют. В этот короткий отрезок времени (с 22 февраля по 10 марта 1924 г.) денежная система СССР представляла собой весьма пеструю, мозаичную картину, ибо в обращений находилось б видов денег: 1) червонцы — формально «самостоятельная» банковская 'валюта, *2)* транспортные сертификаты — формально также «самостоятельная» валюта транспорта, 3) казначейские билеты, 4) разменные боны, 5) серебряные и медные монеты, 6) совзнаки, не имеющие твердого курса по отношению ко всем другим видам денег.

В этих условиях, естественно, все еще сохранялась почва для опекуляции, ибо существовали лажи при обмене одной твердой валюты на другую (казначейская валюта, червонцы, сертификаты). Кроме того, сохранялся колеблющийся курс совзнаков на все виды твердой валюты. Эти колебания курса происходили в этот момент с рекордной для всей истории денежного обращения СССР быстротой. Курс червонца на валютном рынке Москвы, равный 88 800 руб. знаками 1923 г., на 1 февраля 1924 г. поднялся за (месяц, к 1 марта того же года, до 328 000 руб., т. е. на 271 проц.

В феврале совзнак обесценивался *ежедневно* в среднем на 5,8 проц., а считая «торговый день» за 8 часов, — на 0,7 проц. в час! Но это уже была агония валютной спекуляции, канун ее краха.

С объявлением твердого курса оовзнаков спекуляция на совзнаках прекратилась, и она могла бы вообще быть ликвидирована, несмотря на наличие в обращения денег 6 типов, если бы Нарком-фин оправился с регулированием этого весьма сложного состава денежной массы.

Допущенные Наркомфином грубые ошибки в деле регулирования состава денежной массы при проведении реформы породили разменный кризис, который принес большой вред и в некоторые моменты ставил под удар успех реформы. Мы не располагали достаточными данными, чтобы установить, была ли эта практика Наркомфина просто ошибкой, т. е. неумелым руководством порученным ему делом, либо же целиком или в какой-то мере это были сознательные акты вредительства, направленные к срыву реформы. Во всяком случае это была подозрительная практика.

Прежде всего необходимо отметить, что хотя у Наркомфина и Госбанка был вполне достаточный срок для подготовки к последнему этапу реформы, однако они не сумели обеспечить материально-техническую сторону реформы, а именно — своевременно заготовить достаточное количество казначейских билетов и начеканить разменной монеты. Это признавали и наркомфиновские спецы. Но, кроме того, и та наличность казначейских билетов и разменной монеты, которой располагал Наркомфин, выпускалась в обращение гомеопатическими дозами, что, оказывается, делалось вполне «сознательно» в целях якобы укрепления положения новых денег в обращении путем превышения спроса на них над их предложением.

Ничего положительного нельзя было ожидать от такого вульгарно-спекулятивного подхода к разрешению проблем денежной реформы: курс разменных по отношению к червонцу знаков действительно был повышен, и на них появился лаж. Но для государственных учреждений это была незаконная «цена» — для них 5 руб. и 1 руб. оставались 1/2 и 1/10 червонца; спекулянты же обильно наживались на размене червонцев.

В постановлении ЦК партии «О финансово-экономических мероприятиях в связи с проведением денежной реформы» указывалось, что необходима «Борьба с возможными попытками спекулянтов создавать разменные лажи» (§ 12) (1)

Чрезмерно ограничивая выпуск казначейской валюты, Наркомфин и Госбанк создавали этим почву для появления разменных лажей: они в действительности не вели и ори этих условиях не могли вести борьбу с разменными лажами.

[1] «Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам», М 1931 г., стр. 165.

§ 6. Причина разменного кризиса

Чрезмерная медлительность, «постепенность» и «осторожность» эмиссии казначейской валюты не имела никаких оснований: изымая совэнаки, Наркомфин и Госбанк должны были предвидеть значительное расширение емкости обращения новых денежных знаков и монеты по сравнению с союзниками. Между тем, Наркомфаном смешивались две вещи: рост казначейской эмиссии, обоснованный потребностями обращения — требованиями оборота на устойчивые денежные знаки купюрами ниже червонца, и увеличение эмиссии, порождаемое ростом бюджетного дефицита. Опасность представляла лишь эта последняя. Проводя но директивам партии правильную политику сокращения бюджетного дефицита, *Наркомфин ни в какой мере не должен был ограничивать эмиссию для удовлетворения спроса платежного оборота на размен червонцев.*

Этого, однако, сделано не было, и в результате произошли крайне ненормальные изменения в локупюрном строении денежной массы в течение 1924 г. Если мы объединим все купюры до 5 руб. (в! реальноценностном 'Выражении по курсу червонца), то получим следующий удельный вес ;всех этих купюр в процентах ко всей денежной массе:

На 1/1 1924 г.	..... . 18,0%	На 1/VII 1924 г.	.....22,5%
, 1/11	.....16,8 „	1/V1II „	26,4 „
„ 1/111 .	.....9,7 „..... ,	1/IX 27,6 „	
„ 1/IV „	....12,4 „	, 1/X „	..... 28.5 „
„ 1/V ,	.....16,6 „....,	1/XI „	29,6 .
, 1/VI ,	....20,2 »	, 1/X1I.....	. 29,4 „

Что же получилось в первые месяцы после реформы? Вместо необходимого увеличения удельного веса мелких купюр после ликвидации совзнаков произошло значительное падение удельного веса этих купюр, вплоть до июня 1924 г., когда *была восстановлена лишь дореформенная пропорция, явно не приемлемая после реформы.*

Недостаток денежных знаков для размена наблюдался, как мы знаем, и при «параллельном обращении» твердой и падающей валюты. Этот разменный голод должен был резко возрасти в результате политики чрезмерного ограничения эмиссии мелких купюр в период проведения денежной реформы.

Информации того времени ярко иллюстрируют размеры и характер разменного кризиса:

ИЗ РОСТОВА на ДОНУ

«По всему Юго-Востоку острый недостаток разменных знаков вызывает затруднения выдачей зарплаты сильно отзывается рыночной

[1] Критикуя практическую работу Наркомфина и Госбанка в этот период, мы имеем в виду прежде всего действия тех впоследствии разоблаченных трвцкистско-бухаринских предателей и буржуазных экономистов-вредителей, которые находились в аппарате этих учреждений.

торговле осложняет борьбу дороговизной создает напряженное (настроение необходимо увеличить ускорить присылку знаков».

ИЗ ХАРЬКОВА

«Казбалеты первых двух получаны разосланные губерниям кризиса не ослабили. Вследствие ограниченности суммы не могли снабдить Киева соответственно ярмарочной потребности. Избежания срыва ярмарки крошу срочно послать Киеву непосредственно триста тысяч».

I ИЗ ХАРЬКОВА

«В связи с разменным кризисом на бирже и на рынке тихо, подвоз незначительный, выборка новых патентов идет крайне слабо» (1) и т. д. и. т. п.

В печати указывалось на перебои в снабжении оборота мелкокупюрными денежными знаками, на неравномерный приток новых казначейских билетов взамен изымавшихся из обращения советских знаков и т. д.

При этом отмечалось, что Наркомфин и Госбанк так «удачно» планировали территориальное распределение эмиссии, что она направлялась главным образом в московский и близлежащие районы, и чем дальше к периферии, тем новые денежные знаки медленнее и слабее проникали в обращение.

В результате денежный голод достиг наибольшего напряжения прежде всего в тех районах, где в связи с условиями товарооборота скоплялась главная масса совзнаков: Украина, Крым, Юго-Восток и отчасти Центральный черноземный район. Все эти сообщения относятся к марту—апрелю 1924 г. Под напором мест Наркомфин и Госбанк начинают кое-что делать, чтобы выправить положение. Госбанк посылает на места наличность, как правило, в недостаточном количестве: города кое-как еще насыщаются разменными денежными знаками, но, как, например, показывает (сообщение из Тамбова, «по уездам и селам положение с разменом находится в прежней стадии». И в этой «стадии» оно находилось еще долго: в большей или меньшей степени в разных краях и областях СССР разменный кризис болезненно отражался на товарообороте в течение всего 1924 года.

§ 7. Вредные последствия разменного кризиса. Угроза срыва денежной **реформы**

Разменный кризис отнюдь не является необходимым спутником денежных реформ: в денежных реформах в буржуазных государствах такой «фазы» не наблюдалось и никакими особенностями советской экономики нельзя, конечно, оправдать этот кризис.

Столь необходимое для успеха реформы развертывание товарооборота **и** снижение цен *тормозилось именно этой экономически и политически вредной практикой регулирования денежного обращения.*

Следует отметить, что правление Госбанка было информировано о разменном кризисе и его крайне отрицательном влиянии на товарооборот. Например, автором в этот период был написан и отправлен в правление Госбанка, по поручению Северокавказской конторы Госбанка, ряд обзоров, характеризующих остроту разменного кризиса и его вредные последствии. Такая же информация опубликовывалась в местной и центральной печати. В статье «Разменный кризис на Юго-Востоке», помещенной в апреле 1924 г. в газете «Советский юг», мы писали: «Не только крупные рабочие центры Юго-Востока (Ростов, Краснодар, Новороссийск, Грозный), но и сельскохозяйственные районы края остро пережи-

[1] Центр, архив НКФ СССР, ф. к., оп. 5, д. № 11, л. 28.

вают разменный кризис. Все филиалы Госбанка сообщают о недостатке мелких денежных знак»... Вое это говорит о там, что товарооборот не удовлетворен полностью разменной валютой. Разменный кризис отмечается на каждом шагу: крупные валютные купюры закупоривают каналы денежного обращения и тем самым затрудняют непрерывный товарооборот... Нам сообщают об отрицательном лаже на червонцы в Краснодаре, Кропоткине и других местах... Кооперативные организации сообщают об уменьшении в силу этого своих оборотов. Из крупного рынка сельскохозяйственной продукции Кубани —ст. Лабииской — нам сегодня сообщает агентство Госбанка: из-за недостатка мелкой разменной монеты, розничная;Я торговля и базары парализованы» (1)

Разменный кризис породил два крайне ненормальных явления; во-первых, выпуск на местах всевозможных денежных суррогатов ввиду «денежного голода» (разменного кризиса) и, во-вторых, развитие в деревне безденежного товарообмена.

29 февраля 1924 г. было издано постановление СТО о воспрещении выпуска денежных суррогатов: «платежных ордеров на предъявителя, предъявительских денежных квитанций на товары и т. п.» [2]. Декрет возлагал :на Наркомфин широкие полномочия по борьбе с нарушителями этого закона. Декрет этот был совершенно необходим для успеха реформы.

ЦК партии в своем постановлении «О финансово-экономических мероприятиях в связи о проведением денежной реформы» требовал от местных партийных и советских организаций, чтобы было обеспечено «Безусловное выполнение запрета выпуска каких бы то ни было денежных суррогатов и недопущение обходов этого запрета ни в какой форме» (§ 10)[3].

На практике же запрет этот нарушался: особенно широко были распространены замаскированные формы обхода этого декрета.

Наркомфин же одной рукой боролся против нарушений этого закона, а другой рукой всемерно их стимулировал указанной практикой зажима эмиссии казначейской валюты! *До издания декрета о денежных суррогатах выпуск в обращение последних был более ограниченным, чем после издания декрета.* «Деньготворчество» стало в течение первых месяцев реформы прямо-таки эпидемической болезнью.

В некоторых местах эмиссия этих денежных суррогатов далеко выходила за пределы потребности оборота в разменных знаках; она использовалась для самофинансирования хозорганизаций. Выпуск этих суррогатов содействовал росту цен на рынке, в то время как необходимо было добиться их снижения или, по крайней мере,, стабилизации.

В сообщении из Донбасса от 11 марта 1924 г. читаем:

«Вздутие цен и слабость кооперации поставили донецкого рабочего в очень, слабое положение. *Дороговизна усилилась еще и потому, что на рынок Донбасса*

[1] *Г. Асов,* Разменный кризис на Юго-Востоке. Газета «Советский юг»,, апрель 1924 г.

[2] С. У. 1924 г., № 37, ст. 348.

[3] «Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам», М., 1931 г.,, стр. 164.

было выброшено много денежных суррогатов — бонов, чеков,— выпускавшихся промышленностью и кооперацией» (1) (Подчеркнуто мной.— *З. А.).*

В Наркомфин СССР пачками поступали ходатайства о разрешении выпуска этих суррогатов. Эти ходатайства в своих стандартных ответах Наркомфин СССР неизменно отклонял.

Наркомфин, получая сведения о том, что денежные суррогаты выпускаются везде и всюду самыми разнообразными советскими организациями, посылал суровые предписания местным финорганам и принимал репрессии:

> «Харьков Наркомфин Телефонограмма... сообщает о выпуске в Одессе акцептованных чеков Украинбанком. Означенные чеки являются денежными суррогатами. Немедленно изымите из обращения. Сообщите»[2].

> «Казань Наркомфину
>
> Предлагаем немедленно изъять из обращения коммунальные боны. В случае противодействия немедленно опечатать кассы комхоза. Впредь до изъятия прекращаем снабжение Татреспублики новыми деньгами» [s].

Наркомфин грозил... полным прекращением снабжения мест дензнаками Такова была 'бюрократическая «логика» Наркомфина в борьбе с разменным кризисом. Как-будто места были виноваты в том, что Наркомфин приступая к проведению реформы с пустыми кассами на периферии, а в дальнейшем проводил вреднейшую практику обострения денежного голода на разменные знаки.

Разменный кризис протекал в острейших формах не только на периферии. Острый недостаток в деньгах мелких купюр ощущался и в Москве, где был лаж на эти знаки. Под носом у Наркомфина и Госбанка некоторые центральные учреждения эмитировали в обращение для своей периферии разного рода денежные суррогаты.

При поверхностном ознакомлении с архивными делами может создаться впечатление, что Наркомфин и Госбанк проявляли большую активность: боролись направо и налево со всеми нарушителями денежной реформы, ежедневно посылали десятки и сотни телеграмм и писем. Но эта шумиха в значительной мере была борьбой с собственной тенью: Наркомфин и Госбанк боролись с ненормальностями в денежной системе, созданными ими самими. Следующее постановление коллегии Наркомфина СССР от 9 апреля 1924 г. является признанием этого факта:

«Необеспеченность разменными знаками входящего в оборот червонца, затрудняя товарооборот и толкая к товарообмену, угрожает колебанием в глазах широких крестьянских масс прочности червонца» (4).

Постановление это было принято 9 апреля. С этого времени разменный кризис медленно и весьма неравномерно стал уже ослабевать.

[1] «Положение рынка и борьба с дороговизной в Донбассе»—«Экономическая жизнь» от 11 марта 1924 г., № 133.

[2] Центр, архив Наркомфина СССР, ф. к., да. 5, д. № 11, л. 70.

[3] *Там же,* л. 19.

[4] Центр, архив Наркомфина СССР, ф. к., оп. 5, д. № 52, л. 11.

Но в деревне он ощущался еще очень долго. В обзоре, относящемся к октябрю 1924 г., сообщалось: «Недостаток денег в обращении продолжает проявляться в осуществлении натурообмена в деревнях. Некоторые обзоры Архангельского губфо, Череповецкого[1], Вотского облфо говорят о незначительности натурообмена. Орловский же губфинотдел указывает, что натурообмея составляет (в Елецком и Ливанском уездах) 50 проц. розничного оборота. В Северодвинской губ. натурообмея процветает».

Еще более ярко характеризует положение следующая телеграмма из области Коми от 9 октября 1924 г.: «Товарооборот принимает уродливые формы, значение денег ничтожно, все оценивается натурой...»[1]

Нами показаны и причины, и следствия разменного кризиса.

Резюмируя изложенное, можно сказать, что *к тем трудностям и опасностям, которые стояли перед партией при проведении денежной реформы, присоединился еще «субъективный фактор» — скверная подготовительная работа и грубо-ошибочная практика Нарком-фиш в период денежной реформы.*

Необходимо отметить, что и после того, как в целом покупюр-ное строение денежной массы в обращении было приведено к удовлетворяющим платежный оборот пропорциям, Наркомфин и Госбанк допускали в своей практике ошибки в территориальном распределении денежных знаков различных купюр. Ввиду этого явления «разменного голода» наблюдались также и в 1925 г., в особенности в период осенней хлебозаготовительной кампании.

Так, 29 августа 1925 г. Наркомвнуторг писал в Наркомфин СССР, что «по полученным в НКВТ СССР сведениям многие почтово-телеграфные конторы главнейших хлебозаготовительных районов, как, например, Поволжья, не обеспечены достаточным количеством средств, ввиду чего оплата переводов ссыппунктам этими конторами производится несвоевременно и в крупных купюрах за отсутствием мелких денег и разменной медной монеты, что неблагоприятно отражается на хлебозаготовках»[2].

В то время, когда в одних районах ощущался острый недостаток в разменной (металлической) монете, в других, наоборот, обращение «засорялось» ею и ощущался острый недостаток средне-купюрных денежных знаков.

В своей докладной записке от 12 сентября 1925 г. Сталинское окрфо писало в Наркомфин СССР:

«Ненормальное отсутствие средних денежных знаков (казбилетов Мелкой купюры) приводит к следующим нежелательным явлениям... Некоторые кассы принуждены очень часто прибегать к указанию на норму сдачи серебром. Это приводит к тому, что население видит в серебряной мелкой монете не совсем удобные деньги и стремится к тому, чтобы не принимать их, а предъявляет требования на казбилеты...»[3]

Эти крупнейшие дефекты управления «кассовым хозяйством» Наркомфина и Госбанка обусловливались также отчасти сохранением на практике элементов вертикальной системы распределения дензнаков, не имевшей никаких оснований для своего существования после проведения денежной реформы.

Некоторые предприятия и организации общесоюзного подчине-

[1] Центр, архив Наркомфина СССР, ф. к., оп. 8, д. № 950, л. 10.
[2] *Там же,* д. № 942, л. 62.
[3] *Там же.*

ния получали денежные знаки непосредственно из центра, а не через местный филиальный аппарат Госбанка.

§ 8. Характер казначейской эмиссии после реформы

Декрет от 29 октября 1924 г.[1] о запрещении эмиссии казначейских билетов для покрытия бюджетных расходов существенно изменил характер казначейского билета как денежного знака. До этого декрета размер эмиссии казначейских билетов так же, как и размер эмиссии совзнаков, обусловливался величиной разрыва между фактическими размерами доходов и расходов государственного бюджета. В этом было существенное отличие совзнака и казначейского билета от червонца, для которого подобная зависимость отсутствовала. После издания указанного декрета остались лишь внешние и формальные различия между червонцем и казначейским билетом.

Однако в Советском государстве эти формальные различия не имеют существенного значения: в действительности после издания указанного декрета эмитируются *не две твердые валюты, но единая твердая валюта, ибо назначение и способ использования государством казначейских билетов те же, что червонцев. Обеспечением же обеих валют является не только золотой запас, но вся сумма активов Госбанка, которая и в 1924 г., и ныне значительно превышает сумму эмиссии и червонцев, и казначейских билетов, вместе взятых.* Эти активы Госбанка в конечном счете представляют собой, помимо золотого запаса, те огромные товарные массы, которые принадлежат социалистическим предприятиям. «Устойчивость советской валюты обеспечивается прежде всего громадным количеством товарных масс в руках государства, пускаемых в товарооборот по устойчивым ценам»[2].

Для обеспечения устойчивости новой валюты Советское государство в период завершения денежной реформы широко использовало принадлежащие ему товарные массы и благодаря этому сумело овладеть движением цен, стабилизировать покупательную силу новой валюты. В этом заключалась важнейшая особенность советской денежной реформы.

(КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

1. При наличии бюджетного дефицита и необходимости эмиссии казначейской валюты для покрытия этого дефицита создавалась угроза обесценения новой казначейской валюты (падения валютного курса и роста товарных цен). Эта угроза была тем более реальной, что к моменту реформы ряд отраслей промышленности испытывал финансовое напряжение, а индекс розничных цен, несмотря на сжатие «ножниц», возрос.

[1] С. З. 1924 г., № 20, ст. 193.
[2] *И. Сталин,* Вопросы ленинизма, 11-е изд., стр. 391.

2. При обсуждении плана проведения денежной реформы на XIII партконференции (январь 1924 г.) троцкисты, маневрируя и двурушничая, пытались посеять панику и сорвать проведение реформы, но получили от конференции сокрушительный отпор. ЦК РКПб) мобилизовал силы партии и трудящихся на борьбу за успешное завершение денежной реформы.

3. В борьбе за финансовую дисциплину, за экономию, за сокращение доходов были достигнуты в короткий срок крупные успехи, что в связи с ростом доходов бюджета дало возможность правительству уже с 1 июля 1924 г. отказаться от эмиссии казначейских билетов для покрытия бюджетного дефицита, а это 'было важнейшим шагом в деле обеспечения прочного успеха денежной реформы.

4. Повышение и стабилизация курса казначейских билетов и червонца были достигнуты отнюдь не в результате якобы искусного применении наркомфиновскими и госбанковскими спецами золотой и валютной «интервенции». Укрепление валютного курса было обусловлено созданием благоприятной конъюнктуры валютного рынка в результате политики активного торгового и платежного баланса, которую партия неуклонно проводила в жизнь.

5. При проведении денежной реформы Наркомфин, возглавлявшийся тогда зиновьевцем Сокольниковым (который окружил себя группой махровых правых оппортунистов и буржуазных, кадетского типа, финансистов), и Госбанк допустили грубые ошибки в деле регулирования размеров и покупюрного строения эмиссии. В результате завершения денежной реформы происходил рост емкости денежного обращения, рост требований оборота на твердую валюту. Наркомфин же и Госбанк искусственно сдерживали эмиссию, особенно казначейских билетов, что привело к острому разменному кризису.

6. Серьезные экономические и финансовые трудности, порожденные искусственно вызванным разменным кризисом, заключались в том, что этот кризис привел: а) к массовому выпуску на местах денежных суррогатов, б) к появлению лажа на казначейскую валюту, что создало угрозу устойчивости червонца, в) к обострению спекулятивной курсовой игры на «черной бирже», г) к серьезным затруднениям в осуществлении центральной экономической проблемы реформы — снижения цен и развертывания товарооборота, д) к появлению тенденций к натурообмену и натурализации хозяйства в деревне.

Все эти болезненные явления в экономике использовали капиталистические элементы в городе и деревне для борьбы против экономической и финансовой политики советской власти в период реформы. Партия успешно преодолела и те трудности в проведении денежной реформы, которые явились следствием ошибочной и вредной практики Наркомфива.

Глава тринадцатая

ЗАВЕРШЕНИЕ ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЫ В 1924 г.

(Регулирование рынка и цен. Историческое значение реформы)

§ 1. Борьба партии за проведение политики снижения цен в период завершения денежной реформы

Для успеха реформы необходимо было добиться не только стабилизации валютного курса рубля, но также и стабилизация уровня внутренних товарных цен («покупательной силы рубля»), выраженных в новой валюте. В полной мере, учитывая серъезнооть угрозы срыва денежной реформы в случае повышения цен в новой валюте, партия требовала своевременного и планомерного воздействия государственных органов на промышленность и товарный рынок, чтобы обеспечить проведение политики снижения уровня внутренних товарных цен, т. е. повышения покупательной силы червонца. И в этом вопросе линию партии атаковали предатели-троцкисты, прикрывавшие свои контрреволюционные планы двурушническими маневрами.

Тов. Молотов разоблачил антипартийный характер выступления предателя Пятакова на XIII партконференции, продолжавшего отстаивать свой приказ о максимальных прибылях даже тогда, «...когда ЦК партии предлагает сделать лозунгом для нашей промышленности минимальную, умеренную прибыль»(1)

Ограничение стремлений трестов к «максимуму прибыли» давало возможность значительно снизить цены: так, например, перед реформой цена нефти была снижена вдвое против требований Азнефтй, и все же у этого треста осталась прибыль [2].

По химической промышленности прибыль за 1923—24 г. составляла 30 проц., снижение этой нормы прибыли до 5 ироц. давало возможность снизить цены на эти товары соответственно сокращению прибыли (3)

Значительные возможности для снижения цен имелись не только в промышленности по линии снижения себестоимости и ограничения прибылей, но и в товаропроводящей системе, где высокие накладные расходы и большие прибыли взвинчивали цены товаров при их продвижении от производителя к потребителю.

[1] XIII партконференция РКП(б), 1924 г., М., стр. 44.

[2] *Там же,* стр. 10, 11.

[3] Сборник «Денежная реформа», Л., 1924 г., стр. 35—36.

Достаточно, например, указать, что по данным обследования Юго-Восточного бюро ЦК РКП (б) низовой сети кооперации, проведенного под руководством тов. Микояна в ноябре—декабре 1923 г., торговые накидки на фабричную себестоимость на ряд ходовых товаров составляла 500—600 проц. Так, цена ящика спичек в лавках сельской кооперации включала в себя накидку *в* 511 проц. к себестоимости, цена ящика гвоздей — 629 проц. и т. д.(1)

Множественность посредствующих звеньев, плохой ассортимент, организационная слабость визовой кооперации, слабое руководство со стороны кооперативных центров и слабый контроль со стороны банка, ненормальные условия кредитования визовой кооперации — таковы причины высоких торговых накидок и высоких цен и успеха частных торговцев в конкурентной борьбе с потребкооперацией.

ЦК РКПб) в своем обращении в связи с денежной реформой призывал к борьбе за ликвидацию «хаоса цен», существовавшего до реформы:

«Прежнему хаосу цен, удесятерившемуся хаосом денежного обращения, должен (быть положен решительный конец, именно при переходе к твердой валюте, которая дает возможность госпромышленности и госторговле вырвать с корнем из своей практики нездоровые тенденции использования колебаний цен, дающие призрачную выгоду отдельным предприятиям, но наносящие непоправимый ущерб делу организации социалистического хозяйства» [2].

Комвнуторг 29 февраля принял решение об обязательном снижении оптовых цен с 1 марта:

1) на хлопчатобумажные изделия — в среднем на 14 проц. против цен, утвержденных Комвнуторгом 26 ноября 1923 г.;

2) на льняные ткани—в среднем на 10 проц. против действующих с 24 октября 1923 г.;

3) на грубошерстные' сукна— 10 проц.;

4) на камвольные ткани — в среднем иа 20 проц.

В этом же постановлении было предложено Всероссийскому текстильному синдикату я всем местным трестам «немедленно произвести также соответствующие снижения и в своей розничной торговле и широко оповестить о новых ценах население» [3].

Это постановление было проведено в жизнь и не только не нанесло никакого удара промышленности, но, наоборот, подтянуло наиболее слабые и наименее благополучные *в* отношении себестоимости и накладных расходов тресты и предприятия.

Комвяуторг в одном из своих постановлений указал на то, что:

«1) Рассмотрение калькуляций при снижении цен является необходимым и обязательным, 2) снижение цены не может быть произведено за счет таких расходов, бесспорность и экономическая необходимость которых для производства и торговли в соответствующих местных условиях очевидна»[4].

Необходимость издания такого постановления, очевидно, была вызвана тем, что на местах применялась практика огульного снижения цен. Однако центр, как 'Показывает это постановление, запрещал такие методы снижения цен.

[1] «Кооперация в деревне, как она есть», под редакцией А. И. Микояна, Ростов на Дону, 1924 г., стр. 9—13.

[2] «Директивы ВКЩб) по хозяйственным вопросам», М., 1931 г., стр. 162.

[3] «Экономическая жизнь» от 1 марта 1925 г

[4] «Экономическая жизнь» от 21 марта 1924 г.

В течение 1924 г. снижение оптовых цен в той или иной мере было осуществлено по всем отраслям государственной промышленности, в результате чего и общий индекс оптовых цен сначала снизился, а затем стабилизировался, что видно из следующей таблицы:

Индекс оптовых цен ЦСУ[1]

Даты	С.-х. товары	Промтовары	Общий	Даты	С.-х. товары	Промтовары	Общий
Март 1924 г. .. .	1624	2	1 860	Август 1924 г. . .	1528	2	1 759
Апрель 1924 „ . . . Май	1539	129	1	Сентябрь 1924 „ . .	1406	025	1 673
1924 „ . . . Июнь	1	2	780	Октябрь 1924 „ . .	1	1996	1 642
1924 „ . . . Июль 1924	449	058	1	Ноябрь 1924 , . .	359	1984	1 660
, . .	1	2	713	Декабрь 1924 „ . .	1404	1	1 709
	372	024	1		1	662	

За 10 месяцев 1924 г. индекс оптовых цен промтоваров снизился «а 8,6 проц., а общий индекс цен — на 8,2 проц. Происшедшее-в июле повышение оптовых цен на с.-х. товары в связи с неудовлетворительным урожаем 1924 г. приостановило снижение общего индекса оптовых цен. Все же этот индекс в итоге года стабилизиро-вался та уровне более низком, чем в начале реформы.

Противники снижения оптовых цен утверждали, что это снижение цен пойдет лишь на пользу частнокапиталистическому накоплению в ущерб социалистическому накоплению, ибо приведет якобы лишь к усилению разрыва оптовых и розничных цен.

На деле же партия при активной поддержке трудящихся масо широким фронтом развернула борьбу за *снижение розничных цен на базе снижения оптовых цен и уменьшения издержек обращения.* Постановлением СТО от 22 февраля 1924 г. право Комиссии по внутренней торговле при СТО регулировать товарные цены было распространено «на все товары, обращающиеся на внутреннем) рынке Союза ССР, во всех стадиях их товарного обращения», следовательно, также и в частноторговом обороте, а 29 февраля СТО было издано постановление о снижении розничных цен [2].

Комвнуторг в течение февраля 1924 г. — первого месяца реформы — издал ряд постановлений о контроле за ценами.

Постановлениями СТО от 29 февраля 1924 т. и 1 марта. 1924 г. ставки в 'товарных рублях были переведены в единицы новой валюты по паритету: 1 товарный рубль равен 1 руб. 50 коп. в твердой валю те для I пояса, 1 руб. 30 коп.—для II пояса и 1 рубль—для III поя са[5].

---

[1] «Статистический ежегодник Наркомфина» за 1923—24 г., стр. 269 и за. 1924—25 г., стр. 276.

2 С. У. 1924 г., № 35, ст. 339.

[3] Территория СССР была разбита на 3 пояса в соответствии с существо вавшими к этому моменту различиями в уровне товарных цен различных рай онов.

Поскольку во избежание увеличения бюджетных расходов и удорожания себестоимости фабрично-заводской продукции твердо был взят курс на сохранение неизменных номинальных ставок зарплаты, *постольку сохранение или повышение реального уровня зарплаты зависело от стабилизации или снижения уровня розничных цен товаров.*

Без активнейшей помощи рабочего класса борьба государства за проведение политики снижения цен была бы крайне затруднена. Профессиональные и советские организации под руководством партии принимали активное участие в проведении кампании снижения цен. Они установили общественный контроль за государственными кооперативными торговыми предприятиями и за частным рынком.

ЦКК и РКИ в своем обращении к местным организациям непосредственно -связывали задачу снижения цен с переводом зарплаты на червонное исчисление, чтобы «проведение денежной реформы не могло послужить поводом для роста зарплаты в отдельных отраслях промышленности», что было бы «непосильным для государства и было бы одной из причин срыва успеха денежной реформы». Постановление СТО от 29 февраля 1924 г. о прекращении исчисления платежей по обязательствам И установлении тарифов и такс в товарных рублях заинтересовывало также и хозорганы в снижении и стабилизации цен.

§ 2. Регулирование рынка. Товарная интервенция на рынке за счет внутренних ресурсов

Уже с первого момента завершения реформы — в конце февраля 1924 г.— в печати указывалось, что тенденция роста розничных цен на товары создает серьезную угрозу проведению денежной реформы (1) и что «государство имеет в своих руках достаточно солидные фонды, чтобы в области, особенно предметов питания, в крупнейших хозяйственных центрах положить конец повышению цен»[2]. 1

В этот момент партия ставила проблему *вытеснения из оборота оптового и полуоптового торгового капитала.* В печати указывалось, что «в устранении частного крупного и мелкого посредничества в деле снабжения рынков лежит основная задача упорядочения торговли на рынках» (3).

В этот момент в печати выдвигалось требование, чтобы активные мероприятия экономического регулирования стали «обязатель-

[1] «Известия» в передовой о*т* 22 февраля 1924 г. отмечали серьезность по--ложения в отношении рыночных цен, что «уже сейчас сказалось на сокращении покупательной силы нашей твердой валюты».

[2] «В [борьбе за денежную реформу» — «Экономическая жизнь» от 29 февраля 1924 г., № 116.

[3] «Торговля на рынках и госторговля»—«Экономическая жизнь» от 27 февраля 1924 г., № 122.

ными для всего товарооборота»[1]. Местные исполкомы, руководствуясь директивами ЦК, ЦКК и НКРКИ, расширяли рамки регулирования цен за пределы тех товаров, которые уже были объектом регулирования со стороны Замену торга.

Февраль — март были самим напряженным) периодом денежной реформы в отношении борьбы за цены, ибо нужно было сломить тенденцию роста цен, которая наблюдалась до реформы и продолжала проявляться и после проведения реформы.

Проведенное в феврале—марте снижение розничных цен в государственной и кооперативной розничной торговле не привело немедленно к соответствующему снижению товарных цен частного рынка. В результате появился значительный разрыв между ценами госторговли и кооперации, с одной стороны, и ценами частного рынка — с другой стороны[2]. Этот разрыв цен, создавший почву для спекуляции, представлял серьезную угрозу для успеха реформы.

В течение февраля — марта с мест поступали весьма тревожные сообщения. Так, например, с Урала телеграфировали 15 марта, что «начиная с февраля цены на все товары быстро растут. Своими силами остановить рост не можем. Создается серьезная угроза проводимой государством политике снижения цен. В первую очередь нужен ввоз хлеба, сахара, мануфактуры» [3].

Рост рыночных цен при снижении или стабильности цен в государственной и кооперативной торговле представлял серьезную опасность для закрепления денежной реформы.

Категорически отвергнув требования троцкистов о широкой товарной интервенции за счет ввоза товаров ширпотреба из-за границы, партия прибегала к маневрированию товарными массами за счет внутренних ресурсов и лишь в самой незначительной мере — за счёт ввоза товаров из-за границы. Товарные запасы перебрасыва-

[1] «Экономическая жизнь» от 28 февраля 1924 г., № 123 (передовая).

[2] В нашей статье «Денежная реформа и частные торговцы» (газета «Совет ский юг», апрель 1924 г.) сообщалось о том, что в первой половине марта ко операция Северного Кавказа провела весьма значительное снижение цен на различные товары — от 10 до 40проц.,а цены на частном рынке на эти товары не понизились. В результате этого усилилась спекуляция: «Мелкие спекулян ты занимаются перекупкой товаров в магазинах ЦРК (Центральный рабочий кооператив). Были случаи отобрания членских книжек у торговцев,- перекупав ших сахар...» В этой же статье сообщалось, что в ряде городов «цены част ного рынка иа предметы первой необходимости значительно выше кооператив ных и имеют тенденцию к росту, несмотря иа твердый курс совзнако». Осо бенно спекулируют частные торговцы в тех случаях, когда наши кооператив-вые лавки не имеют те|х или иных товаров». В статье указывалось, что для борьбы с этими явлениями необходимо быстрое и энергичное развертывание государственной и кооперативной розничной торговля и активное проведение, мероприятий товарной интервенции: «У нас имеется достаточно экономических ресурсов, чтобы заставить частных торговцев снизить цены. Мы имеем возмож ность маневрировать товарными резервами, провести в полной мере товарную интервенцию».

[3] Центр, архив Наркомфина СССР, ф. к., оп. 5, д. № 17, л. 31.

лись на те рынки, где ощущался *в* них недостаток, и таким путем» подрывалась спекуляция частных торговцев на повышение и достигалось снижение цен на этих рынках. В этих целях частично разбронировывалиеь предназначенные к экспорту товарные, в частности хлебные, фонды.

Так, Комиссия СТО по борьбе с дороговизной писала 15 апреля Хлебопродукту:

«В Феодосийском порту разбранировывается от экспорта по соглашению с Эксяортхлебом 50 000 пудов принадлежащей вам пшеницы. На основании изложенного предлагаю Вам реализовать на местных рынках по указанию Кр'ымвну-торга указанное количество пшеницы из вашего наличия в Феодосийском порту. Об исполнении донесите» (1).

В другом документе (от 15 марта 1924 г.) мы находим предложение Комиссии СТО Хлебопродукту: «...означенное количество пшеницы *в интересах безболезненного проведения денежной реформы* отправишь в Закавказье для реализации на местном рывке по ценам и на условиях, согласованных с Заккомвну-торгом» (Подчеркнуто мной.— *З. А.).*

Такое маневрирование товарными .запасами (хлеб, сахар, мануфактура и пр.), наряду с прямым воздействием, на госпромышленность и торговлю по линии расширения сбыта и снижения цен, очень быстро дало /положительные результаты. Уже в конце марта в ряде пунктов частные торговцы начали итти на понижение цен [2].

С конца марта и в течение апреля с мест все более часто стала поступать в центр благоприятная .информация. В апреле в одной правительственной публикации сообщалось, что «введение твердой денежной валюты повело к снижению цен на большинство товаров широкого потребления и в первую очередь на хлеб. Но неравномерное распределение хлеба по Союзу при значительном в общем его наличии в стране заставляет местную власть опасаться за возможность удержания цен на хлеб на ныне установленном уровне»[3].

Не успокаиваясь на достигнутых успехах, партия развертывала далее, вширь и вглубь, мероприятия по регулированию рынка и борьбе с частным капиталом, тем более, что в отношении некоторых товаров, например, мясопродуктов, положение и в апреле — мае все еще оставалось весьма напряженным).

Оптовые государственные торговые организации, отпуская частнику товары в кредит, требовали продажи товаров о фиксированной предельной накидкой, а в случае невыполнения этого условия прекращали отпуск товара. Госбанк активно содействовал снижению цен: через систему находившихся в финансовой зависимости от Госбанка обществ взаимного кредита Госбанк оказывал воздействие не только на оптовую торговлю, но и на розничную торговлю, а также на мелкие капиталистические и кустарные предприятия. Используя зависимость частника по линии ссуд, учета и переучета векселей, Госбанк либо добивался полного подчинений част-

[1] Центр, архив Наркомфина СССР, ф. к., оп. 5, д. № 17, л. 31. [2]- «Экономическая жизнь» от 29 марта 1924 г., № 147. [3] Центр, архив Наркомфина СССР, ф. к., оп. 5, д. № 11, л. 45. (Из обращения СНК СССР ко веем губернским и областным исполкомам).

пика требованиям государства в области цен, либо закрывал все пути к кредиту—коммерческому и банковскому. В период реформы Госбанк сократил кредитование частника по всем линиям (учет векселей, ссуды, кредиты обществам взаимного кредита), использовав высвободившиеся средства для усиления кредитования государственных *и* кооперативных организаций.

Так, например, Юго-Восточный коммерческий банк, находившийся под полным контролем Госбанка, до реформы 90 проц. своих продуктивных (приносящих доход) активов вложил в кредитование частника. Во время проведения реформы (в 1924 г.) этот банк радикально изменил направление своих ресурсов, и к концу года задолженность частника банку составляла всего 10 проц. продуктивных активов, а задолженность государственных И кооперативных организаций — 90 проц.

Банковский кредит в период реформы значительно укрепил позиции социалистического сектора в его конкурентной борьбе с капиталистическими элементами, и это служило весьма важным фактором обеспечения успеха политики снижения цен, укрепления валюты.

По директивам центра филиалы Госбанка в течение 1923—24 хозяйственного года резко сократили кредитование частника. Так, например, на Северном Кавказе задолженность частных лиц Госбанку за, период с 1 ноября 1923 г. по 1 сентября 1924 г. снизилась с 7 млн. руб. до 2 млн. руб., в то время как задолженность государственных и кооперативных организаций за тот же период увеличилась с 19,6 млн. руб. до 37,4 млн. руб. Удельный вес частника в кредитовании снизился с 26,1% до 5,7% общей задолженности клиентуры Госбанка по этому краю. («Финансовая газета», 1924 г., № 245).

Эта линия кредитной политики, встречавшая — преимущественно в замаскированной форме — сопротивление буржуазных и оппортунистических элементов в кредитном аппарате, настойчиво проводилась партией по всему СССР. Кредитная политика партии сыграла важную роль в вытеснении частного капитала из товарооборота, в обеспечении успеха денежной реформы.

В борьбе с частным капиталом Советским государством был использован также и налоговый рычаг: применялись меры финансового воздействия (повышенное налоговое обложение) на торговые, в особенности крупные, фирмы, противодействовавшие государственной политике цен. Немаловажную роль сыграло также и распоряжение советских торговых организаций транспортными средствами, что давало им возможность совершать в необходимом направлении быстрые, внеочередные переброски товарных грузов и препятствовать спекулятивным оборотам частника. 'Монополия внешней торговли исключала какую-либо возможность для иностранного капитала повлиять на ход проведения денежной реформы или использовать ее для товарной и валютной спекуляции через

биржевой механизм!. Наличие внутри СССР развитой системы товарных бирж (в 1924 г. было свыше 100 товарных бирж) с фондовыми отделами (при наиболее крупных из них), находившихся под полным контролем государства, также сыграло важную роль в проведении экономических мероприятий по регулированию цен в период реформы. Введение в практику обязательной регистрации на биржах всего внебиржевого оптового оборота давало возможность государственным Органам учитывать направление товарных потоков по районам, отпуск товаров частнику и руководить всем оптовым торговым Оборотом в нужном направлении.

Партия настойчиво и упорно боролась за вытеснение из товарооборота оптовых и полуоптовых торговых капиталистов государственными и кооперативными организациями. Тов. Андреев в приветственной речи от имени ЦК РКП(б) на I Всесоюзном финансово» совещании 26 июня 1924 г. заявил: «Если на рынке будет продолжать господствовать частный торговец, наше благополучие в области денежной реформы будет поставлено под вопрос. Если этим хозяином станет государство и общественные организации в лице кооперации, проведение денежной реформы будет обеспечено» [1].

Реформа диктовала необходимость наступления на частный капитал, а ее успехи создавали условия для дальнейшего развития этого наступления. Попытка частного капитала сорвать реформу провалилась: не только оптовые, но и розничные цены на товары были снижены и в дальнейшем стабилизованы, что видно из следующей таблицы [2].

	Бюджета, индекс Бюро стат. труда (среднемесячные цены)		
	с.-х. товары	промтовары	общие
Март 1924 г.	1 871	2 580 2	2 126 2
Апрель 1924 „ Май	1902	476 2	109 2
1924 „ Июнь 1924	1874 1	448 2	081 2
„ Июль 1924 „	814 1	432 2	037 2
Август 1924 „	930 1878	441 2	114 2
Сентябрь 1924 „	1668 1	463 2	089 1
Октябрь 1924 „	610 - 1	456 2	952 1
Ноябрь 1924 „	676 1739	488 2	926
Декабрь 1924 „		501 2	1972
		380	1969

В борьбе с рыночной стихией за план осуществления денежной реформы партия одержала крупную победу.

[г] Всесоюзное финансовое совещание, Стенографический отчет, М., 1924 г., стр. 14.

[2] «Статистический ежегодник Наркомфина» за 1923—24 г., стр. 269 и[1] аа 1924—25 г., стр. 276.

В период реформы советская власть приобрела опыт регулирования денежной системы посредством методов, доступных только для Советского государства,— маневрирования товарными массами и экономического регулирования рыночных цен.

В период завершения денежной реформы эмиссия денежных знаков и объем денежной массы в обращении значительно возросли. Так, если на 1 февраля 1924 г. в обращении было денежнык знаков всего на 326,2 млн, руб., то на 1 декабря 1924 г. объем денежной массы составил 722,3 млн. черв, руб., а на 1 декабря 1925 г.— 286,6 млн. черв, руб., следовательно, объем денежной массы с (момента реформы до конца 1925 г. возрос почти в четыре раза. Несмотря на такой значительный рост эмиссии, ценность денег — валютный курс и их покупательная сила — повысилась, а в дальнейшем прочно стабилизировалась. Так, если оптовый индекс цен промтоваров Госплана на 1 февраля составлял 2,269 (цены 1913 г.= = 1), то на 1 декабря 1925 г.— 1,976, а общий индекс цен на те же даты—1,865 и 1,793. Стабилизировались и розничные цены: всесоюзный бюджетный индекс статистики труда на 1 марта 1924 г. составлял 2,06, а на 1 декабря 1925 г. — 2,05. Вольный рыночный курс золотой десятирублевой монеты в 'червонцах составлял в Москве на 1 февраля 1924 г. 14 руб. 10 коп., а иа 1 декабря 1925 г. — 10 руб. Курс доллара в Москве: да 1 (февраля 1924 г. — 2 руб. 19 коп., а на 1 декабря 1925 г.— 1 руб. 94,5 коп. Таким образом, курс золотой десятки и доллара был снижен и закреплен на уровне установленного денежной реформой золотого содержания червонца и новой казначейской валюты.

Чем же объясняется тот факт, что, несмотря на увеличение денежной массы в обращении почти в четыре раза, ценность денег не только не упала, но, наоборот, повысилась? Это объясняется, во-первых, тем, что эмиссия и рост денежной массы в обращении соответствовали росту потребности товарооборота в устойчивых денежных знаках. В результате ликвидации совзнака произошло значительное расширение емкости денежного обращения. Скорость обращения обесценивающихся совзнаков была ненормально высокой.. Совзнаки не могли являться орудием накопления и сбережений. Восстановление нормальной скорости обращения денежных знаков при: исключительно высоких темпах подъема хозяйства и. расширения товарооборота в 1924 и 1925 гг. обусловило тот значительный рост потребности хозяйства в устойчивых денежных знаках, который и был: удовлетворен эмиссией кзвалюты и банкнот. В общей массе денег,, находившихся в обращений к концу 1925 г., банкноты составляли 57,2%, казначейские билеты — 30,6% и разменная монета—12,2%.. Таким образом, удельный вес казначейской валюты купюрами до-5 руб. — 42,8% и банковской валюты купюрами от 10 руб.— 57,2%. Такое строение денежной массы в полной мере отвечало потребностям платежного оборота: явления «разменного голода» в 1925 г. были устранены.

§ 3. Историческое значение денежной реформы и ее принципиальное отличие от денежных реформ в капиталистических странах

В течение второй половины 1924 г. и первой половины ,1925 г. частный капитал был выбит из важнейших позиций в сфере оптово-посреднической торговли. Советское государство овладело регулированием товарного и валютного рынка, стабилизировало товарные цены и валютный курс рубля, ликвидировало бюджетный дефицит, преодолело разменный кризис.!

Если в момент XIII партсъезда (май 1924 г.) еще не были преодолены все трудности в проведении реформы и поэтому перед партией еще стояла проблема завершения денежной реформы, то к концу 1924 г. денежная реформа была полностью завершена. XIV партконференция (апрель 1925 г.) и III съезд советов СССР (май 1925 г.) дали оценку денежной реформы, как уже *пройденного этапа.* XIV партконференция отметила, что успех денежной реформы открывает «...новую страницу в области хозяйственного строительства СССР, создавая прочную базу для дальнейшего экономического прогресса» (1)

III съезд советов СССР констатировал, что «реформа денежного обращения Союза удалась полностью. Будучи подготовлена всем предшествующим хозяйственным и финансовым строительством Союза ССР, она в свою очередь является основой дальнейшего ускоренного и более уверенного подъема во всех отраслях народного и государственного хозяйства»[2].

Вместе с тем съезд подчеркнул значение того факта, что «трудящимся массам Союза ССР удалось не только без иностранной помощи, а, наоборот, в условиях финансовой блокады создать твердый финансовый порядок, дающий возможность наладить правильную работу Советского государства во всех отраслях... поставить на службу социалистическому строительству и укреплению всего народного хозяйства новый механизм денежной и кредитной системы» [3].

Реформа явилась крупнейшим положительным фактором в развитии промышленности и сельского хозяйства, в завершении восстановительного процесса народного хозяйства, в развитии системы народнохозяйственного планирования СССР.

1924—25 г. — первый пореформенный год — был годом максимального за весь восстановительный период подъема промышленности. В этом году продукция планируемой промышленности составила 4,9 млрд. руб.—рост на 57 проц. по сравнению с 1923—24 г. Прибыль промышленности в 1924—25 г. составила 456 млн. руб., амортизация — 323 млн. руб., капиталовложения — 426 млн. руб. Этот подъем промышленности в 1924—25 г. можно поставить

[1] «ВКП(б) в резолюциях я решениях», ч. II, М., 1936 г., стр. 14.
[2] Сборник «Торговля и финансы», 1927 г., М., стр. 84.
[3] *Там же.*

в прямую связь с оздоровлением финансово-хозяйственных отно шений промышленности (по линии сбыта, расчетов, банковского кредитования, финансирования и пр.).

Устойчивая валюта создала твердые основы для промышленной калькуляции, для контроля, для планирования промышленности и, наконец, для стимулирования подъема производительности через механизм дефиренцированной денежной зарплаты. Во второй половине 1924 г. себестоимость была снижена почти на 20 проц. По производительности труда промышленность уже в 1925 г. достигла довоенного уровня, а по объему промышленной продукции — в 1926 г.; реальная зарплата после реформы возросла, достигнув в 1924—25 г. довоенного уровня.

Не меньшее значение имела реформа для развития сельского хозяйства, для укрепления экономического союза рабочего класса и крестьянства. Крестьянство реально ощутило улучшение рыночных условий реализации сельскохозяйственной продукции: прекратились курсовые потери на совзнаках, почти ликвидировался разрыв цен промышленных и сельскохозяйственных товаров, укрепление и развитие на селе потребкооперации лишило значительную массу торговцев и кулаков возможности обирать трудовой народ. Между тем до реформы потребкооперация не могла достаточно успешно развиваться в деревне и бороться с кулаком' и торговцем. О том, насколько улучшилась для крестьянства рыночная конъюнктура, видно, например, из следующей таблицы:

Число фунтов ржаной муки, приходящейся на единицу товара[1]

Товары	Един, счета	1913 г.	Октябрь 1923 г.	1924-25 г.		
				октябрь	январь	июль
Ситец	арш.	5,5	30,4	12,8	11,7	6,4 1,0
Керосин	фун.	1,9	4,2	1,8	1,6	264
Сапоги	пара	222	722	537	459	3,8
Мыло.....	фун.	4,9	13,1	7,7	6,6	52,4
Табак		49,9	154,5	100,3	88,6	5,9 0,5
Сахар.....		6,3 0,4	31,5	14,3	10,7	
Соль			2,5	1,0	0,9	

Мы видим, что к июлю 1925 г. крестьянин за некоторые промтовары (сахар, керосин и мыло) уже отдавал меньше муки, чем до войны, ценность других промтоваров, выраженная в муке, приближалась к довоенной.

Отношение индекса розничных цен промтоваров к сельскохозяйственным товарам («раствор ножниц») на 1 марта 1924 г. составляло 147,0, а на 1 августа того же года — 124,6. «Кризис сбыта» пром-

[1] «Экономическое обозрение», 1926 г., февраль, стр. 31.

продукции исчез окончательно, промышленность теперь уже не поспевала за ростом покупательной способности крестьянства, появились признаки так называемого «товарного голода».

Роль частного капитала в оптовом и розничном товарообороте после реформы резко упала, позиция же госторговли и кооперации в такой же мере расширилась и укрепилась, что видно из следующих данных:

Розничный оборот по секторам (включая общественное питание, без учета базарной торговли) 1

(в млн. руб.)

Сектора	1922-23 г.		1923-24 г.		1924-25 г.		1925-26 г.	
	млн. руб.	удельн. вес	млн. руб.	удельн. вес	млн. руб.	удельн. вес	млн. руб.	удельн. вес
Обобществленный сектор: Государственный	512 368	14,4 10,3	840 1622	15,4 29,7	1521 2871	19,9 37,7	2170 5 865	16,2 43,8
Всего по обобществленному сектору	88	24,7	2 46	45,1	4 392	57,6	8 035	60,0
частный	02 680	75,3	2 300	54,9	3 230	42,4	5 346	40,0
Всего .	3 560	100,0	5 462	100,0	7 622	100,0	13 381	100,0

Роль частного капитала в розничном товарообороте упала с 75,3 проц. до реформы до 54,9 проц. в период реформы и 42,4 проц. в первом году после реформы. Соответственно возросла роль госорганов и кооперации.

Денежная реформа имела большое внешнеполитическое значение для СССР. 1924 год принес Советскому Союзу ряд побед в области внешней политики.

Вследствие того, что наша страна пережила не только империалистическую войну, но также и три года интервенции империалистов и гражданской войны, производительные силы в СССР оказались к началу 1921 т. подорваны в большей степени, *чем. ш* воевавших капиталистических страдах. Обесценение денйг и финансовый кризис в СССР достигли к началу непа исключительной силы. Не смотри на это СССР удалось восстановить хозяйство, финансы и валюту раньше капиталистических стран (только Германия про-вела в конце 1923 г. денежную реформу, но: это была реформа,

[1] Данные ЦУНХУ, «Народное хозяйство», 1932 г., стр. 316.

проведенная за счет иностранных кредитов и под контролем иностранного капитала). Все воевавшие страны, а также вновь созданные после империалистической войны государства не смогли провести денежные реформы собственными силами и прибегли к получению иностранных, главным образом американских займов. СССР провел денежную реформу совершенно самостоятельно, не получив ни одного доллара иностранных займов.

Это было возможно только благодаря особой природе советского хозяйства, только благодаря тем преимуществам, которые имеет советская система хозяйства по сравнению с капиталистической. Те особые, невозможные в капиталистических странах методы проведения денежной реформы, которые были применены в СССР, являлись ярким свидетельством преимуществ советской системы хозяйства по сравнению с капиталистической системой хозяйства.

Итак, денежная реформа была проведена без помощи иностранного капитала и в ожесточенной борьбе с капиталистическими элементами внутри страны и их агентурой — троцкистскими предателями. *Она укрепила позиции социализма внутри страны и на мировой арене. Она доказала возможность успешного хозяйственного развития собственными силами, показала преимущества советской системы хозяйства над капиталистической системой. Денежная реформа явилась одним из практических доказательств возможности построения социализма в одной стране.*

Денежная реформа имела важное значение для развития народнохозяйственного планирования СССР, она подняла систему планирования на новую ступень. XIII партконференция в своей резолюции отметила, что «денежная реформа должна явиться одной из существенных предпосылок для необходимого усиления согласованности между отдельными частями народного хозяйства и впервые даст реальную основу для действительного планового руководства хозяйством» (1)

*

Классовое содержание денежной реформы СССР коренным образом отличается от денежных реформ в капиталистических странах.

Интересы каких классов были ущемлены в результате проведения денежной реформы?

Во-первых, нэпманской буржуазии, которая лишилась своих спекулятивных прибылей и потеряла ряд своих позиций в хозяйстве, в особенности в сфере товарооборота.

Во-вторых, деревенского кулачества, которое использовало обесценение совзнака и товарообмен для ограбления и закабаления середняков и бедняков посредством спекулятивной торговли и ростовщического кредита в натуре (ссуда хлебом под урожай).

Кто выиграл в результате реформы?

[1] XIII партконференция, М., 1924 г., стр. 213.

Реальная зарплата рабочих и служащих в результате успешного проведения политики снижения цен возросла. Трудовое крестьянство получило дешевые товары и обеспеченный сбыт своих продуктов в твердой валюте. Крестьянство получило также возможность пользоваться через систему сельскохозяйственной кредитной кооперации государственным кредитом; выдаваемым в твердой валюте по весьма низкому проценту, и освободиться от ростовщической кабалы. Рабочий класс, крестьянство и интеллигенция выиграли от исключительно быстрого подъема хозяйства после 1924 г., необходимым условием которого была денежная реформа. Денежные реформы в капиталистических странах проводятся буржуазными государствами в интересах крупного капитала 'без участия и за счет трудящихся масс, тяжесть стабилизации валюты всегда перекладывается в капиталистических странах на плечи рабочего класса и всех трудящихся. Денежная же реформа в СССР была проведена под руководством коммунистической партии и Советского государства самим народом, самими трудящимися массами в своих же интересах.

Таким образом, и методы проведения денежной реформы в СССР, и ее классовое содержание коренным образом отличаются от денежных реформ в капиталистических странах.

В момент проведения денежной реформы ЦК партии дал в следующих словах оценку исторического значения денежной реформы: «Денежная реформа — поворотный пункт нашего политического и хозяйственного развития. Созданием' твердой валюты революционное государство рабочих и крестьян неизмеримо утвердится и окрепнет; почти двухмиллиардный бюджет Советского Союза, бюджет, состояние которого является одним из решающих факторов как в политике, так и в хозяйстве, будет поставлен на надежную базу, какой не мот быть обесценивающийся ежедневно совзнак. Планомерность и отчетливость работы государственного механизма скажутся в каждой отрасли советского управления и хозяйства. Но еще более значительным будет успешный результат денежной реформы для внешней политики Союза: лицом к лицу с капиталистическим миром будет стоять не бессильная страна вроде Австрии, судьба которой в руках денежных тузов Лондона или Нью-Йорка, могущих спасти ее предоставлением кредитов или погубить отказом в них, а крепко организованное Советское государство, которое усилиями трудящихся масс сумело выйти из тягчайших бедствий и избежать финансового краха.

Для хозяйственного развития Советского Союза успех денежной реформы будет иметь последствия поистине громадные. Совзнак создавал между городом и деревней валютную стену; устойчивые деньги сыграют роль валютного моста между ними. Денежная реформа означает завоевание деревни для денежного хозяйства» (1)

* Сборник «Денежная реформа», Л., 1924 г., стр. 3,

Эта оценка денежной реформы полностью подтвердилась фактами хозяйственно-политического развития Союза ССР. Денежная реформа действительно оказалась «поворотным пунктом нашего политического и хозяйственного развития»: в течение одного года после реформы была завершена борьба партии за восстановление народного хозяйства и созданы были необходимые условия для перехода к новому периоду советского развития — периоду борьбы за социалистическую индустриализацию страны. Бездефицитный бюджет, крепкая кредитная система, твердая валюта сыграли важную роль в осуществлении гениального сталинского плана социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

(КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

1. Для проведения политики снижения цен накануне денежной реформы и в период ее завершения имелись большие возможности как в сфере производства, так и в сфере обращения: ряд трестов и предприятий получал чрезмерно высокую прибыль, а в товаропроводящей системе были исключительно высокие накладные расходы.

2. Поскольку после прекращения выплаты зарплаты по индексам (в товарных рублях) был взят твердый курс на сохранение в период реформы неизменных ставок зарплаты, постольку сохранение или повышение реального уровня зарплаты зависело от уровня розничных цен товаров. Рабочий класс вел борьбу за сохранение реального уровня зарплаты против стихии рынка, против капиталистических элементов и ее агентуры — троцкистов, против спекулятивно-нэпманских тенденций некоторых звеньев советского промышленного и торгово-кооперативного аппарата.

3. Партия при активной поддержке трудящихся масс добилась снижения цен и стабилизации покупательной силы рубля (розничных цен товаров), что было крупной победой в борьбе против стихии рынка и частного капитала. Денежная реформа укрепляла позиции социализма внутри страны и на мировой арене. Она доказала возможность успешного хозяйственного развития СССР без иностранных займов, она продемонстрировала преимущества советской системы хозяйства над капиталистической. Денежная реформа создала прочный валютный мост между городом и деревней, укрепила экономический союз рабочего класса и крестьянства. Она создала прочную «реальную основу для действительного планового руководства хозяйством». Укрепились и получили дальнейшее развитие все функции советских денег, используемые Советским государством «в интересах социализма, в ущерб капитализму».

4. Принципиальное отличие советской валюты от капиталистических валют нашло яркое выражение в денежной реформе. Условия и методы проведения денежной реформы в СССР, ее классовое содержание коренным образом отличны от денежных реформ в капиталистических странах.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3

Часть I

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ОТ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО НЭПА

Глава первая. *Денежное обращение в период подготовки и прове дения Великой Октябрьской социалистической революции*

§ 1. Денежное обращение после Февральской буржуазной революции. Банкротство финансовой политики буржуазного Временного прави тельства 7

§ 2. Требование национализации банков и вопросы денежной политики в экономической платформе партии большевиков на путях к Октябрю 11

§ 3. Национализация банков..... 16

§ 4. Политика стабилизации рубля и ленинский проект денежной реформы..... 25

§ 5. Борьба партии против контрреволюционных попыток подрыва де нежной политики советской власти 31

§ 6. Твердые цены, борьба за хлеб и стабилизация рубля 34

Краткие выводы 42

Глава вторая. *Денежная политика советской власти в период иностранной военной интервенции и гражданской войны*

§ 1. Военный коммунизм..... 45

§ 2. Необходимость увеличения эмиссии, невозможность стабилизации валюты 43

§ 3. Природа и роль эмиссии в период гражданской войны..... 52

§ 4. Финансовые нужды государства в период гражданской войны 56

Краткие выводы..... 62

Глава третья. *Организация денежной системы*

§ 1. Эмиссия совзнаков и денежных знаков старой формы. Аннулирова ние дензнаков белогвардейских правительств 65

§ 2. Система распределения совзнаков ?..... 70

§ 3. Эмиссия, бюджет и финансовый контроль..... 74

Краткие выводы..... 75

Глава четвертая. *Цены и денежное обращение на частном рынке* § 1.

Политика твердых цен и превращение твердых цен в неизменные цены 77

§ 2. Частный [рынок, деньги и мешочничество..... 81

§ 3. Влияние продовольственной политики государства на цены част ного рынка. Формы обмена и местные эквиваленты 86

§ 4. Индексы и исчисление ценности эмиссии. Теми эмиссии и темп обесценения денег 90

Краткие выводы 94

Глава пятая. *О теории и практике денежного и безденежного учета* § 1.

Карточная система распределения продуктов, натурпремирование и учет продуктов в натуре 96

§ 2. Проблема трудового учета и необходимость денег для социалистического хозяйства ... 103
Краткие выводы ... 108

Часть II

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К НЭПУ И ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА

Глава шестая. *Опыт организации товарообмена и переход к государственному регулированию торговли и денежного обращения*
§ 1. Переход к нэпу и организация товарообмена ... 110
§ 2. Недостатки организованного товарообмена и использование их частником ... 115
§ 3. Превращение на практике товарообмена в куплю-продажу за деньги. Переход на позиции государственного регулирования торговли и Денежного обращения ... 121
Краткие выводы ... 126

Глава седьмая. *Новая экономическая политика — новые задачи денежной политики*
§ 1. Переход к политике стабилизации рубля ... 128
§ 2. Денатурализация хозяйства ... 133
§ 3. Денежный голод и его роль в перестройке хозяйства и финансов на началах нэпа ... 136
§ 4. Система финансирования и кредитования народного хозяйства при переходе к нэпу ... 140
§ 5. XI съезд РКП(б) о задачах финансовой и денежной политики. Борьба партии за оздоровление госбюджета и стабилизацию валюты 144
Краткие выводы ... 150

Глава восьмая. *Первый этап денежной реформы. (Выпуск червонцев)* § 1. Проблема «кто — кого» в области денежного обращения ... 152
§ 2. Выпуск в обращение червонцев ... 154
§ 3. Денежное обращение и госбюджет при наличии двух валют ... 157
§ 4. Отрицательное влияние падающей валюты на положение рабочего класса и на развитие промышленности и сельского хозяйства. Угроза смычке города и деревни ... 161
§ 5. Оценка опыта параллельного обращения твердой и падающей валют ... 166
Краткие выводы ... 168

Глава девятая. *Проблема золота*
§ 1. Исторические указания Ленина о роли золота для Советского государства ... 170
§ 2. Допущение свободы владения золотом частными лицами и накопление золотых запасов Советским государством ... 174
§ 3. Методы регулирования советской властью валютного рынка. Победа твердой советской валюты — червонца — над золотой десяткой и иностранной валютой ... 175
§ 4. Борьба партии против буржуазных контрреволюционных установок в вопросах теории и политики денежного обращения СССР ... 177
Краткие выводы ... 179

Глава десятая, *Регулирование рынка и денежное обращение (1921—1923 гг.)* § 1. Перестройка системы регулирования цен после перехода к нэпу ... 181 § 2. Роль частника в товарообороте —слабость органов регулирования торговли ... 183
§ 3. Причины кризиса сбыта 1923 г. и мероприятия партии для ликвидации этого кризиса. Необходимость денежной реформы для ликвидации трудностей восстановления хозяйства 187
Краткие выводы ...

Глава одиннадцатая. *Экономические и финансовые предпосылки завершения денежной реформы в 1924 г.*

§ 1. Хозяйственный подъем и достижения в оздоровлении финансовой системы . > ..... , ... |..... 194
§ 2. Экономические и финансовые трудности на пути завершения денежной реформы в 1924 г 196
§ 3. Заинтересованность частного капитала в срыве реформы и в сохранении падающей валюты 199
§ 4. План завершения денежной реформы в 1924 г. и борьба партии против попыток троцкистов и буржуазных экономистов сорвать этот план 203
Краткие выводы 210

Глава двенадцатая. *Завершение денежной реформы в 1924 г. (Анализ финансовых мероприятий)*

§ 1. Опыт эмиссии транспортных сертификатов 211
§ 2. Денежная реформа — в центре внимания всех партийных и советских организаций. Законодательные акты реформы 212
§ 3. Ликвидация бюджетного дефицита 216
§ 4. Политика активного торгового баланса и сокращения банкнотной эмиссии для приобретения иностранной валюты 218
§ 5. Разменный кризис и вызванные им затруднения в проведении денежной реформы 222
§ 6. Причины разменного кризиса 224
§ 7. Вредные последствия разменного кризиса. Угроза срыва денежной реформы 225
§ 8. Характер казначейской эмиссии после реформы 229
Краткие выводы 229

Глаева тринадцатая. *Завершение денежной реформы в 1924 г. (Регулирование рынка и цен. Историческое значение реформы)* § 1. Борьба партии за проведение политики снижения цен в период завершения денежной реформы 231
§ 2. Регулирование рынка. Товарная интервенция на рынке за счет внутренних ресурсов 234
§ 3. Историческое значение денежной реформы и ее принципиальное отличие от денежных реформ в капиталистических странах 240
Краткие выводы . . . . . , ...245

Ответственный редактор
проф. *Г. А. Козлов*
Редактор *Л. А. Кадышев*

Техн. редактор *В. Д. Элькинд*
Корректора: *С. А. Беренцвейг,*
Е. Л. Снегирева

Сдано в пр-во 27/II 1940 г.
Подписано к печати 1/X 1940 г.
ГФИ № 18 Л 6332 Тираж 3000.
Ф. б. 62 × 94/16 15½ п. л. В 1
п. л. 50690 зн., учетно-издательских л. 18,75 Заказ 832
Типография газеты „Правда"
имени Сталина, Москва,
ул. „Правды", 24.

07-23-24 рф
Финансовая Академия
при Правительстве
Российской Федерации
БИБЛИОТЕКА